

Министерство образования и науки Российской Федерации

**Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Тульский государственный университет»**

16+

ISSN 2071-6184

**ИЗВЕСТИЯ
ТУЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Выпуск 4

Часть II

**Тула
Издательство ТулГУ
2018**

Председатель

Грязев М.В., д-р техн. наук, проф., ректор Тульского государственного университета.

Заместитель председателя

Воротилин М.С., д-р техн. наук, проф., проректор по научной работе.

Ответственный секретарь

Фомичева О.А., канд. техн. наук, доц., начальник Управления научно-исследовательских работ.

Главный редактор

Прейс В.В., д-р техн. наук, проф., заведующий кафедрой.

Члены редакционного совета:

Батанина И.А., д-р полит. наук, проф., – отв. редактор серии «Гуманитарные науки»;
Берестнев М.А., канд. юрид. наук, доц., – отв. редактор серии «Экономические и юридические науки». Часть 2. «Юридические науки»;
Борискин О.И., д-р техн. наук, проф., – отв. редактор серии «Технические науки»;
Егоров В.Н., канд. пед. наук, доц., – отв. редактор серии «Физическая культура. Спорт»;

Заславская О.В., д-р пед. наук, проф., – отв. редактор серии «Педагогика»;
Качурин Н.М., д-р техн. наук, проф., – отв. редактор серии «Науки о Земле»;
Понаморева О.Н., д-р хим. наук, доц., – отв. редактор серии «Естественные науки»;
Сабина А.Л., д-р экон. наук, доц., – отв. редактор серии «Экономические и юридические науки». Часть 1. «Экономические науки».

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ответственный редактор

Берестнев М.А., канд. юрид. наук (ТулГУ, г. Тула);

Ответственный секретарь

Дубонос Е.С., д-р юрид. наук (ТулГУ, г. Тула).

Члены редакционной коллегии:

Волчецкая Т.С., д-р юрид. наук (Балтийский федеральный университет им. И. Канта, г. Калининград);

Головин А.Ю., д-р юрид. наук (уполномоченный по защите прав предпринимателей в Тульской области, г. Тула);

Казаков В.Н., д-р юрид. наук (ТулГУ, г. Тула);

Синельникова В.Н., д-р юрид. наук (Национальный исследовательский университет «ВШЭ», г. Москва);

Спирidonov А.А., канд. юрид. наук (заместитель директора департамента Правительства Российской Федерации по формированию системы «Открытое правительство», г. Москва);

Тишутина И.В., д-р юрид. наук (Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, г. Москва);

Толстухина Т.В., д-р юрид. наук (ТулГУ, г. Тула).

Сборник зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). ПИ № ФС77-61107 от 19 марта 2015 г.

Подписной индекс сборника 27854 по Объединённому каталогу «Пресса России».

Сборник включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук», утвержденный ВАК Минобрнауки РФ.

12.00.00 ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 343.98.06

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ ПРОФАЙЛИНГ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Т.С. Волчецкая, А.А. Абрамовский

Рассмотрена история зарождения профайлинга в России, США, Великобритании и ряде других стран. Проанализированы основные направления современного использования криминалистического профилирования. Высказана научная гипотеза об эффективности использования результатов криминалистического профилирования при выявлении лжи при допросе, а также для повышения эффективности криминалистической профилактики.

Ключевые слова: личность преступника, криминалистическая методика, профайлинг, психолого-криминалистический портрет.

В настоящее время во многих странах для выявления преступников используется метод составления их психолого-криминалистического портрета, так называемого психологического профиля. В то же время следует отметить, что научное осмысление этого феномена в мире только еще начинается. Среди ученых, рассматривающих эти вопросы, нет единого понимания понятия, сущности, а также методологических и методических основ криминалистического профайлинга. Поэтому, как справедливо было отмечено Т.С. Волчецкой, назрело время научной интеграции российской и зарубежной криминалистики, а рамках которой необходимо исследовать генезис и современные особенности применения криминалистического профайлинга на практике и попыток его осмысления в науке [1; 2].

Анализ литературы показал, что первое упоминание об истоках зарождения криминалистического профиля или профайлинга¹ большинство

¹Profile (англ.) – профиль.

ученых традиционно связывает с внедрением особой технологии по вычислению потенциально опасных лиц на территории аэропорта «Тель-Авив» в Израиле. Впоследствии такая практика получила мировое распространение.

Вместе с этим, распространена и иная позиция, согласно которой зарождение истоков профилирования следует искать гораздо раньше, а именно – в Средних веках, во времена инквизиции. Так, по мнению американских ученых, первым письменным источником профайлинга следует считать «Молот ведьм», в котором описываются психологические и иные характеристики, которым должна соответствовать ведьма, а также и способы ее обнаружения и проверки.

Большой вклад в развитие идей криминалистического профиля внес Чезаре Ломброзо, который выделил 18 критериев, которым должны соответствовать преступники.

Весомым в развитие этого вопроса был также и вклад германского криминолога доктора Эриха Ваффена (Erich Wuffen), который в своей работе «Женщина как сексуальный убийца» по сути описал социальные, поведенческие, а также биологические основы совершения убийств женщинами и вывел соответствующие профили женщин-убийц [3].

Основатель криминалистики Ганс Гросс также внес свой вклад в становление учения о профайлинге. Так, он утверждал, что особенности личности преступника необходимо раскрывать через совершенные им преступления. В частности, человек, совершающий кражу, оставляет очень важную характеристику о себе: способ совершения преступления. У каждого вора есть свой «стиль», от которого он редко отходит и не сильно его изменяет [4].

Американский ученый доктор Пол Л. Кирк в 1953 году опубликовал свое знаменитое произведение «Расследование преступления» (Criminal investigation), во втором издании которого он отметил, что криминалистическое профилирование – естественный результат оценки материальных доказательств [5], поскольку:

- изучение материальных следов может оказать существенную помощь в обнаружении преступника;
- материальные следы весьма полезны полицейскому еще до того, как он заподозрит конкретное лицо в совершении преступления. Если, например, лаборатория может дать характеристику одежде, которую носит преступник, дать представление о его возрасте, окраске волос или иной подобной информации, поиск подозреваемых лиц может быть существенно сужен.

В качестве иллюстрации возможностей криминалистического профилирования, основанного на изучении материальных объектов, Полом Л. Кирком был приведен любопытный пример. После осмотра перчатки, оставленной на месте кражи со взломом, на основе профилирования полицейским были сделаны следующие любопытные выводы: преступником был рабочий, связанный со строительством; он жил за пределами самого

города, на небольшом участке фермы или сада; был южным европейцем; выращивал цыплят и держал корову или лошадь.

В 1970 году Говард Тетен, ученик доктора Кирка, инициирует научную разработку и практическое внедрение программы криминалистического профилирования. В 1972 году им была разработана методика криминалистического профилирования для использования в процессе переговоров с заложниками, которая впоследствии была успешно апробирована.

В дальнейшем в 1972 году агент ФБР Джек Кирш возглавил так называемый поведенческий отдел ФБР, а в 1985 году уже был создан национальный центр ФБР по анализу насильственной преступности, который в том числе включил в себя и упомянутый поведенческий отдел [6]. Таким образом, деятельность по криминалистическому профилированию стала успешно реализовываться и обрела свои организационные формы.

В марте 1999 года была создана Международная академия поведенческого профилирования (Academy of Behavioral Profiling). Она стала первой международной, независимой, многопрофильной профессиональной организацией, изучающей и реализующей на практике методики профилирования. В настоящее время в академии есть секция для студентов; филиал для заинтересованного, непрофессионального специалиста и четыре секции для ее членов – поведенческая, криминологическая, следственная и судебная [7].

В настоящее время профайлинг в России используется преимущественно для обеспечения безопасности на транспорте. Об этом свидетельствует и анализ целого ряда правовых и иных актов. Так, его регламентация имеется в Приказе Минтранса России от 25.07.2007 №104 (ред.13.06.2017) «Об утверждении Правил проведения предполетного и послеполетного досмотров» [8]; в Приказе Федеральной авиационной службы России от 15.07.1998 № 222 «Об утверждении и введении в действие Типового положения о службе авиационной безопасности авиапредприятий (эксплуатанта) гражданской авиации» [9]; телеграмме Росавиации от 16.04.2012 № 160730 «Информация по безопасности полетов №8» [10].

Криминалистический профайлинг в России применяется гораздо реже. Что касается научной литературы, то упоминание о нем стало появляться во второй половине 20 века. Приведем несколько высказываний о профайлинге разных авторов.

«Для предотвращения противоправных действий необходимо учитывать все значимые факторы: в какой ситуации, каким образом и при каких условиях возникают террористические намерения, а соответственно какие пути и способы могут быть выбраны для их реализации» [11, с. 8].

«Метод психологического профиля – это попытка использовать поведенческие и психодинамические принципы психологии в прикладной области» [12, с. 312].

«Психологический портрет разыскиваемого преступника, будучи одной из разновидностей криминалистических мысленных моделей, представляет

собой систему сведений о психологических и иных признаках данного лица, существенных с точки зрения его выявления и идентификации» [13].

«Профайлинг – это технологии, направленные на предотвращение актов незаконного вмешательства посредством выявления потенциально опасных лиц и ситуаций при проведении мероприятий по обеспечению безопасности с применением методов прикладной психологии» [14].

Анализ приведенных определений позволяет сделать вывод о том, что криминалистический профиль или профайлинг – это, по сути, виртуальная (мысленная) модель предполагаемого преступника, которая характеризует его физиологические, психологические, социальные личностные качества, необходимые для расследования преступления. Криминалистический профиль относится к междисциплинарным научным разработкам в области криминалистики, криминологии, психологии, социологии, статистики, а также компьютерного моделирования. Цель криминалистического профайлинга – это выявление преступника на основе анализа материальных и иных источников информации.

Если говорить о прикладном значении криминалистического профилирования в России сегодня, то следует выявить несколько направлений. Наиболее часто он применяется в расследовании серийных преступлений [15]. Также его эффективность доказана практикой проведения оперативно-розыскных мероприятий при составлении поискового портрета преступника. Однако при составлении розыскного профиля правоохранительные органы сталкиваются с рядом проблем. Во-первых, это обусловлено тем, что отсутствует единая методика: анализ психологической и криминалистической литературы позволил нам выявить несколько различных подходов к составлению профиля, причем большинство из них не лишены недостатков. Во-вторых, мы полагаем, что предварительно необходимо сделать методологическое обоснование этих подходов. По мнению Е.А. Васкэ и В.Ю. Толстолуцкого, методологический подход, в основе которого лежит криминалистическая характеристика преступления, механизм совершения преступления и личность преступника, способен во многом решить эту проблему [16].

Помимо этого в практике в настоящее время используется так называемый технический профайлинг, который применяют на объектах транспортной инфраструктуры [17]. В процессе его проведения на основе компьютерного анализа и программ детекции анализируется стрессовое состояние человека, его склонность к лжи и страху. Исходя из этого, мы полагаем, что профайлинг, как инструмент по выявлению таких значимых признаков, может быть применен и в следственной практике для выявления ложных показаний, проблемных ситуаций и разработки тактических приемов допроса.

Целесообразным нам также представляется использование профайлинга для повышения эффективности криминалистической профилактики преступлений. Как мы уже отметили, профайлинг возник как метод предотвращения противоправных действий на объектах транспортной

инфраструктуры, однако, на сегодняшний день практика использования профилирования распространилась также и на проведение крупных культурно-массовых, социально-экономических и политических мероприятий. Использование этих методик правоохранительными органами с целью выявления признаков угрозы совершения преступлений, направленных против большого скопления населения, таких, как, например, террористический акт, имеет большие перспективы.

Знание базовых методик профайлинга позволяет сотрудникам правоохранительных органов сузить круг лиц, заподозренных в отношении потенциального совершения противоправных действий. Для этого необходимо использовать именно научно обоснованную методику профилирования по выявлению противоправных намерений по невербальной характеристике личности, поскольку методически необоснованная выборка лиц может только снизить эффективность действий правоохранительных органов по предотвращению террористических актов и насильственных действий на соответствующих объектах.

Список литературы

1. Волчецкая Т.С. Развитие криминалистической теории в России и США: сравнительный анализ// Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 3. С. 5-12.

2. Волчецкая Т.С., Головин А.Ю., Осипова Е.В. Особенности развития российской и американской криминалистики: криминалистическая техника, тактика и методика // Вестник Томского государственного университета. Право. 2018. № 29. С. 40-52.

3. Turvey Brent E. Criminal profiling. An introduction to behavioral evidence analysis. Academic Press. 2011. 728 p.

4. Gross, H., 1924. Criminal Investigation. Sweet & Maxwell, London, England. 478 p.

6. Kirk, P., 1953. Crime Investigation. Interscience, New York, NY.

McNamara, J., Morton, 2007. Cracking the BTK Case. The RCMP Gazette 69 (1).

7. Криминалистика / под ред. д-ра юрид. наук, проф. В.А. Образцова. М.: Юристъ, 1997. 744 с.

8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 12.11.2018) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> - 12.11.2018).

9. Об утверждении Правил проведения предполетного и послеполетного досмотров: приказ Минтранса России от 25.07.2007 № 104 (ред. от 30.03.2018) (Зарегистрировано в Минюсте России 09.08.2007 № 9975) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> - 24.04.2018.

10. Об утверждении и введении в действие Типового положения о службе авиационной безопасности авиапредприятия (эксплуатанта) гражданской

авиации: приказ Федеральной авиационной службы России от 15.07.1998 № 222 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

11. Профайлинг. Технология предотвращения противоправных действий: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальностям «Юриспруденция» и «Правоохранительная деятельность» / под ред. Ю.М. Волынского, Н.Д. Эриашвили. М.; Юнити-Дана; Закон и право 2012. 183 с.

12. Сайт организации. [Интернет-ресурс] URL: www.profiling.org (дата обращения 18.02.2018)

13. Профайлинг: учеб. пособие / сост. А.В. Дормидонтов, И.А. Семенова. Ульяновск: УВАУ ГА(И), 2011. 111 с.

14. Образцов В. А. Серийные убийства как объект психологии и криминалистики: учеб.-практ. пособие. М., 2003. 208 с.

15. Драпкин Л.Я., Долинин В.Н., Шуклин А.Е. Использование криминалистического портрета преступника в расследовании серийных убийств // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2017. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-kriminalisticheskogo-portreta-prestupnika-v-rassledovanii-seriynyh-ubiystv> (дата обращения: 05.03.2018).

16. Васькэ Е.В., Толстолуцкий В.Ю. Методологические основы комплексного корреляционно-смыслового подхода к составлению розыскного профиля неизвестного преступника. // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. Выпуск 4(26). С. 166 - 172.

17. Минкин В.А., Целуйко А.В. Практические результаты применения систем технического профайлинга для обеспечения безопасности на транспорте // Транспортное право. 2014. № 3 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения 05.03.2018).

Волчецкая Татьяна Станиславовна, д-р юрид. наук, проф., зав. кафедрой, larty777@gmail.com, Россия, Калининград, Балтийский федеральный университет имени И.Канта,

Абрамовский Андрей Александрович, магистрант, aaa_andrey95@mail.ru, Россия, Калининград, Балтийский федеральный университет имени И.Канта

FORENSIC PROFILING IN RUSSIA AND ABROAD

T.S. Volchetskaya, A.A. Abramovskiy

The history of the origin of profiling in Russia, the USA, the UK and a number of other countries is considered. The main directions of modern use of forensic profiling are analyzed. A scientific hypothesis has been made about the effectiveness of using the results of criminal profiling when detecting lies during interrogation, as well as to increase the effectiveness of criminalistics prevention.

Key words: criminal personality, forensic methodology, profiling, psychological-forensic portrait

Volchetskaya Tatyana Stanislavovna, doctor of law, prof., head department, larty777@gmail.com, Russia, Immanuel Kant Baltic Federal University.

УДК 343.98

СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА В СИСТЕМЕ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПОИСКОВО-ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

А.Ф. Волынский, И.В. Тишутина

В историческом аспекте анализируются особенности возникновения и развития принципа независимости судебной экспертизы; обосновывается необходимость введения в уголовный процесс, наряду с судебной экспертизой, исследования специалиста или «следственной» экспертизы; отмечается обоснованность решения Межведомственной комиссии по общественной безопасности Совета Безопасности РФ о предоставлении права производства экспертиз, кроме МВД РФ, другим правоохранительным министерствам и ведомствам. Констатируется назревшая необходимость и практическая целесообразность организации и проведения целевого межнаучного исследования проблем научно-технического обеспечения раскрытия и расследования преступлений, включая деятельность СЭУ и ЭКП.

Ключевые слова: судебная экспертиза, процессуальная независимость, исследование, специалист, эксперт, научно-техническое обеспечение, методы и средства, расследование.

Прошло уже пять лет, как Государственная Дума Российской Федерации рассмотрела в первом чтении проект нового федерального закона о судебно-экспертной деятельности. Однако вопрос по-прежнему открыт. Причина такого положения, судя по дискуссиям, связанным с обсуждением проекта данного закона, кроется в сугубо ведомственных подходах к определению понятия и назначения судебной экспертизы и требований, предъявляемых к ее организации и производству.

В этой связи напомним, что появление судебной экспертизы в уголовном судопроизводстве Российской Империи было предопределено судебной реформой 1864 года, которая отменила сословно-розыскное и положила начало формированию судебно-следственного уголовного судопроизводства с присущими ему требованиями и принципами. Одним из основных принципов деятельности суда провозглашалась его независимость, что обусловило аналогичные требования к методам и средствам судебного доказывания и к участникам уголовного процесса, реализующим их возможности в целях получения судебных доказательств. Самым непосредственным образом это относилось к сведущим лицам (частным судебным экспертам), процессуальная

независимость которых утверждалась как принцип их участия в судопроизводстве. Государственных судебно-экспертных учреждений в то время еще не было.

Важно заметить, что судебная реформа 1864 года, утверждая систему судебно-следственного уголовного судопроизводства, не исключала «розыскную» деятельность органов дознания, которая возлагалась на органы полиции. При этом, в судебно-следственной деятельности доминировали задачи доказывания, а в деятельности органов дознания – поисково-познавательные задачи. Соответственно, решение таких задач характеризуется использованием зачастую одних и тех же методов и средств, но в различных организационно-правовых формах. И это объяснимо, поскольку поисково-познавательная деятельность органов дознания осуществляется, как правило, с ориентацией на неотложность, оперативность, срочность действий.

Известный российский процессуалист И.Я. Фойницкий в 1899 году писал, что «успех дознания обеспечивается всего более возможностью производить его быстро и безостановочно, поэтому установление разных формальных требований в этой стадии было бы не только бесполезно, но даже вредно для интересов уголовного правосудия» [1, с. 404]. Однако в дальнейшем в нашей стране по исторически обусловленным причинам проявились различные, в основе своей ведомственные, подходы к реализации этой рекомендации. В советское время, фактически до 60-х годов прошлого века, действовал преимущественно розыскной процесс, который в условиях культа личности порой приобретал форму государственного террора, особо не нуждавшегося в возможностях науки и техники, в том числе, и в судебной экспертизе. Основной объем криминалистических экспертиз по уголовным делам (до 90%) в то время проводился в научно-технических отделах (НТО) органов милиции, сотрудники которых, вместе с тем, полностью обеспечивали участие специалистов при осуществлении осмотров мест происшествий и иных следственных действий.

Данное обстоятельство и стало объектом особого внимания критиков культа личности и борцов с его последствиями в сфере судопроизводства. При этом настойчиво утверждалось мнение, что совмещение функций эксперта и специалиста в одном лице, не гарантирует законность и объективность собирания и исследования доказательств, что принадлежность экспертов к правоохранительным органам априори несовместима с требованием их процессуальной независимости. В результате в 1966 году появилось дополнение к п. 3а ст. 67 УПК РСФСР, запрещающее назначать экспертизы лицам, участвовавшим по тому же делу в осмотре места происшествия. А по существу, с позиций узковедомственных, а в чем-то и конъюнктурных интересов, было принято правовое решение, не согласованное с организационными возможностями его выполнения. Чем это закончилось – хорошо известно. В действующем УПК РФ такого предписания нет.

Однако, в связи с закреплением в этом УПК РФ принципа состязательности сторон (обвинения и защиты), межведомственные разногласия в дискуссиях о судебной экспертизе приобрели еще более выраженный характер. Следствием таких разногласий, в частности, стало

инициирование адвокатским сообществом законодательного решения вопроса о признании в качестве доказательства заключения и показаний специалиста, даваемых им без исследования, фактически, на основе их субъективных представлений (п. 3.1 ч. 2 ст. 74 УПК). А по существу в данном случае правомерно говорить об участии специалиста в оценке доказательств, а не об отдельном виде доказательства.

Авторы этой оригинальной правовой новеллы настолько увлеклись самой идеей, что даже не заметили факт существования процессуальной фигуры «специалист» еще в УПК РСФСР 1961 года (ст. 66, 66-1, 78 УПК), в обязанность которого вменялись совершенно иные задачи – оказание помощи следователю и органу дознания в собирании и предварительном исследовании следов преступления, источников розыскной и доказательственной информации. Позже в аналогичной трактовке статус специалиста был закреплен с ст. 58 УПК РФ 2001 года.

Не остались в долгу перед адвокатским сообществом сторонники правоохранительных министерств и ведомств, поддержавшие законодательное решение о назначении и производстве судебных экспертиз до возбуждения уголовного дела (Федеральный закон от 4.03.2013 № 23). С учетом особенностей задач, решаемых органами дознания на стадии возбуждения уголовного дела, о чем говорилось ранее, такое правовое решение по существу вполне оправдано, но, строго говоря, оно оказалось в противоречии с уже определенным в УПК РФ предписанием о порядке назначения судебных экспертиз, начиная от наличия оснований для такого процессуального решения, завершая условиями его выполнения. При этом вопрос о процессуальной независимости судебного эксперта уже более 60-ти лет остается предметом бесконечных, а вместе с тем и бесплодных дискуссий.

Представители правоохранительных министерств и ведомств (МВД РФ, СК РФ, МЧС РФ и др.), отмечая особенности решаемых ими поисково-познавательных задач, связанных с раскрытием и расследованием преступлений, вполне убедительно доказывают реальную необходимость использования при этом возможностей судебной экспертизы. Правда, не совсем ясно, почему это должна быть непременно «судебная» экспертиза, а, например, не «следственная», «криминалистическая» или просто «научно-техническое исследование специалиста» с признанием доказательственного значения его результатов (по опыту стран Евросоюза).

Не менее убедительно отстаивают «свое мнение» представители Генеральной прокуратуры РФ, Верховного суда РФ, Минюста РФ, отмечая, в частности, возрастающую роль судебной экспертизы не только в уголовном, но и в гражданском, арбитражном судопроизводстве. Правы они и в том, что принцип процессуальной независимости судебного эксперта в условиях рыночных социально-экономических отношений и глобализации международных отношений приобрел не только организационно-правовой, но и политико-правовой характер. Основные требования, предъявляемые к судебно-экспертной деятельности, в том числе о процессуальной независимости

судебного эксперта, нашли отражение в документах ООН, заключены в соответствующем стандарте стран Евросоюза.

Таким требованиям, судя по всему, не отвечают в нашей стране эксперты правоохранительных органов, в частности, МВД РФ. Не без связи с данным обстоятельством ЭКЦ МВД РФ в 2010 году вышло из системы экспертных учреждений европейских стран. Впрочем, для ЭКЦ МВД РФ это не большая утрата, поскольку его международное сотрудничество, как и в целом МВД РФ, успешно осуществляется через Интерпол. Иначе говоря, наша страна оказалась перед выбором – либо единая система государственных судебно-экспертных учреждений, включая экспертно-криминалистические подразделения МВД РФ, с соблюдением принципа их процессуальной независимости в его международном понимании, либо непринятие, отрицание необходимости соблюдения таких требований, предъявляемых к организации назначения и производства судебных экспертиз, и сохранение существующей системы.

Межведомственная несогласованность, а в чем-то и предубежденность по этим вопросам наглядно проявились в обращении Генеральной прокуратуры РФ в Совет безопасности РФ (апрель 2017 г.) с предложением рассмотреть вопрос о судебно-экспертной деятельности и принять решение о завершении разработки проекта упомянутого закона. Приведенные в ее письме статистические данные о количестве повторных экспертиз за 2015-2016 гг., в том числе по уголовным делам с ошибочными приговорами судов, при этом безоговорочно связываются с несоблюдением принципа процессуальной независимости экспертов системы МВД РФ. Хотя очевидно, что ошибочные заключения давались судебными экспертами других ведомств, а также частных судебно-экспертных учреждений причем, не только по уголовным, но и гражданским, арбитражным делам.

Сразу же отметим, на заседании Межведомственной комиссии по общественной безопасности Совета безопасности РФ, состоявшегося 30 марта 2018 года, было принято решение – в этом отношении оставить пока «все как есть». И каким бы странным оно не показалось, но в современных условиях, по нашему мнению, это наиболее оптимальное решение, поскольку иное связано с коренным изменением системы судебно-экспертных учреждений и экспертно-криминалистических подразделений ОВД. А такое изменение, будучи основанным на субъективных представлениях и узковедомственных интересах, не гарантировано от ошибок, как это было в прошлом.

Не могли быть примером для нашей страны решения о реформах судебно-экспертных учреждений и экспертно-криминалистических подразделений в Республике Беларусь и Казахстане, и не только потому, что весьма значимы территориальные, экономические, демографические, географические особенности нашей страны. Озадачивает прежде всего тот факт, что в названных странах реализованы разные организационные модели: в первом создано самостоятельное ведомство – Государственный комитет судебных экспертиз, во втором они переданы в ведение Министерства юстиции. Логично предположить, что может быть и некий третий вариант.

При этом на вновь созданные структуры снова возложены задачи специалистов, в частности, касающиеся участия в осмотрах мест происшествий, в производстве иных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий; ведения криминалистических учетов; проведения предварительных или экспресс-исследований следов преступления. То есть, те задачи, которые, как писал И.Я. Фойницкий «должны проводиться быстро, безотлагательно», фактически, в режиме текущего времени. Успешно реализовать эту принципиально важную рекомендацию в форме судебной экспертизы, тем более в порядке межведомственного взаимодействия, чрезвычайно сложно, особенно если учесть, что его организация и в системе одного ведомства не всегда отличается безупречностью.

И в том, и в другом случаях судебно-экспертные учреждения, организационно обособленные от правоохранительных органов, воспринимают задачи, связанные с их поисково-познавательной деятельностью, как несвойственные их основной обязанности – производству экспертиз. Такое мнение в настоящее время широко распространено среди экспертов, и не только системы Минюста РФ, что объяснимо, но и МВД РФ. Судебная экспертиза, в их понимании, абсолютизируется как средство доказывания, доминирующее в общей системе научно-технического обеспечения раскрытия и расследования преступлений. При этом не придается должное значение тому, что эффективность судебных экспертиз по уголовным делам находится в прямой и самой непосредственной зависимости от результативности деятельности специалистов в порядке поисково-познавательной деятельности, начиная с осмотра места происшествия. Исследуется только то, что обнаруживается и изымается.

При этом следует заметить, что деятельность экспертов ЭКП ОВД в качестве специалистов не отличается должной организацией, а как следствие, результативностью. Широко практикуемые в этой связи меры дисциплинарного воздействия на них, чтобы повысить результативность их участия в деятельности по собиранию следов преступлений, приводят к обратным ожидаемым последствиям, к резкому увеличению количества изымаемых с их участием на местах происшествий следов, не имеющих причинно-следственной связи с событием преступления или непригодных для использования. Нередко отмечаются факты, когда эксперты в роли специалистов-криминалистов сами оставляют «следы» и изымают их для отчета, внося таким образом в процесс расследования лжеинформацию, проверка которой сопряжена со значительными затратами труда и времени дознавателей и следователей. Путем пилотажного, анонимного опроса экспертов ЭКП ОВД установлено, что фактически две трети из них (68%) использовали этот прием «повышения результативности» своего участия в осмотрах мест происшествий.

Предпринимаются попытки решить проблему эффективности участия экспертов ЭКП ОВД в осмотрах мест происшествий путем совершенствования методики учета таких фактов и дифференцированных по видам преступлений отчетов о полученных результатах (Распоряжение МВД РФ от 9.04.2015 № 1/2694). При этом ряд математических формул с различными коэффициентами

придают соответствующим расчетам видимость наукообразия, хотя, в их основе, по-прежнему, остаются формальные количественные данные. По нашему мнению, необходимо совершенствовать не методику учета и отчетности ЭКП ОВД, а организацию их деятельности, которая в основе своей сложилась в начале 20-х годов прошлого века и до сих пор остается неизменной, за исключением, пожалуй, многократно возросшей их штатной численности.

Институт специалистов-криминалистов в нашей стране сложился и фактически действует в виде своеобразного придатка в начале криминалистической, а затем и в целом судебной экспертизы. Он никогда не рассматривался в отечественной криминалистике системно в качестве самостоятельного направления и вида деятельности, ориентированной на оказание помощи следователям и органам дознания в решении поисково-познавательных задач, связанных с собиранием, экспресс-исследованием и использованием розыскной и доказательственной информации.

Между тем, такая поисково-познавательная, а по существу аналитико-исследовательская деятельность, изначально с множеством неизвестных и уникальных обстоятельств по каждому преступлению, не менее сложна чем производство многих криминалистических экспертиз в лабораторных условиях и по заранее разработанным методикам. Она характеризуется работой в полевых условиях с различными по своей природе и механизму образования следами преступлений и, соответственно, с использованием ситуативно выбираемых из имеющихся в их распоряжении многофункциональных по назначению и конструктивно, зачастую, довольно сложных технических средств. Соответственно, требует своего решения проблема специализаций сотрудников, выполняющих эти функции.

Осуществление такой деятельности экспертами-криминалистами, как бы «по совместительству», тем более с узкой специализацией (химик, физик, биолог и т.п.), к тому же зачастую без технико-криминалистической подготовки и системного опыта, заведомо обуславливает к ней формальное отношение, а как следствие – крайне низкую ее результативность. Рациональный вариант решения этой проблемы видится на пути организационного разграничения функции экспертов и специалистов («научной полиции» и «технической полиции» по опыту некоторых зарубежных стран) и основательной целевой специализации последних не только в использовании технико-криминалистических методов и средств собирания следов преступлений, но и в решении аналитико-исследовательских задач по «картине» таких следов, по результатам их экспресс-анализа.

В этом же контексте необходимо определять отношение к принципу процессуальной независимости судебного эксперта и необходимости его соблюдения в деятельности экспертов и специалистов-криминалистов системы правоохранительных министерств и ведомств. В дискуссиях по этому поводу отмечаются различия в толковании самого понятия процессуальной независимости. В условиях социума, что очевидно, «все зависит от всех» в материальном, психологическом, служебном и тому подобном отношении. В конечном итоге эксперты государственных судебно-экспертных учреждений

системы Минюста РФ не могут быть независимы от того, кто оплачивает их труд, они действуют, прежде всего, по заданиям и в интересах тех, кто раскрывает и расследует преступления, кто поддерживает государственное обвинение. Следственная и судебная практика богата примерами, когда судебные эксперты, как частных, так и государственных судебно-экспертных учреждений, оказываются зависимы от суммы гонорара за даваемое ими заключение.

В этой связи заметим, что в России, как и в некоторых зарубежных странах, принцип процессуальной независимости изначально определялся применительно к деятельности частных или, так называемых, присяжных судебных экспертов. В государственных судебно-экспертных учреждениях гарантией законности и объективности деятельности судебных экспертов всегда были их должностное положение в системе государственных органов и существующий в них административный и научный контроль, в том числе, возможность альтернативного исследования. В правоохранительных органах в этом отношении, как нам представляется, важное значение имеет факт принятия присяги лицом, поступающим на службу, с обязательством добросовестно исполнять свой служебный долг, за нарушение которой возможна ответственность, вплоть до уголовной.

К тому же следует учитывать, что реальная угроза процессуальной независимости судебного эксперта, как и специалиста, как правило, возникает в условиях противодействия расследованию. Однако при осуществлении следователем и органом дознания поисково-познавательной деятельности они действуют в условиях, когда зачастую еще не известен подозреваемый, не проявляют своей активности иные лица, заинтересованные в исходе расследования, и противодействующие этому процессу. Иначе говоря, идея процессуальной независимости судебного эксперта в нашей стране во много мифологизирована, а применительно к поисково-познавательной деятельности органов дознания и следователя просто ошибочна. Поэтому она и остается предметом длительной бесплодной дискуссии с позиции узковедомственных представлений в целом о научно-техническом обеспечении раскрытия и расследования преступлений, о месте и значении в нем судебной экспертизы.

Однако в такой постановке данная проблема пока не стала предметом комплексного межнаучного исследования, а соответственно, и научно обоснованных практических решений. Этим в определенной мере объясняется решение Межведомственной комиссии по общественной безопасности Совета безопасности РФ пока не реформировать систему судебно-экспертных учреждений (подразделений). Хотя, с учетом особенностей поисково-познавательной деятельности и решаемых при этом задач, было принято предложение разрешить производство судебных (?) экспертиз в других, кроме МВД РФ, правоохранительных министерствах и ведомствах (МЧС РФ, СК РФ и т.д.).

Решение, следует заметить, несколько запоздалое. По нашему мнению, его следовало бы принимать еще десять лет назад, при формировании в нашей стране полисистемы правоохранительных министерств и ведомств вместо ранее

существовавшей моносистемы. И, тем не менее, в данном решении нашли отражение реальные потребности судебной и следственной практики. В нем проявилось понимание необходимости упорядочения не только судебно-экспертной деятельности, а в целом научно-технического обеспечения борьбы с преступностью.

В заключении отметим, что в попытках решения проблем судебно-экспертной деятельности, исторически сформировавшихся под влиянием негативных факторов развития нашего общества и государства, доминируют бескомпромиссные, узковедомственные подходы и фактически не учитываются особенности задач, решаемых в порядке поисково-познавательной деятельности, осуществляемой органами дознания на первоначальном этапе расследования преступлений, а использованием научно-технических методов и средств собирания и экспресс-исследования доказательств. Поэтому, прежде всего, следовало бы достичь межведомственного соглашения по таким концептуально значимым вопросам, как:

а) дальнейшая дифференциация форм использования специальных знаний, реализуемых в порядке исследования доказательств и, как следствие, законодательное признание в качестве средств доказывания, наряду с судебной экспертизой, «следственной» экспертизы или научно-технического исследования специалиста;

б) порядок назначения и производства исследования доказательств в экспертно-криминалистических подразделениях правоохранительных министерств и ведомств, в частности, при решении задач поисково-познавательной деятельности; требования, предъявляемые в таких случаях к эксперту (специалисту);

в) экономическое и организационно-правовое обоснование необходимой для судебной и следственной практики системы экспертно-криминалистических подразделений и судебно-экспертных учреждений, оснащения их исследовательской техникой на основе принципов прагматизма и рационализма.

Надо сказать, вопросы дискуссионные, и, с позиций умозрительных представлений и ведомственных предубеждений не решаемы, о чем свидетельствует опыт прошлого. Представляется, что они должны стать предметом целевого, межнаучного исследования, результаты которого следовало бы обсудить на межведомственной конференции, причем, желательно с участием представителей Государственной Думы Российской Федерации и Общественной палаты.

Список литературы

1. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Изд. 2-е, перераб, и законч. Т. 2. СПб.: М.М. Стасюлевича, 1899. 607 с.

Волынский Александр Фомич, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры, inna_tishutina@mail.ru, Россия, Москва, Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя,

*Тишутина Инна Валериевна, д-р юрид. наук, проф. кафедры, inna_tishutina@mail.ru,
Россия, Москва, Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя*

*JUDICIAL EXPERTISE IN THE SYSTEM OF SCIENTIFIC AND TECHNICAL SUPPORT OF
SEARCHING AND COGNITIVE ACTIVITIES IN THE INVESTIGATION OF CRIMES*

A.F. Volynsky, I.V. Tishutina

The article in a historical aspect analyzes the characteristics of the emergence and development of the principle of the independence of judicial expertise; the necessity of introducing into the criminal process, along with a forensic examination, a specialist study or “investigative” examination is substantiated; It notes the validity of the decision of the Interdepartmental Commission on Public Security of the Security Council of the Russian Federation on the granting of the right to conduct expert examinations, except for the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, to other law enforcement ministries and departments. The urgent need and practical feasibility of organizing and conducting targeted interdisciplinary research on the problems of scientific and technical support for the detection and investigation of crimes, including the activities of the EMS and ECP, is stated

Key words: forensic examination, procedural independence, research, specialist, expert, scientific and technical support, methods and means, investigation.

Volynsky Alexander Fomich, Dr. Jurid. sciences, prof., prof. Department, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, inna_tishutina@mail.ru, Russia, Moscow, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Y. Kikot,

Tishutina Inna Valerievna, Dr. Jurid. sciences, prof. Department, inna_tishutina@mail.ru, Russia, Moscow, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Y. Kikot

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ЭКСПЕРТИЗЫ ТЕХНИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ ДОРОГ И ДОРОЖНЫХ УСЛОВИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

О.П. Грибунов, В.Ф. Гольчевский, Б.М. Ващенко

Рассматриваются и анализируются данные о дорожно-транспортных происшествиях. Раскрыты основные ошибки, допускаемые следственно-оперативной группой при осмотре места происшествия. Рассмотрены вопросы влияния неудовлетворительного состояния автомобильных дорог и дорожной инфраструктуры на возникновение дорожно-транспортного происшествия и его последствия. Показана необходимость внесения изменений в нормативно-правовые акты и значимость назначения и проведения различных видов судебных экспертиз при расследовании уголовных дел, возбужденных по статье 264 УК РФ.

Ключевые слова: дорожно-транспортное происшествие, осмотр места происшествия, судебная экспертиза, расследование уголовных дел.

Анализ судебно-следственной практики показал, что органы предварительного следствия МВД России в основном правильно применяют законодательство об ответственности за преступные нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств.

По данным статистики на территории Российской Федерации только в 2017 году по причине неудовлетворительного состояния дорог произошло 67 тыс. дорожно-транспортных происшествий (ДТП) [1]. В настоящее время расследование всех дорожно-транспортных преступлений не обходится без назначения и проведения судебных экспертиз, имеющих «...определяющую роль в раскрытии и расследовании преступлений» [2, с. 7], а их результаты, по справедливому мнению А.В. Варданян: «...одним из высокоинформативных источников доказательственной информации» [3, с. 68].

Вместе с тем, следователями, при расследовании уголовных дел по факту ДТП, влияние неудовлетворительного состояния автомобильных дорог и дорожной инфраструктуры на возникновение дорожно-транспортного происшествия практически не исследуется. Соответствующие виды экспертиз назначаются крайне редко. А ведь нарушение правил дорожного движения обладает такими признаками как многовариантность и многофакторность, поэтому состояние дорожного полотна, включая состояние разметки и дорожных знаков, представляет собой, в равной степени, важный фактор таких нарушений [4, с. 87].

Нормы уголовного законодательства, устанавливающие ответственность за неисполнение обязанностей предусмотренных (ч. 2 ст. 109, ч. 2 ст. 118 и ст. 293 УК Российской Федерации), применительно к содержанию автомобильных дорог и средств организации дорожного движения, находящиеся в причинно-следственной связи с совершением дорожно-

транспортного происшествия и наступившими при этом последствиями (ст. 264 УК Российской Федерации), не находят широкого применения в следственной практике. Данные статьи применяются в основном в случае громких, резонансных ДТП.

В этой части особую озабоченность вызывают ДТП совершенные с участием междугородних автобусов. Так, в ночное время 12 июня 2017 г. в Забайкальском крае на ремонтируемом участке федеральной трассы «Байкал» произошел сход с трассы на крутом повороте пассажирского автобуса с последующим падением в обрыв с 30-метровой высоты. На момент ДТП в автобусе находился 51 человек, 14 пассажиров погибло. Возбуждено уголовное дело по статье 264 УК РФ «Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств» и начата проверка по статье 238 УК РФ «Оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности». Одной из задач, поставленных перед следствием, было выяснение наличия требуемых на ремонтируемом участке временных дорожных знаков. Установлено, что по окончанию ремонта работники дорожной службы сняли все ограждения, не выставили предупреждающие знаки и не обеспечили временное освещение [5].

Анализ материалов уголовных дел позволяет судить о том, что существенное влияние на расследование данных уголовных дел оказывает некачественно, а порой и вовсе не проведенная автодорожная судебная экспертиза. Вполне справедливо мнение А.Ю. Головина, что при назначении автотехнической экспертизы в основном разрешаются вопросы относительно транспортного средства и характеристики его частей [6, с. 141].

Полагаем, что одной из причин того, что следователи не назначают экспертизы технического состояния дорог и дорожных условий является отсутствие соответствующего вида экспертиз в перечне родов (видов) судебных экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации [7]. По сути, данные исследования в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел в некоторой степени проводятся в рамках транспортно-трассологической диагностики, но следователи и суды не ставят перед экспертами такие вопросы. Например, как: могли ли повлиять на устойчивость и управляемость транспортного средства, имеющиеся повреждения на дорожном покрытии.

Между тем, строительные и эксплуатационные характеристики и свойства автомобильной дороги, ее структурные элементы, дорожные сооружения, средства организации дорожного движения являются элементом системы дорожного движения [8, с. 90].

Для проведения данного рода исследований требуются точные исходные данные. В.Р. Гайнельзянова отмечает, что процесс осмотра места ДТП весьма специфичный, трудоемкий и требует привлечения соответствующих специалистов (автотехника, судебного медика). Результаты осмотра места ДТП, транспортного средства и трупа при расследовании рассматриваемого вида преступлений представляют собой исходную, первичную, во многом незаменимую информацию, позволяющую установить обстоятельства

происшествия, его механизм, а в конечном итоге – роль в нем каждого из его участников [9, с. 61–67].

В ходе проведения неотложных следственных действий на местах ДТП, как правило, в протоколе осмотра места происшествия не находят отражения состояние участка дороги, а именно продольный и поперечный профили, ширина проезжей части на всем протяжении участка ДТП, дефекты проезжей части и ее освещенность, состояние обочин, наличие или отсутствие тротуаров, автобусных остановок и т.д. Не всегда указываются координаты расположения на дороге личных вещей пострадавших, а также осколков и частей разрушенных деталей транспортных средств. Не уделяется внимание средствам регулирования дорожного движения, расположению светофоров, дорожных знаков, разметки, шлагбаумов, дорожных ограждений, направляющих устройств и т.д. Практически не привлекаются к осмотру места происшествия и составлению схемы представители организаций, ответственных за содержание дороги и средств регулирования дорожного движения. Имеющиеся в распоряжении подразделений Госавтоинспекции и образовательных организаций дорожные лаборатории для определения технических параметров дороги не используются. Верное уточнение С.В. Кислякова о том, что как показывает следственная практика, осмотр места происшествия и сбор доказательств иногда бывает некачественным [10, с. 72].

В ходе осмотра мест происшествий технические средства, в том числе фото- и видеотехника не применяются, в основном и из-за отсутствия в темное время суток и в условиях недостаточной видимости, необходимых технических средств освещения места происшествия.

Нередко по причине несвоевременного прибытия следственно-оперативной группы на место ДТП следы преступления уничтожаются другими участниками дорожного движения, а следы преступления на транспортных средствах, участниках ДТП, фальсифицируются, либо умышленно уничтожаются. Очевидцы преступления часто отсутствуют или травмированы в результате происшествия, в том числе и психологически, и не могут точно описать обстоятельства преступления, сообщить приметы транспортного средства и его водителя.

Порой автотехнические экспертизы назначаются без предоставления исходных данных, необходимых для решения вопроса о техническом состоянии транспортного средства, что не позволяет эксперту сделать конкретный вывод на поставленные вопросы. Нередки случаи предоставления следователями в распоряжение экспертов непроверенных и недостоверных данных.

Подводя определенные итоги, необходимо отметить, что действенным выходом из сложившейся ситуации является введение в Приказ МВД России от 29.06.2005 № 511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» соответствующего вида экспертиз – исследование технического состояния дороги, дорожных условий на месте дорожно-транспортного происшествия, в рамках которой решаются следующие основные задачи:

- исследование обстановки на месте ДТП: состояние дороги и дорожного покрытия проезжей части, обочин, участка дороги за пределами дорожного полотна;
- исследование дорожных обустройств и внешних условий;
- исследование технической возможности предотвращения ДТП с учетом состояния дороги, связанного с особенностями дороги и окружающей среды;
- выявление обстоятельств, связанных с состоянием дорожной обстановки перед ДТП, которые могли способствовать возникновению ДТП.

Кроме того, в соответствии с Приказом Минюста России от 27.12.2012 № 237 «Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым представляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России (с изменениями на 13.09.2018)» [11] в рамках автотехнической экспертизы, выполняемой в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, проводится соответствующий вид экспертных исследований.

Анализ применяемых способов собирания доказательств по уголовным делам, возбужденных по ст. 264 УК РФ, показывает, что существует реальная необходимость внесения изменений в ряд правовых актов, в части касающейся проведения родов (видов) судебных экспертиз, а также усиления ответственности лиц за строительство и содержание автомобильных дорог, назначения комплексных экспертиз [12, с. 90], в том числе и психофизиологических экспертиз водителям при расследовании дорожно-транспортных преступлений.

Список литературы

1. ГИБДД опубликовала годовую статистику ДТП за 2017 год. URL: <http://www.1gai.ru/autonews/520130-gibdd-opublikovala-godovuyu-statistiku-dtp-za-2017-god.html> (дата обращения 14.03.2018).

2. Никонович С.Л., Шаевич А.А., Трубкина О.В. Современная практика назначения и производства судебных экспертиз на стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 3(82). С. 96-103.

3. Варданян А.В., Овсепян Г.М. Судебные экспертизы по уголовным делам о преступлениях, связанных с нарушением требований пожарной безопасности: тактико-криминалистический потенциал, проблемы назначения и производства // Философия права. 2015. № 1 (68). С. 67–70.

4. Петрова И.А. Значение автотехнической экспертизы для квалификации преступного нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2015. № 2. С. 87-92.

5. Следователи выясняют причины ДТП.

URL: <http://www.ntv.ru/novosti/1818739> (дата обращения 14.03.2018).

6. Головин А.Ю. Криминалистические методы преодоления противодействия расследованию транспортных преступлений: монография / А.Ю. Головин, О.П. Грибунов, А.А. Бибииков. Иркутск: ФГКОУ ВО ВСИ МВД России, 2015. 164с.

7. Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации. Приказ МВД России от 29 июня 2005 г. № 511 // Российская газета, № 191, 30.08.2005.

8. Бачеванжи Е.А. К вопросу о комплексной экспертизе при расследовании дорожно-транспортных преступлений // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2011. № 1 (15). С.88-91.

9. Гайнелъзянова В.Р. Актуальные аспекты использования специальных знаний в ходе осмотра мест дорожно-транспортного преступления // Криминалистика как наука и учебная дисциплина: история, настоящее и перспективы развития. Доклады Междунар. научно-практ. конф. Башкирский гос. ун-т, 2017. С. 61–67.

10. Кисляков С.В. Использование информации с камер видеонаблюдения на первоначальном этапе расследования дорожно-транспортного преступления // Сетевое издание «Академическая мысль». 2018. № 2 (3). С. 72-74.

11. Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым представляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России (с изменениями на 13 сентября 2018 года). Приказ Минюста России от 27 декабря 2012 № 237 // Российская газета, № 24, 06.02.2013.

12. Грибунов О.П. Судебные экспертизы, назначаемые при расследовании преступлений против собственности, совершаемых на транспорте // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2016. № 1(76). С. 89-97.

Грибунов Олег Павлович, д-р юрид. наук, доц., зам. начальника по научной работе, gribunov@mail.ru, Россия, Иркутск, Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации,

Гольчевский Виталий Феликсович, канд. техн. наук, доц., начальник кафедры, gvf.65@mail.ru, Россия, Иркутск, Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации,

Ващенко Борис Михайлович, адъюнкт, b_vaschenko@mail.ru, Россия, Иркутск, Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации

ON THE NEED FOR AN EXAMINATION OF THE TECHNICAL CONDITION OF ROADS AND ROAD TRAFFIC CRIMES

O. P. Gribunov, V.F.Golczewski, B.M. Vachenko

The article discusses and analyzes statistical data on road traffic accidents. The main mistakes made by the investigative team during the inspection of the scene of the incident are disclosed. The issues of the impact of the unsatisfactory condition of roads and road infrastructure

on the occurrence of a road accident and its consequences are considered. The necessity of amending the regulations and the importance of the appointment and conduct of various types of forensic examinations in the investigation of criminal cases initiated under Article 264 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Key words: traffic accident, inspection of the scene, forensic examination, investigation of criminal cases.

Gribunov Oleg Pavlovich, Doctor of Law, Assoc., Deputy. Head of Research, gribunov@mail.ru, Russia, Irkutsk, East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,

Golczewski Vitaly Feliksovich, Cand. those. Sci., Associate Professor, Head of the Department, gvf.65@mail.ru, Russia, Irkutsk, East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,

Vaschenko Boris Mihaylovich, Associate Professor, b_vaschenko@mail.ru, Russia, Irkutsk, East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

УДК 343.985

УЧЕНИЕ О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ЕГО СООТНОШЕНИЕ С КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИМ УЧЕНИЕМ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

И.П. Можаяева

Рассматриваются тенденции формирования учения о противодействии расследованию преступлений. Предложено авторское видение соотношения учения о противодействии расследованию преступлений с криминалистическим учением об организации расследования преступлений. Обосновывается вывод о том, что учение о противодействии расследованию преступлений имеет организационный характер и взаимообусловлено частными организационными положениями.

Ключевые слова: криминалистика; противодействие расследованию преступлений, учение о противодействии расследованию преступлений, организация расследования преступлений; криминалистическое учение об организации расследования преступлений.

Противодействие расследованию преступлений как массовое социальное явление возникло относительно недавно, в условиях новой социально-экономической формации. К сожалению, противодействие расследованию – это явление объективно существующие, которое зачастую выступает сопутствующем фактором выявления и расследования преступлений. Тезис о

том, что расследования без противодействия не существует и существовать не может – это реалии сегодняшнего дня.

Так как это явление связано с выявлением и расследованием преступлений, то очевидно, что это проблема криминалистическая. В связи с этим неизбежно возник вопрос о месте противодействия в системе криминалистики.

Система науки не создается произвольно, так как ее структурно-содержательные элементы непосредственно обусловлены предметом науки. В этой связи система криминалистики представляет внешнее проявление ее содержания. Объективный характер системы не исключает сложности ее познания, исследования факторов, влияющих на формирование, изучения закономерностей развития структуры. Это является одной из причин плюрализма мнений по рассматриваемому вопросу.

При традиционном построении курса криминалистики отдельные организационные вопросы, к числу которых следует отнести и учение о преодолении противодействия расследованию преступлений, рассматриваются в разных разделах: посвященных общетеоретическим (методологическим) вопросам криминалистики, а также криминалистической тактике и методике расследования отдельных видов преступлений.

Действительно, организационные вопросы рассматриваются во всех разделах криминалистики. Однако при этом игнорируется существенное обстоятельство: в соответствующих разделах их пределы ограничены частными организационными приемами. Проблема же заключается в сосредоточении в одном разделе общих организационных положений, которые не могут быть отнесены к какому-либо традиционному разделу криминалистики. Данное положение всецело касается и учения о преодолении противодействия расследованию преступлений.

Криминалистическое учение о противодействии расследованию преступлений было сформировано и получило свое развитие благодаря фундаментальным научным исследованиям таких ученых как Р.С. Белкин, О.Я. Баев, Э.У. Бабаева, В.П. Бахин, И.Е. Быховский, А.Ф. Волынский, Л.Я. Драпкин, С.В. Дубровин, Е.И. Замылин, Е.П. Ищенко, В.Н. Карагодин, А.М. Кустов, В.П. Лавров, А.М. Ларин, И.М. Лузгин, И.А. Николайчук, В.В. Трухачев, И.В. Тишутина, С.Ю. Журавлев и другие.

Особый вклад в исследование противодействия расследованию преступлений внесли работы В.П. Лаврова, А.Ф. Волынского и их учеников. Научной школой под руководством профессоров В.П. Лаврова и А.Ф. Волынского сформирована концепция криминалистического учения о преодолении противодействия расследованию преступлений. Под редакцией профессоров Б.Я. Гаврилова и В.П. Лаврова в 2018 году был издан очередной учебник «Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению», в котором представлен комплексный междисциплинарный подход к изучению противодействия расследованию преступлений [1; 2].

Анализ фундаментальных и научно-прикладных исследований проблем противодействия расследованию преступлений позволит: *во-первых*, прийти к

выводу, что формирование и развитие теории противодействия расследованию преступлений как области научного знания, в том числе в форме учения, происходило поэтапно, на протяжении длительного времени и в рамках криминалистики как неотъемлемой ее части; *во-вторых*, констатировать, что на современном этапе развития криминалистической науки произошло становление основных теоретических положений противодействия расследованию преступлений и их оформление в качестве частной криминалистической теории [2, с. 17].

В связи с дискуссионностью вопроса о месте учения о преодолении противодействия расследованию преступлений в системе криминалистики необходимо более подробное его обоснование. При традиционном построении курса криминалистики отдельные организационные вопросы, к числу которых следует отнести и учение о преодолении противодействия расследованию преступлений, рассматриваются в разных разделах. Некоторые авторы данное учение включают в криминалистическую тактику. Однако такой подход небесспорен. В деятельности по предупреждению и нейтрализации противодействия расследованию, безусловно, преобладают организационные, а не тактические элементы. Кроме того, тактические приемы, используемые при нейтрализации противодействия, незначительны по объему в сравнении с организационными и не могут служить достаточным основанием для отнесения данного учения к криминалистической тактике.

Не может быть серьезно обоснован довод об отнесении учения о преодолении противодействия расследованию преступлений *исключительно* к общей теории криминалистики, так как очевидно, что элементы противодействия и необходимость их преодоления могут функционировать и в криминалистической технике, и в тактике, и в методике расследования отдельных видов преступлений. Как справедливо отмечает профессор В.П. Лавров теория противодействия реализуется, конкретизируется, используется во всех трех разделах криминалистической науки – технике, тактике и (особенно) в методике расследования отдельных видов преступлений [2, с. 17–18].

Преодоление следователем противодействия расследованию преступлений предполагает принятие с его стороны организационных, технических, тактических и методических мер.

Осуществление противодействия как при подготовке, так и проведении отдельных следственных, процессуальных действий и иных мероприятий обуславливает не только выбор следователем соответствующих тактических приемов, исключающих противодействие со стороны заинтересованных лиц, но и реализацию организационных мероприятий. Разрабатываемые в структуре методики расследования отдельных видов преступлений методические мероприятия, направленные на предупреждение и нейтрализацию противодействия, используются при расследовании конкретного уголовного дела и выражаются в системе методических рекомендаций. Система таких мер органически включает организационные мероприятия. Значительная их часть осуществляется в процессе выявления преступлений.

Научные изыскания в этой области позволяют прийти к выводу о том, что учение о противодействии расследованию преступлений обычно представляют в виде двух частей: общей и особенной. В общую часть включают совокупность знаний, относящихся к предмету, объекту, задачам, методам и принципам познания сложных явлений и процессов, составляющих основу деятельности по преодолению всех видов и форм противодействия уголовному преследованию, а также особенности отдельных форм и видов противодействия.

В особенную часть данного учения входит совокупность знаний, связанных с преодолением противодействия на каждой стадии уголовного преследования, а также при расследовании преступлений отдельных видов [3, с. 30]. Данная позиция, безусловно, заслуживает поддержки, однако логичнее учение о преодолении противодействия расследованию преступлений структурно представлять в виде общих и частных положений. При этом общие положения, составная часть которых представлена выше, входят в криминалистическое учение об организации расследования преступлений.

К частным положениям относятся, во-первых, совокупность знаний, связанных с предупреждением и нейтрализацией противодействия при выявлении информации о преступлении и его участниках, при анализе полученной информации и принятии решения о возбуждении уголовного дела, при подготовке и производстве отдельных следственных действий, криминалистических операций. Во-вторых, совокупность знаний, связанных с предупреждением и нейтрализацией противодействия расследованию отдельных категорий уголовных дел. Реализуются указанные частные положения в криминалистической тактике и методике расследования отдельных видов преступлений.

Несмотря на дискуссионность проблемы, связанной с обоснованием криминалистического учения об организации расследования преступлений [4], тем не менее, очевидно, что преодоление противодействия расследованию представляет собой проблему, связанную с *организационным обеспечением деятельности* по его предупреждению и нейтрализации [5, с. 50, 173–192]. Эта связь носит неразрывный характер, так как организация расследования преступлений предполагает ритмичный и последовательный процесс, а противодействие расследованию также представляет деятельность по противоположной деструктивной направленности.

Учение о противодействии расследованию преступлений имеет организационный характер, оно взаимообусловлено следующими частными организационными положениями:

– *информационные основы расследования*. Это выявление и анализ информации о предстоящем или реализуемом противодействии расследованию. Помимо этого в информационные основы входит обеспечение деятельности по предупреждению и нейтрализации противодействия расследованию научными данными, информацией, полученной в процессе оперативно-розыскной деятельности, и другие меры [6, с. 59];

– *криминалистическое прогнозирование и предотвращение наступления нежелательных последствий либо минимизация тактического риска в связи с*

имеющимся противодействием расследованию. Следователь с учетом всех обстоятельств дела должен прогнозировать возможность противодействия со стороны как внешних, так и внутренних субъектов. В этих целях значительную помощь могут оказать оперативные подразделения;

– *криминалистические решения.* В соответствии с анализом сложившейся ситуации и прогнозированием ее развития следователь должен принять верное решение по предупреждению и нейтрализации противодействия расследованию;

– *криминалистические версии и планирование расследования.* Это позволяет всесторонне изучить факт противодействия, разработать и провести следственные действия, оперативно-розыскные и иные мероприятия, криминалистические комбинации и операции, направленные на предупреждение и нейтрализацию противодействия. В рамках планирования осуществляется определение средств, способов, субъектов и участников, последовательности мероприятий и тактики их проведения. Планирование содержания преодоления противодействия является одним из основных элементов организации. Посредством его в сложных ситуациях (объемное и квалифицированное противодействие) формируется содержание криминалистической операции «Преодоление противодействия расследованию», которая включает оперативно-розыскные мероприятия, сопряженные с ними следственные и процессуальные действия, а также непроцессуальные организационно-подготовительные, организационные и проверочные действия.

Планирование преодоления противодействия состоит из анализа информации о содержании противодействия; выбора действий и мероприятий по преодолению; определения последовательности и сочетания действий и мероприятий; выбора участников действий по преодолению. Создание условий для преодоления включает выбор организационно-подготовительных, проверочных и иных обеспечивающих мероприятий. Их осуществление преследует также цель получения ориентирующей информации для качественного производства следственных действий [7, с. 95–99];

– *криминалистическая комбинация и операция.* Это средства выявления и нейтрализации противодействия, используемые как при проведении отдельных следственных действий, так и в ходе расследования по конкретному уголовному делу. Для достижения вышеуказанных целей наиболее распространены организация и проведение таких криминалистических комбинации как «Выявление ложного алиби», «Установление психологического контакта» и другие. Среди криминалистических операций следует отметить «Преодоление противодействия расследованию». Она объединяет в себе комплекс следственных, процессуальных действий, оперативно-розыскных мероприятий, непроцессуальных организационно-подготовительных и проверочных действий;

– *организация взаимодействия.* Без взаимодействия невозможно быстрое и эффективное выявление, предупреждение и преодоление противодействия расследованию преступлений. Это организация

взаимодействия всех служб и подразделений ОВД в соответствии с их компетенцией; организация взаимодействия с другими правоохранительными органами, а также судьями. В преодолении противодействия взаимодействию приобретает повышенное значение, так как без него затруднительно, а во многих случаях невозможно достижение целей расследования;

– *организация розыскной работы следователя*. Это поисково-познавательная деятельность в отношении объектов розыска, к осуществлению которой возможно привлечение представителей населения;

– *участие населения в выявлении и преодолении противодействия расследованию преступлений*. Представители населения могут оказывать помощь сотрудникам правоохранительных органов в предупреждении и устранении фактов противодействия;

– *криминалистическая профилактика*. Представляет согласованный комплекс мероприятий по установлению и выявлению обстоятельств (причин и условий), способствующих противодействию в ходе расследования преступлений. Тем самым данная деятельность предупреждает противодействие со стороны отдельных субъектов.

Вышеуказанный комплекс организационных мер реализуется в целях предупреждения, выявления и нейтрализации противодействия расследованию преступлений. В этой связи закономерен тезис о том, что учение о преодолении противодействия расследованию преступлений, имея организационный характер, должно рассматриваться в структуре криминалистического учения об организации расследования преступлений.

Как справедливо отмечает И.А. Цховребова, понимая в широком смысле противодействие расследованию преступлений как воспрепятствование в любой форме производству всестороннего, полного и объективного расследования, очевидно, что возникающие трудности, помехи в ходе расследования не только могут, но и должны быть объектом изучения криминалистики, поскольку одной из ее задач является разработка и совершенствование рекомендаций, направленных на *совершенствование организации и планирования предварительного расследования и судебного разбирательства*, оптимизацию средств, методов и приемов собирания, исследования, оценки и использования доказательств [8].

Очевидно, что в современных условиях необходим комплекс не только организационных, но и правовых мероприятий, посредством которых можно создать организационный заслон противодействию расследованию преступлений и создать условия для его преодоления следователем. Система таких мер может обеспечить независимость, объективность, законность и справедливость расследования как специфического вида социальной деятельности.

Несомненно, учение о противодействии расследованию преступлений, имея организационный характер, должно рассматриваться в разделе, обусловленном организационными элементами.

Роль и своеобразие организации деятельности по выявлению, расследованию и предупреждению преступлений объективно предопределяет

создание самостоятельного раздела в криминалистике, в котором учение о преодолении противодействия расследованию займет место в числе других частных организационных вопросов.

Список литературы

1. Лавров В.П. Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению: курс лекций. М.: Академия управления МВД России, 2011. 148 с.

2. Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению: учебник для вузов / под общ. ред. Б.Я. Гаврилова, В.П. Лаврова. М.: Юрайт. 2018. 205 с.

3. Бабаева Э.У. Проблемы теории и практики преодоления противодействия уголовному преследованию: монография. М.: Юрлитинформ. 2006. 312 с.

4. Можяева И.П. Криминалистическое учение об организации расследования преступлений: формирование и перспективы развития: монография. М.: Юрлитинформ. 2018. 352 с.

5. Тишутина И.В. Противодействия расследованию организационной преступной деятельности: теория и практика выявления и преодоления: монография / под общ. ред. А.Ф. Волынского. М.: Юрлитинформ. 2016. 312 с.

6. Головин А.Ю., Баранов М.В., Головина Е.В. Решение ситуационных задач предварительного расследования (теория, механизм, ошибки): монография. М.: Юрлитинформ. 2017. 200 с.

7. Зеленский В.Д. Отдельные организационные и тактические вопросы преодоления противодействия расследованию // Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению: сб. материалов 51-х криминалистических чтений. В 2 ч. Ч. 1. М., 2010. С. 95–99.

8. Цховребова И.А. Допустимо ли относить адвоката-защитника к субъектам противодействия расследованию? // Расследование и противодействие ему в состязательном уголовном судопроизводстве: процессуальные и криминалистические вопросы: сб. науч. трудов. М., 2007.

Можяева Ирина Павловна, д-р юрид. наук, главный научный сотрудник, mirina-crim@yandex.ru, Россия, Москва, Академия управления МВД России

THE DOCTRINE OF COUNTERING THE INVESTIGATION OF CRIMES AND ITS RATIO WITH FORENSIC TEACHING ABOUT THE ORGANIZATION OF THE INVESTIGATION OF CRIMES

I.P. Mozhayeva

The tendencies of forming the doctrine on counteracting the investigation of crimes are considered. The author's vision of the relationship of teaching about countering the investigation of

crimes with the forensic theory of organizing the investigation of crimes is proposed. It justifies the conclusion that the doctrine of countering the investigation of crimes is of an organizational nature and is interdependent on private organizational provisions.

Key words: forensics; countering the investigation of crimes, teaching about countering the investigation of crimes, organizing the investigation of crimes; forensic theory of the organization of the investigation of crimes.

Mozhaeva Irina Pavlovna, Doctor of Law, Chief Researcher, mirina-crim@yandex.ru, Russia, Moscow, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia

УДК 343.9+930.1

ИЗ ИСТОРИИ КРИМИНОЛОГИИ В РОССИИ И СЛОВЕНИИ. АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ МАКЛЕЦОВ

Е.И. Самарцева

В современном Люблянском университете (Словения) Александр Васильевич Маклецов известен как основатель Института криминологии, основоположник криминологии как научной дисциплины. Его научные труды, написанные на русском, словенском, чешском, болгарском, французском, английском, немецком, итальянском, испанском языках - актуальны до сего дня. Большое внимание привлекают книги и статьи А.В. Маклецова, посвященные вопросам семьи, несовершеннолетним, истории юридической мысли и др. Уважительное отношение к разным точкам зрения, высокий уровень правовой культуры, энциклопедическая образованность – отличительные черты научных работ А.В. Маклецова.

Ключевые слова: А.В. Маклецов, криминология, история, Россия, Словения, Люблянский университет, журнал «Закон и суд»

Поводом для написания данной статьи стала работа доктора Алье Брглеза о профессорах из Российской империи, преподававших в Люблянском университете [1]. Публикация заставила вспомнить, что, несмотря на внушительную изученность темы Русского Зарубежья (как минимум – многотысячные книжные собрания московской Библиотеки – фонда им. А.И. Солженицына!), многие её вопросы недостаточно известны в современной России. К примеру, речь идет о ряде аспектов интеллектуального наследия Александра Васильевича Маклецова.

Общедоступные источники информируют, что в столице Словении Любляне находится один из крупнейших университетов Европы, который был основан в 1919 г. В нём обучается более 40 000 студентов, работает более 5600 преподавателей и других сотрудников [2].

Миссия университета Любляны определяет, что его путь в будущее основывается на собственных и зарубежных исследовательских достижениях,

ориентируется на принципы устойчивого развития, традиции европейского просвещения и гуманизма, уважение к правам человека; особое внимание «уделяется развитию талантов»[3]. Во многом формирование истоков этого достойного пути связано с деятельностью профессорско-преподавательского состава из бывшей Российской империи. В 20-е годы XX века в Любляне преподавало около 30-ти профессоров из России. Обратим внимание на Маклецова Александра Васильевича.

По обобщенным данным зав. кафедрой криминологии, профессора Мариборского университета Горазда Мешко, А.В. Маклецов родился 16 ноября 1884 года в Харьковской губернии, в селе Городное (имение)[4, с. 17]. Российские авторы, придерживаясь традиции «старого стиля», скорее, указали бы датой рождения 3 ноября 1884 г.

Выделяя отдельные биографические данные, целесообразно отметить, что А.В. Маклецов в 1908 г. окончил классическую гимназию в Пензе; с отличием завершил образование на юридическом факультете Харьковского университета, где позднее занял должность приват-доцента. Был гласным харьковской городской думы, вступил в партию кадетов. В 1920 г. эмигрировал из России и в 1921–1926 гг. преподавал на русском юридическом факультете в Праге. Весной 1926 г. профессор Метод Доленц – декан юридического факультета – пригласил А.В. Маклецова в Люблян. Гражданство Югославии было получено им в 1929 году, и с 1930 года вплоть до смерти (7 сентября 1948 г.) он занимал должность штатного профессора. Исследователи научного наследия А.В. Маклецова насчитывают около 150 его трудов на русском, словенском, чешском, болгарском, французском, английском, немецком, итальянском, испанском языках. Среди них: «Охрана детства как проблема уголовной и социальной политики» (1927 г.), «Аналогия в уголовном праве» (1935 г.), «Институт криминологии за рубежом и у нас» (1937 г.), «Уголовная этиология» (1939 г.), «Введение в криминологию с особым взглядом на уголовную политику» (1947 г.), «Криминальная география как проблема криминологии» (1948 г.) и др.

В 30–е годы XX в. в Люблянском университете можно было прослушать курс лекций по уголовной и социальной политике, по уголовной социологии; участвовать в семинарах по криминологии и другим вспомогательным уголовно-правовым наукам. Руководил занятиями – А.В. Маклецов. В 1954 году, через шесть лет после его смерти, в Люблянском университете был учрежден действующий до сего дня Институт криминологии [5, с. 310].

Оценить профессиональный уровень ученого в значительной степени поможет обращение к специальным статьям, например таких авторов как А.О. Магуза, Э.Ф. Побегайло [6; 7].

В Словении Александр Васильевич Маклецов рассматривается в качестве одного из основателей криминологии как научной дисциплины, ценится как судья по делам несовершеннолетних. Проф. Г. Мешко подчеркивает: «А.В. Маклецов составил первый словенский учебник криминологии (1947 г.), в котором наглядно показал соотношение между уголовным правом и криминологией, криминологией и уголовной политикой,

типологией совершивших уголовные преступления лиц, а также уголовной этиологией как наукой о причинах преступности... Содержание данного учебника является актуальным и сегодня, так как криминологические и уголовно-правовые темы, которые он преподносил, побуждали студентов к размышлению об относительном влиянии многих факторов на развитие преступности и преступного поведения» [4, с. 20].

Небезынтересно дополнить, что 24 января 1937 г. А.В. Маклецов сочетался законным браком со словенкой Лиляной Цахарией – активной участницей партизанского движения в годы Второй мировой войны. Не прекращая университетских занятий, А.В. Маклецов участвовал в антифашистском движении [1, с. 593]

Попытаемся в некоторой степени воспринять воззрения Александра Васильевича Маклецова, обратившись к ряду его статей разных лет. Ещё в 1913 г. в «Юридическом вестнике» была опубликована работа А.В. Маклецова «К вопросу о юридической оценке хулиганства». Поводом для рассуждения молодой исследователь посчитал, с одной стороны, малоизученность проблемы в специальной литературе, а с другой – публикацию в «Журнале Министерства Юстиции» статьи уфимского губернатора П.П. Башилова «О хулиганстве как о явлении, не предусмотренном законом». Не критикуя все постулаты статьи губернатора, А.В. Маклецов все же расходился с ним во многом, умело аргументировал свою позицию и пояснял: «Можно не разделять с человеком образа мыслей, даже осуждать вкус его, но требовать, чтобы он чувствовал, как мы, или ещё более – укорять его, зачем он не говорит, чего мы желаем, несправедливо». Эти слова А.С. Пушкина должны по нашему мнению, служить руководящим началом всякой полемики. Укорять автора статьи «О хулиганстве» мы, разумеется, не будем. Но не можем не высказать в заключении следующего. Новейшие исследования германских уголовных статистиков показывают, что увлечение мерами уголовной репрессии привело к тому положению, которое превосходно характеризуется выражением «карательное перепроизводство»... Наказание уместно только как крайнее средство, только там, где его ничем нельзя заменить в интересах общего блага. Во всех остальных случаях общество должно искать опору в себе самом и находить её в специальных реформах...» [8, с. 239–240].

Идеи гуманизма, внимания к судьбе человека, реальной помощи ребёнку, попавшему в непростую ситуацию, прослеживаются в статье А.В. Маклецова «Харьковское общество патроната над несовершеннолетними» (1915 г.). Рассказывая о том, что Харьков стал «первым городом в провинции, организовавшим особое разбирательство по делам о малолетних – «детский суд», А.В. Маклецов подчеркивал, что залогом успешной деятельности подобного суда должны быть сотрудничающие с ним «учреждения просветительного и воспитательного характера». Ими стали «...два приюта (для девочек и мальчиков), ремесленная школа, общежитие, бюро труда и библиотека. Эти учреждения были приняты затем в ведение общества патроната...» Автор подробно, используя яркие жизненные примеры, рассказал

об их деятельности и выразил надежду, что общество постарается оказывать посильную помощь этим учреждениям [9, с. 209–210].

Помощь оказывалась. Но война стала серьёзным испытанием для детских учреждений. Директор приюта, воспитатели ушли «на военную службу», резко сократилось финансирование, росло число беспризорников. Тем не менее, в своих статьях А.В. Маклецов ищет не виноватых, а пути решения проблем [10, с. 187–191].

Как отмечалось, к 30-м годам XX века А.В. Маклецов связал свою жизнь с Люблянским университетом. Многие его последующие работы выходят на словенском языке. Ныне они представлены в электронной библиотеке университета.

В то же время одним из научных центров отечественной юридической мысли становится журнал «Закон и суд», который выходил в Риге с 1929 по 1938 гг. Ряд современников считают, что журнал «...является уникальным источником юридической науки и сравнительного права. Но эта база знаний незаслуженно забыта и не раскрыта по достоинству» [11]. На страницах «Закона и суда» А.В. Маклецов публикует статьи на русском языке. Он не изменяет принципам гуманизма и объективного анализа. Казалось бы, в статье «Наука уголовного права в Советской России» (1930 г.) должны быть подчеркнуты политически окрашенные оценки. Без них не обошлось, но с акцентом не на обвинение, а на сожаление, что «для свободной научной мысли и свободного непредвзятого исследования здесь нет места». Критикуя «обязательную догму», А.В. Маклецов умеет находить «живое научное творчество» в рамках чуждого ему режима. С профессиональным вниманием относится к работам проф. С.В. Познышева (Криминальная психология. Преступные типы. 1926 г.), проф. А.А. Жижиленко (Очерки по общему учению о наказании. 1924 г.), проф. М.Н. Гернета (Моральная статистика. 1922 г., Преступный мир Москвы 1924 г.) и др. Внимательно следит А.В. Маклецов за работами проф. П.И. Люблинского, подчеркивая, что «один из плодовитейших русских криминалистов сосредоточился в последнее время преимущественно на изучении вопроса об охране детства и опубликовал несколько ценных сочинений на эту тему: «Борьба с преступностью в детском и юношеском возрасте. 1923. – Охрана детства и борьба с беспризорностью. 1924. – Кинематограф и дети и мн. др.» [12].

До настоящего времени небезынтересна объёмная статья А.В. Маклецова «Биологическое направление в современной криминологии» (1933 г.). При всей неоднозначности выдвигаемых положений вызывает уважение профессиональная тактичность автора, его умение выделить перспективные для дополнительных исследований аспекты. «Несмотря на всю обоснованность возражений, выдвинутых против созданной Ломброзо уголовной антропологии, – поясняет А.В. Маклецов, – его заслуг не отрицают и противники. Вл. Соловьев выразил это в остроумной форме: «Не считая криминальную антропологию новооткрытой Америкой, мы думаем, что это есть тот ошибочный путь в Индию, который на деле приведет, может быть, к открытию нового мира». И продолжает: «Под непосредственным влиянием

антропологической школы возникла социологическая школа в уголовном праве частью как реакция против натуралистической односторонности своей предшественницы...»[13, стб. 1286].

Рассматривая вопрос о международной значимости научных изысканий по проблеме, А.В. Маклецов подчеркивает: «В 1927 году вышла в свет программная работа профессора и директора Криминологического института в Граце (Австрия) Адольфа Ленца «Основы криминальной биологии». В том же году по почину названного ученого было учреждено Криминально-биологическое общество, имевшее ряд собраний в Вене, Дрездене и Мюнхене...» [13, стб. 1287].

А.В. Маклецов соглашается с проф. А. Ленцом, что если хотим считаться с личностью преступника в уголовном праве, то должны использовать в целях уголовного правосудия то, что психология называет характерологией, а медицина – учением о личности...» [13, стб. 1287].

Обращая внимание на практические приемы криминально-биологического изучения преступников, А.В. Маклецов рассматривает некоторые виды анкет и определяет: «Самый смысл анкеты заключается в попытке установления внутренней связи между преступлением и личностью преступника в целях правильного диагноза и прогноза. По мысли криминальных биологов анкета и связанное с ней заключение эксперта должны иметь практическое значение для определения наказания...» [13, стб. 1290].

В следующем номере «Закона и суда» А.В. Маклецов развивает заявленную тему, подчеркивая, что большинство поставленных на очередь вопросов ещё не созрело для решения и, в лучшем случае, может быть предметом дальнейшего обсуждения[14, стб. 1323].

Он акцентирует внимание на ряде положений, которые обобщенно можно сформулировать следующим образом:

- во всяком преступлении потенциально содержится история личности, семьи, рода и человечества. Однако невозможно требовать от судьбы, чтобы он углублялся в столь далекие истоки преступления;

- несмотря на законный скептицизм в отношении увлечений и крайностей нового движения, было бы ошибочно отрицать положительные стороны криминально-биологического направления в криминологии;

- новые методы исследования эволюционировали от одностороннего натурализма школы Ломброзо до методики Ленца, который «хотел бы облегчить взаимное понимание и сотрудничество представителей естествознания, медицины и юриспруденции при осуществлении практических целей уголовного правосудия»;

- новая методика целесообразна для использования в качестве вспомогательного средства для улучшения постановки экспертизы в уголовном суде, для рационализации «в карательных, изоляционных, воспитательных и т.п. учреждениях»[14, стб. 1325-1326].

Наконец, А.В. Маклецов делает закономерный для своих воззрений, в целом, вывод: «Исследование личности преступника в рамках уголовного права не должно превращаться в самоцель или опасное экспериментирование. Оно

может быть лишь средством для защиты правового порядка и важнейших правовых благ, охраняемых уголовным правом» [14, стб. 1326].

Переходя к рассмотрению других работ А.В. Маклецова, воспользуемся возможностью привести цитату из диссертации А.О. Магуза «Проблемы криминологии и теории уголовного права в свете научных воззрений представителей российской эмиграции первой половины XX столетия»: «Как известно, юридической науке свойственно постоянное переосмысление устоявшихся теоретических построений и методологических инструментов. Динамика глобализационных процессов обуславливает и новые решения в сфере практической уголовной юстиции, что требует определенной реакции со стороны криминологии, философии, социологии и доктрины уголовного права. Время больших уголовно-правовых реформ вызывает соответствующую научную поддержку. В этом отношении важно обращение к опыту зарубежного развития криминологических теорий, уголовно-правовых знаний и их влияния на уголовное законодательство отдельных стран» [15, с. 3].

1-е схематичное напоминание из истории (в проблемном поле настоящей статьи):

В результате поражения Австро-Венгрии в Первой мировой войне (1914-1918) её югославянские земли объединились в государство, получившее название Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев (КСХС). 8 августа 1928 году в здании парламента был убит основатель Хорватской народной крестьянской партии Степан Радич. 6 января 1929 года король Александр I Карагеоргиевич отменил конституцию; страна получила наименование «Королевство Югославия».

Справка об исторических событиях позволяет понять, почему статья А.В. Маклецова, опубликованная в газете «Россия и Славянство» [16] (1931 г.), а далее, расширенная в «Законе и суде» (1933 г.), названа «Русские юристы в Югославии». Поводом для написания очерка стала «15-ая годовщина эмиграции». Автор подчеркивает, что профессиональные достижения коллег стали плодом их «упорного и настойчивого труда». Это – профессора: Ф.В. Тарановский (история славянского права), А.В. Соловьев (история права южных славян), К.М. Смирнов (римское право); Г.В. Демченко (энциклопедия права, история славянского права), М.П. Чубинский (уголовное право и процесс), С.В. Троицкий (церковное право), Ал. Д. Билимович (политическая экономия), М.Н. Ясинский (история права южных славян), Е.В. Спекторский (история философии права и конституционное право).

Отмечается, что проф. Л.Я. Тауберг читает курс в Государственном Коммерческом институте в Белграде, А.Ю. Вегнер заведует отделом экономических исследований Привилегированного Аграрного банка. А.В. Маклецов рассказывает о многочисленных работах В.В. Розенберга, Г.М. Курило, А.В. Еропкина (бывшего члена Государственной Думы), П.И. Рудченко и др. Указывает на плодотворную деятельность коллег в качестве адвокатов, судей, деканов факультетов, зав. кафедрами, членов Академии Наук и законодательных комиссий, профессиональных переводчиков специализированной литературы и т.д. Обращает внимание на исследования

разного уровня масштабности: «История социальной философии» (Е.В. Спекторский), «Энциклопедия права» (Ф.В. Тарановский), «Основные течения в науке о праве в связи с вопросом о реальности юридического познания» (Г.В. Демченко), «Законодательство Стефана Душана, царя сербов и греков» (А.В. Соловьев), «Лига Наций и юридический статут русских беженцев» (Л.Я. Тауберг) и др.

Указывая, что жизнь многих русских юристов всё же «полна лишений», А.В. Маклецов считает, что «это есть борьба за жизнь в нормальных условиях человеческого существования при преобладающе доброжелательном отношении коренного населения»; констатирует, что судьба русских юристов в Югославии «лишний раз напоминает о том, сколько ценных работников потеряла Россия...» [17, стб. 1357-1362]

В сентябре 1933 г. в Чехословакии состоялся первый съезд юристов славянских государств. В Братиславе собрались представители Польши, Чехословакии, Югославии, Болгарии. Событие нашло отражение в одной из статей А.В. Маклецова [18]. В первую очередь, было подчеркнуто, что съезд «по существу не мог быть назван всеславянским, ибо на нем не были представлены русские юристы» [18, стб. 1387]. Специалисты из Советского Союза не откликнулись на приглашение, а юристы из эмигрантских кругов не стали участвовать в съезде, т.к. не согласились с предложенным им статусом: как члены факультетов, корпораций или гости.

А.В. Маклецов сожалел о такой позиции организаторов, писал о равноправии русских юристов-эмигрантов в других общеславянских организациях, например, врачей и инженеров. Уточнял: «Русские изгнанники временно потеряли родину, но они не утратили сознания своей принадлежности к великому славянскому народу» [18, стб. 1389].

Вместе с тем у А.В. Маклецова была возможность подробно изучить работу съезда, ход пленарных заседаний, 10-ти секций, резолюций. В итоге обосновывается вывод о недостаточно эффективной работе собравшихся. Впрочем, А.В. Маклецов делает пояснение, что, несмотря на скромность результатов съезда «всё же нельзя отрицать его значения в смысле установления личных связей между юристами славянских государств» [18, стб. 1392].

В русле профессиональных интересов А.В. Маклецова находилась проблема критерия опасности учинителя. Профессор подчеркивал, что опасность учинителя как мерило уголовной ответственности является одним из наиболее важных вопросов новейшей теории уголовного права, что в течение многих десятилетий ведутся споры по поводу допустимости введения этого критерия в уголовное право [19, стб. 1587]. А.В. Маклецов отмечал большое практическое значение вопроса, акцентировал внимание не на «крайних» позициях юристов, а на неких примирительных решениях, подобных лозунгу Каля (Kahl): «...в параллелограмм сил законодатель должен идти по диагонали». «Законодательство, – подчеркивал известный юрист, – не может исходить из односторонних требований той или иной школы. Оно должно считаться с правовыми воззрениями народа, оно не может производить

рискованных опытов и приносить в жертву узко-утилитарным целям основные начала правового государства»[19, стб. 1588].

Минуя многие тезисы статьи А.В. Маклецова, примем к сведению один из его итоговых выводов: «Против отождествления или слияния понятий вины и опасности говорит, однако, уже то, что наличие и степень опасности учинителя зависят и от внешних обстоятельств, которые могут наступить и после совершения преступления. На вину лица эти последующие моменты не могут иметь никакого влияния. Не следует забывать и того, что необходимым предположением вины является вменяемость лица, тогда как опасность субъекта находится вне зависимости от его вменяемости или невменяемости. Нельзя отрицать, конечно, что вина, особенно её более интенсивные формы (умысел, предумышление), могут быть симптомами или показателями опасности учинителя. От этого, однако, ещё далеко до отождествления вины и опасности» [19, стб. 1594].

Комплекс обозначенных вопросов детально рассматривается и более предметно раскрывается А.В. Маклецовым в объемной статье «Нормативная теория вины в уголовном праве»[20, 21]. Работа имеет профессиональную специфику, четко структурирована, снабжена списком новейшей литературы. Автор ясно дает понять, что статья посвящена анализу новейшего понимания вины в уголовном праве, что единодушно признается «его исключительное значение для всего дальнейшего развития уголовного права»[20, стб. 1679]. А.В. Маклецов скрупулезно анализирует психологическую теорию вины, обращает внимание на её недостатки, включая образы этической невыразительности и бесцветности [20, стб. 1681].

Детально разбирает А.В. Маклецов нормативную теорию вины, её практическое значение и те критические отзывы, которые выдвигаются в адрес теории. В тексте появляется: Германия «до-Гитлеровского периода» [21, стб. 1728]. Автор в значительной степени становится на позиции сторонников нормативной теории вины. Вместе с тем, сохраняя академическую объективность, констатирует, что ни одна теория не в состоянии дать некоторого рода магическую формулу, рассеивающую все сомнения. «Таких претензий не предъявляет и нормативная теория вины, находящаяся к тому же в стадии развития. В своей статье мы старались показать, что эта теория, во всяком случае, знаменует значительный шаг вперед в смысле создания более совершенной и более адекватной теории вины, как основного понятия уголовного права» [21, стб. 1730].

А.В. Маклецов старался не пропускать новинки профессиональной литературы, издаваемой в разных странах. Мнением о некоторых книгах делился на страницах периодической печати. Закономерно обратил внимание на выход в свет второго издания «Практического руководства к составлению обвинительных актов и заключений» Петра Николаевича Якоби [22]. Отечественным юристам, разумеется, было знакомо первое (1915 г.) издание «Руководства». Новый, зарубежный выпуск, по словам А.В. Маклецова, «...свидетельствует о живучести и плодотворности русской правовой традиции. Дух Судебных Уставов, насильственно угашенный на нашей родине, не умер.

Он и не мог умереть, ибо Судебные Уставы были замечательным опытом осуществления начал правды и человечности в области правосудия» [23, стб. 3864–3865].

Характеризуя классический труд П.Н. Якоби, А.В. Маклецов отмечал, что тот сочетает в себе «...качества практической деловитости и той словесной экономии, которая отвечает требованию, чтобы «словам было тесно, мыслям просторно» [23, стб. 3867]. Предсказуем вывод автора о том, чтобы образцовое руководство в своем втором издании, «приспособленном к потребностям Прибалтийских государств, стало настольной книгой практических юристов всюду, где ещё веет дух Судебных Уставов» [23, стб. 3867–3868].

Разные сферы семейного права всегда интересовали профессора А.В. Маклецова. Его перу принадлежит датированное 1938-м годом исследование «Брак и семья в Советской России» [24; 25]. Автор сразу определяет, что вопрос о влиянии коммунистического строя на судьбу основной общественной ячейки, семьи, в Советском Союзе не может не вызывать естественной тревоги у каждого русского человека, задумывающегося о будущем своего народа [24, стб. 3917]. Указывая на «необозримое количество литературы по этому поводу», А.В. Маклецов одновременно сожалеет, что не было сделано «попытки охватить этот вопрос в целом, во всем разнообразии причинных зависимостей и вытекающих из них последствий» [24, стб. 3917].

В последующем изложении автор опирается на внушительную источниковую базу, включая официальные документы новой власти («Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа», Кодекс законов о браке, семье и опеке, Уголовный кодекс, Определения Верховного Суда, Циркуляры прокуратуры Союза ССР, материалы сессий ВЦИК, Постановления ЦИК и СНК ССР...), газетную и журнальную полемику, исследования советских ученых. Предложенный им анализ может быть предметом специального междисциплинарного изучения. В данном контексте последуем за рассуждениями А.В. Маклецова, который, в первую очередь, приходит к выводу, что семья по советской теории «представляет собою отживающее учреждение, а брак – это просто биологический факт, лишенный религиозной, нравственной и даже правовой основы» [24, стб. 3920].

А.В. Маклецов обращал внимание, что Кодекс 1926 г. наряду с браком, зарегистрированным в отделах записи актов гражданского, предусматривал и т.н. фактический брак; указывал, что попытки советских юристов «установить отчетливое различие между случайной связью и т.н. фактическим браком оказались тщетными» [24, стб. 3920].

В статье А.В. Маклецова рассматриваются разные стороны семейно-брачной проблематики: имущественные споры, браки 14-17 летних подростков, купля-продажа девушек в республиках Востока, браки между близкими родственниками, заключение нескольких браков одновременно, рост детской беспризорности, практика запрета-разрешения усыновления... Автор отмечал попытки со стороны официальной власти решить ряд острых вопросов в сфере семейного права. Например, обращает внимание на публикацию в «Правде» 10 апреля 1936 г., где критикуется легкомысленное отношение к вступлению в

брак и безответственное отношение к разводам. «Разводами балуются, – цитирует А.В. Маклецов, – в нынешней правовой форме развод – это часто повод для озорства или, что хуже, для всяких махинаций» [24, стб. 3921]. Неоднократно им приводятся выдержки из выступлений представителей разных социальных уровней, где преобладает настроение навести порядок в брачно-семейном законодательстве («Крестьянка Пасынкова требовала обязательной регистрации брака»). Наряду с этим публикуются и статьи более радикального плана.

Рассказывая о сложности взыскания алиментов с должников, А.В. Маклецов приводит яркие примеры из статьи М.И. Ульяновой, поясняя, что она является «сестрой Ленина» (См.: «Известия». 12 апреля 1936) [25, стб. 3950].

Особое внимание А.В. Маклецов уделяет вопросу, связанному с ростом детской преступности в СССР. Автор соглашается, что огромное число беспризорников порождает детскую преступность, однако считает, что в советской литературе бедствие детской беспризорности и преступности определяется «цинически», как «издержки социальной революции». Изучая советское уголовное законодательство по вопросу об ответственности малолетних преступников, выделяет своеобразную «эволюцию». Считает, что по УК 1926 г. к детям до 14 лет наказание не применялось; с 14 до 16 лет смягчалось наполовину. По «...постановлению 25 ноября 1935 года (Собр. Узак. 1936, № 1, ст. 1) несовершеннолетние, достигшие двенадцилетнего возраста, уличенные в совершении краж, в причинении насилия, телесных повреждений, увечий, в убийстве или попытке к убийству, привлекаются к уголовному суду с применением всех мер наказания, не исключая, след., и смертной казни!» [25, стб. 3951].

«Своеобразной особенностью советского строя, – пишет А.В. Маклецов, – является то, что господствующая партия и её вожди без колебания отрекаются от основных программных начал коммунистического учения, если этого требуют чисто утилитарные и даже тактические соображения...» [25, стб. 3951–3956]. Далее автор делает вывод, что изменение политической установки нашло отражение в особом законодательном акте от 27 июня 1936 г. – Постановление ЦИК и СНК ССР «О запрещении аборт, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах». Автор внимательно, по статьям, изучает изменения, которые касались брака и семьи. Его резюме гласит: «После долгого жестокого эксперимента, подрывавшего основы семейного быта, советская власть пришла к выводу, что её нелепые и противоестественные мероприятия в этом направлении разрушают жизненную силу населения, а, вместе с тем, и военную сопротивляемость Советского Союза. Именно это чисто утилитарное соображение, а не доводы морального порядка, было решающим при осуществлении реформы 1936 года» [25, стб. 3957]. Дополнительно А.В. Маклецов подчеркнул, что «сопротивление со стороны наиболее многочисленной и в бытовом смысле наиболее устойчивой части населения –

крестьянства и вызвали частичное отступление власти «на семейном фронте» [25, стб. 3958].

2-е схематичное напоминание из истории (в проблемном поле настоящей статьи):

Подкарпатская Русь – наименование одной из земель, входивших в состав Чехословакии в 20-е – 30-е годы XX века.

Первый Венский арбитраж был проведен 2 ноября 1938 года в Вене, министрами иностранных дел Германии и Италии для решения «венгерского вопроса» в Чехословакии. Это было определено Мюнхенским соглашением. В результате, в 1938 году Ужгород перешёл к хортистской Венгрии, которая отменила демократические начинания Чехословакии и ввела во время Второй мировой войны жёсткий режим военного времени.

Справочная информация помогает лучше оценить, как минимум историографическую ситуацию вокруг статьи А.В. Маклецова «Из правовой жизни Подкарпатской Руси», вначале которой автор поясняет: «Читателям «Закона и Суда» будет, думается нам, небезынтересно узнать о существовании ещё одного журнала, выходящего на русском языке вне пределов России. Мы имеем в виду журнал «Право», являющийся периодическим органом Союза русских юристов в главном городе Подкарпатской Руси – Ужгороде. Журнал этот выходит уже второй год, начиная с 1937 года» [26, стб. 4115]. А.В. Маклецов подчеркнул, что журнал «обслуживает нужды и потребности подкарпатских юристов», а большинство его сотрудников – судьи. Автор отмечает, что на содержательное становление журнала объективно оказывают влияние несколько вопросов. Например, пока ещё не осуществленное в соответствии с международными договорами автономное устройство Подкарпатской Руси («хотя и велась некоторая подготовительная работа в этом направлении») и «вопрос о языке». А.В. Маклецов пишет о «колеблющейся» политике Чехословацкого правительства, о борьбе «карпато-русской интеллигенции» за признание «русского литературного языка языком карпато-русского народа» [26, стб. 4116]. Подчеркивает, что создание Союза русских юристов и появление журнала «Право» являются внушительным доказательством того, что это требование разделяют и карпаторусские юристы: «Статьи, напечатанные в журнале, написаны на чистом русском языке. Правописание старое. В ряде номеров журнала даны образцы русской юридической терминологии, которая в виде правила, отвечает терминологии, принятой в дореволюционной России» [26, стб. 4116].

Отмечая практическую направленность журнала, А.В. Маклецов, в первую очередь, выделяет статьи, которые «относятся к правовому строю Подкарпатской Руси и характеризуют стремление к краевой автономии в рамках Чехословацкого государства». Это статьи И.П. Гаджеги, Иосифа В. Каминского, д-ра Михаила Поповича, д-ра Емельяна Вальницкого, Петра П. Сова. Подчеркивается, что даже из краткого обзора явствует, как много внимания посвящает журнал «коренному вопросу об автономии края и о признании прав русского языка» [26, стб. 4117–4118].

В другую группу статей А.В. Маклецов объединяет публикации, посвященные иным отраслям права. В частности, созвучной умонастроению автора оказалась статья Влад. Левицкого «Памяти русского суда» (1938, № 1): «...Нельзя не присоединиться к следующим словам автора: «Суд в России был храмом правосудия, а не присутственным местом, где отбывали будничную повинность... Русский суд был доступнее, ближе к населению, – не географически, а духовно, – был человечнее судебных учреждений Европы и судил без сословных и политических предубеждений. Ни один беспристрастный, уравновешенный человек не позволит себе утверждать, что прежний русский суд держал руку помещиков против крестьян, заводчиков против рабочих, богатых против бедных»[26, стб. 4118].

Завершая статью, А.В. Маклецов подчеркивает: «Именно теперь, когда внимание всего мира приковано к Чехословакии, нам хотелось бы обратить внимание на ту область Чехословацкой республики, в которой живут русские люди, и хотя бы бегло познакомить читателей «Закона и Суда» с особенностями правовой жизни Подкарпатской Руси, поскольку они нашли отражение в органах русских юристов в Ужгороде» [26, стб. 4118].

Данная статья стала последней публикацией А.В. Маклецова в журнале «Закон и Суд». Собственно весь выпуск во многом подводил итоги деятельности журнала.

3-е схематичное напоминание из истории (в проблемном поле настоящей статьи):

15 мая 1934 года занимавший пост премьер-министра Латвийской республики Карлис Улманис инициировал военный переворот. 11 апреля 1936, по истечении срока полномочий президента Альберта Квиесиса, стал фактически правителем Латвии. Политика «единой национальной культуры» подразумевала отстранение от российского правового наследия.

30 сентября 1938 г. главный редактор «Закона и Суда» П.Н. Якоби написал А.В. Маклецову: «...Все же мы не могли предположить, что шовинистическая власть посягнет на научную мысль, между тем это случилось. Нас закрывают.» [11].

Последующие труды А.В. Маклецова, в основном, издавались в Словении. Были изданы «Вменяемость, вина и опасность» (1940 г.), «Печать и преступление (Уголовно-этиологическое исследование)» (1941 г.), «Типология уголовников в новом законодательстве Италии (1943 г.), «Женщина и преступление» (1944 г.), «Жизненные явления и причины преступности несовершеннолетних» (1946 г.), «Криминальная география как проблема криминологии» (1948 г.) и др. Заслуженное признание получил учебник «Введение в криминологию с особым взглядом на уголовную политику (1947 г.) [4, с. 19].

Целесообразно принять к сведению современную оценку профессиональной деятельности известного юриста: «А.В. Маклецовым были всесторонне и новаторски для первой половины XX века исследованы многие базовые криминологические проблемы, начиная с особенностей преступности несовершеннолетних и женской преступности и заканчивая фундаментальными

вопросами построения классификации наук криминального цикла, их методологического ориентирования, взаимосвязи криминологии с уголовной политикой и уголовно-правовой наукой, классификации преступных типов, этиологии преступности, тем самым намечены основные векторы развития криминологических идей в Словении и за рубежом на долгие годы вперед». [27, с. 17– 18].

Что касается деятельности А.В. Маклецова в 40-е годы, то в значительной степени она была связана с Люблянским университетом. По данным доктора Брглеза Альа, Лиляна Маклецова была арестована в 1943 году и предстала перед военным судом. Во время итальянской и немецкой оккупации А.В. Маклецова неоднократно допрашивали, но конкретных обвинений предъявлено не было. Уже после разгрома фашистской Германии он был избран членом Университетского сената как представитель Юридического факультета. По завершении Второй мировой войны переводил официальные документы с русского на словенский язык. Входил в состав ряда научных комиссий. [1, с. 593].

А.В. Маклецов умер 7 сентября 1948 г. в Любляне.

Известно, что в разные годы в Университете Любляны учились такие известные словенцы, как действующий президент Словении Борут Пахор, бывшие президенты страны: Данило Тюрк, Янез Дрновшек, Милан Кучан; поэты: Томаж Шаламун, Франце Балантич; жена президента США Дональда Трампа — Меланья Трамп и др. [2].

Позволю воздержаться от стандартных обобщений, просто отдавая дань уважения юристу, который, волею судьбы, проживая за пределами России, почти каждую свою научную работу, в той или иной степени, связывал с отечественным правоведением. Впрочем, сегодня интеллектуальное наследие А.В. Маклецова принадлежит множеству стран мира.

Список литературы

1. Брглез Альа. Российские профессора в Люблянском университете // РОССИЯ И БАЛКАНЫ в течение последних 300 лет. Юбилейное издание, посвященное трехсотлетию черногорско-русских отношений 1711 – 2011 г. – Подгорица/Москва. 2012. С. 589–600.

2. Образование в Словении. Люблянский университет [Электронный ресурс] URL: <https://2tm.si/university-ljubljana/> (дата обращения: 23.09.2018).

3. См.: UNIVERSITYUNILJ>University
URL:https://www.unilj.si/o_univerzi_v_ljubljani/poslanstvo__vrednote_in_vizija_ul/ (дата обращения: 24.09.2018)

4. Мешко Г. Вклад профессора Маклецова А.В. в становление и развитие словенской криминологии // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 4(34). С. 16–21.

5. Мешко Г., Тичар Б. Словенская криминология и ее современное развитие в сфере Уголовной юстиции и безопасности // Уголовное судопроизводство. 2008. № 2. С. 310. (На англ. языке)

6. Магуза А. О. Забытый ученый-эмигрант А. В. Маклецов и его криминалистические воззрения: к 125-летию со дня рождения // Российский криминологический взгляд. 2009. № 1. С. 356–358.
7. Побегайло Э. Ф., Магуза, А. О. О профессоре Александре Васильевиче Маклецове: к 125-летию со дня рождения // Российский криминологический взгляд. 2009. № 3. С. 58–62.
8. Маклецов Ал. К вопросу о юридической оценке хулиганства // Юридический вестник. Кн. II. М., 1913. С. 234–240.
9. Маклецов Ал. Харьковское общество патроната над несовершеннолетними // Журнал Министерства юстиции. 1915 (год двадцать первый), № 1 (январь). Петроград. Сенатская типография. С. 209–214.
10. Маклецов Ал. Из жизни общества патроната при детском суде // Журнал Министерства юстиции. 1916. № 7 (год двадцать второй) (сентябрь). Петроград. Сенатская типография. С. 187–191.
11. Левицкий Дмитрий. Закон и Суд // Новый журнал. Нью-Йорк. 2001. № 224 [Электронный ресурс] URL: <http://www.russkije.lv/ru/pub/read/levickij-zakon-pub/> (дата обращения: 11.10.2018)
12. Маклецов Ал. Наука уголовного права в Советской России // Закон и суд. 1930 (2-й г. изд.) № 11/12. Рига. Стб. 372–376.
13. Проф. А. Маклецов. Биологическое направление в современной криминологии // Закон и суд. 1933 (4-й г. изд.) № 8 (38). Стб. 1286–1326.
14. Проф. А. Маклецов. Биологическое направление в современной криминологии (Окончание) // Закон и суд. 1933 (4-й г. изд.) № 9 (39). Стб. 1322–1326.
15. Магуза А. О. Проблемы криминологии и теории уголовного права в свете научных воззрений представителей российской эмиграции первой половины XX столетия. Автореферат дис. на соискание уч. ст. канд. юридич. наук (специальность 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право). Рязань, 2012. 26 с.
16. Проф. А. Маклецов. Русские юристы в Югославии // Россия и Славянство. 13 июня 1931 (№ 133).
17. Проф. А. Маклецов. Русские юристы в Югославии // Закон и суд. 1933 (4-й г. изд.) № 10 (40). Стб. 1357–1362.
18. Проф. А. Маклецов. Первый съезд юристов славянских государств в Братиславе // Закон и суд. 1934 (5-й г. изд.) № 1 (41). Стб. 1387–1392.
19. Проф. А. В. Маклецов. Критерий опасности учинителя в современной теории уголовного права // Закон и суд. 1934 (5-й г. изд.) № 6 (46). Стб. 1587.
20. Проф. А. Маклецов. Нормативная теория вины в уголовном праве // Закон и суд. 1934 (5-й г. изд.) № 8 (48). Стб. 1677 – 1682.
21. Проф. А. Маклецов. Закон и суд. 1934 (5-й г. изд.) № 9 (49). Стб. 1723 – 1730.
22. Якоби П. Практическое руководство к составлению обвинительных актов и заключений. Издание второе, дополненное. Изд-во «Филин». Рига, 1937. 195 с.

23. Проф. А.В. Маклецов. Библиография. П. Якоби. Практическое руководство к составлению обвинительных актов и заключений // Закон и суд. 1938. (9-й г. изд.) № 1 (81). Стб. 3864–3865.

24. Проф. А. В. Маклецов. Брак и семья в Советской России // Закон и суд. 1938. (9-й г. изд.) № 3 (83). Стб. 3917–3926.

25. Проф. А. В. Маклецов. Брак и семья в Советской России // Закон и суд. 1938. (9-й г. изд.) № 4 (84). Стб. 3949–3958.

26. Проф. А. В. Маклецов. Из правовой жизни Подкарпатской Руси // Закон и суд. 1938. (9-й г. изд.) № 8 (88)–10(90). Стб. 4115–4118.

27. Магуза А.О. Проблемы криминологии и теории уголовного права в свете научных воззрений представителей российской эмиграции первой половины XX столетия. Автореферат дис. на соискание уч. ст. канд. юридич. наук (специальность 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право). Рязань, 2012. С. 17-18.

Самарцева Елена Игоревна, д-р ист. наук, проф., ученый секретарь Тульского государственного музея оружия, проф. кафедры, samartse@yandex.ru, Россия, Тула, Тульский государственный университет

FROM THE HISTORY OF CRIMINOLOGY IN RUSSIA AND SLOVENIA. ALEXANDER VASILYEVICH MAKLETSOV

E.I. Samartseva

In the modern University of Ljubljana (Slovenia) Alexander V. Makletsov is known as the founder of the Institute of criminology, the founder of criminology as a scientific discipline. His scientific works, written in Russian, Slovenian, Czech, Bulgarian, French, English, German, Italian, Spanish, are relevant to this day. The attention books and articles A. V. Makletsov on the issues of family, children, history of law, etc. Respect for different points of view, a high level of legal culture, encyclopedic education – the distinctive features of the scientific works of Alexander V. Makletsov.

Key words: Alexander V. Makletsov, criminology, history, Russia, Slovenia, University of Ljubljana, journal « Law and Court»

Samartseva Elena Igorevna, Dr. East. Sciences, Prof., Scientific Secretary of the Tula State Museum of Weapons, prof. departments, samartse@yandex.ru, Russia, Tula, Tula State University

БЕЗОПАСНОСТЬ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА – ЗАЛОГ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАСКРЫТИЮ И РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ ОПЫТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ)

И.В. Тишутина, Д.С. Кудрявцев

Рассматриваются применяемые в Республике Беларусь меры по обеспечению безопасности участников уголовного судопроизводства, оценивается их роль в преодолении противодействия раскрытию и расследованию преступлений. Обращается внимание на необходимость расширения системы мер безопасности защищаемых лиц за счет мер профилактического (упреждающего) характера, применяемых в отношении субъектов противодействия. Обозначаются направления совершенствования организационного и правового обеспечения применения мер безопасности в Республике Беларусь.

Ключевые слова: противодействие, преодоление, меры безопасности, участники уголовного судопроизводства, раскрытие и расследование преступлений.

Государство несет повышенную ответственность за безопасность граждан, вовлеченных в уголовное судопроизводство, и сотрудников правоохранительных органов, осуществляющих уголовно-процессуальную деятельность. Комплекс мер законодательного, организационного и тактико-психологического характера, применяемых уполномоченными на то должностными лицами в отношении участников уголовного судопроизводства и близких им лиц, в целях обеспечения их личной неприкосновенности и защиты материального благосостояния, а соответственно, нормального функционирования правоприменительной системы государства представляет собой основу деятельности по обеспечению безопасности в уголовном судопроизводстве [1, с. 140]. Эта деятельность является одной из составляющих в целом деятельности по выявлению и преодолению противодействия расследованию преступлений, которая самым непосредственным образом влияет на повышение эффективности борьбы с преступностью. Несмотря на активно проводимые в последние годы в Республике Беларусь научные исследования, касающиеся безопасности участников уголовного процесса, следует признать, что они в основном посвящены анализу процессуальных особенностей применения соответствующих норм. В публикациях белорусские авторы, в отличие от российских ученых, не рассматривали государственную защиту лиц, вовлеченных в уголовный процесс, в аспекте предупреждения и преодоления противодействия раскрытию и расследованию преступлений [2, С. 133-136].

Анализ следственной и судебной практики Республики Беларусь показывает, что негативному воздействию со стороны субъектов противодействия может быть подвержен любой из участников уголовного

судопроизводства. В этой связи, защищаемых лиц условно можно разделить на следующие категории:

а) участники уголовного процесса, подвергаемые воздействию со стороны подозреваемых (обвиняемых) и связанных с ними лиц (потерпевшие, свидетели, понятые и другие лица), а также их близкие, в том числе лица, оказывающие или оказывавшие содействие органам, осуществляющим ОРД;

б) подозреваемые, обвиняемые подвергаемые воздействию со стороны соучастников преступной деятельности, в том числе в ситуациях, когда с ними заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, а также их близкие;

в) судьи, сотрудники правоохранительных, контролирующих и надзорных органов и их близкие.

Деятельность правоохранительных органов по защите участников уголовного процесса представляет собой систему мер правового, организационного и тактического характера, применяемых в целях обеспечения, в первую очередь, их личной неприкосновенности со стороны субъектов противодействия. Однако с точки зрения преодоления противодействия раскрытию и расследованию преступлений наибольший интерес представляет система мер безопасности, которая в Республике Беларусь может быть представлена в виде: 1) мер, предусмотренных УПК Республики Беларусь и 2) мер, содержащихся в иных законодательных актах и международных договорах. К первой группе относятся:

а) процессуальные (неразглашение сведений о личности, освобождение от явки в судебное заседание, закрытое судебное заседание);

б) иные меры (использование технических средств контроля, прослушивание переговоров, ведущихся с использованием технических средств связи, и иных переговоров, личная охрана, охрана жилища и имущества, изменение паспортных данных и замена документов, запрет на разглашение и выдачу сведений).

Вторую группу составляют меры, применяемые в отношении определенного круга участников уголовного судопроизводства. В первую очередь, это судьи, сотрудники органов внутренних дел, следователи, прокуроры, а также их близкие. Особый статус таких лиц требует обеспечения дополнительных мер их безопасности.

Очевидно, что при расследовании преступлений и рассмотрении в суде дел экономического и коррупционного характера, когда к ответственности привлекаются лица, занимающие высокие руководящие должности, обладающие значительными материальными или административными ресурсами, способы воздействия на субъектов уголовного процесса не ограничиваются только угрозами в их адрес. Конечной целью воздействия в таких случаях является прекращение их должностных (служебных) полномочий. Поэтому наряду с мерами, указанными в законе Республики Беларусь № 340 от 13.12.1999 «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов, сотрудников органа государственной охраны» и постановлении Совета министров Республики Беларусь от 21.01.2016 № 44 «Об утверждении Положения о порядке

применения мер безопасности в отношении защищаемых лиц» одной из дополнительных гарантий их защищенности является повышенная уголовная ответственность за вмешательство в профессиональную деятельность.

В Республике Беларусь меры безопасности, применяемые в отношении субъектов раскрытия и расследования преступлений, можно объединить в 2 группы:

1) меры, связанные с недопущением физического воздействия на защищаемое лицо. Таковыми являются: личная охрана, охрана жилища и имущества, выдача оружия, специальных средств индивидуальной защиты и оповещения об опасности, временное помещение в безопасное место, перевод на другую работу (службу), изменение места работы (службы) или учебы, переселение на другое место жительства, изменение внешности;

2) меры, направленные на ограничение распространения информации о лице или ее изменения. В их число входят: обеспечение конфиденциальности сведений, изменение данных документа, удостоверяющего личность, и замена документов.

Обоснованность подхода к такому делению, на наш взгляд, обусловлена особенностями профессиональной деятельности указанных лиц, а также повышенным риском при принятии решений, связанных с избранием мер пресечения и назначения наказания.

Согласно данным проведенного опроса следователей Следственного комитета Республики Беларусь, 84% респондентов указали, что чаще всего в практической деятельности им приходилось сталкиваться с применением таких мер безопасности, как личная охрана, охрана жилища и имущества, запрет на выдачу сведений и неразглашение сведений о личности. Отмечены единичные случаи использования выдачи защищаемому лицу специальных средств индивидуальной защиты и оповещения об опасности, а также временного помещения его в безопасное место.

Нахождение участников уголовного судопроизводства под непосредственным контролем органа, осуществляющего защиту, лишает субъектов противодействия возможности проникать в их жилища, повреждать имущество, оказывать физическое или психическое воздействие на их самих и членов семей. В необходимых случаях жилище защищаемых лиц может быть оборудовано средствами противопожарной и охранной сигнализации, может быть произведена замена номеров телефонов и регистрационных знаков на используемых транспортных средствах и др.

Необходимо отметить, что реализация в Республике Беларусь такой меры безопасности как переселение защищаемого лица на другое место жительства, по мнению 42% опрошенных практических сотрудников правоохранительных органов, является малоэффективным инструментом защиты, поскольку информация о личности уже известна, а перемещение в другой населенный пункт с учетом территориальных особенностей страны не гарантирует того, что об этом не узнают заинтересованные лица. В этой связи представляется целесообразным использовать так называемые межгосударственные меры безопасности: временное помещение защищаемого лица в безопасное место на

территории другого государства, например, Российской Федерации, и его переселение в иную страну для проживания.

Обращает на себя внимание тот факт, что в Республике Беларусь, как, впрочем, и в Российской Федерации, меры безопасности, применяемые в отношении участников уголовного судопроизводства, представляют собой действия государственных органов, осуществляемые с целью оградить защищаемое лицо от какого-либо воздействия со стороны субъектов противодействия раскрытию и расследованию преступлений. Отличительной особенностью таких действий, на наш взгляд, является то, что они выступают, своего рода, противовесом негативного воздействия, проявляющегося в угрозах жизни и здоровья, насилии, повреждении имущества участников уголовного процесса.

Вместе с тем, определяя понятие безопасности лица в самом широком смысле как состояние защищенности наиболее важных его интересов от различного рода угроз, становится очевидным, что ее обеспечение зависит не только от изоляции или охраны лиц, которым угрожает опасность [3; 4]. В этой связи, представляется обоснованным вести речь о мерах безопасности, носящих упреждающий (профилактический) характер, применяемых к субъектам негативного воздействия.

Анализ литературных источников показывает, что учеными не предлагается конкретного перечня действий упреждающего характера в отношении субъектов противодействия раскрытию и расследованию преступлений. Вместе с тем, в качестве таковых могут рассматриваться широко распространенные в некоторых зарубежных странах (США, Великобритания, Германия) институт примирения, специальное судопроизводство по определенным категориям дел, полное доведение информации, составляющей содержание судебных слушаний, общественности и т.п. [5; 6].

Использование таких мер, по мнению отдельных ученых, является наиболее важным условием объективного и всестороннего расследования уголовных дел [7]. Такой подход отвечает современным потребностям практики в повышении эффективности государственной защиты лиц, вовлеченных в уголовный процесс, и расследования преступлений в целом. Важно не просто оградить участников уголовного судопроизводства от негативного влияния заинтересованных в исходе дела лиц, что существующими средствами сделать крайне сложно, а не допустить какого-либо воздействия в принципе.

В Республике Беларусь меры безопасности, носящие профилактический (упреждающий) характер, применяемые в отношении субъектов противодействия раскрытию и расследованию преступлений, можно представить в виде:

1) мер, применяемых в целях обеспечения объективности и всесторонности расследования;

2) мер, применяемых в целях обеспечения исполнения обвинительного приговора.

Первую группу составляют:

- предупреждение о привлечении к уголовной ответственности за вмешательство в работу суда или производство предварительного расследования;

- избрание мер пресечения, связанных с ограничением (лишением) свободы;

- использование личного поручительства;

- применение положений, предусмотренных ст. 63 УК Республики Беларусь («Обстоятельства, смягчающие ответственность»).

Ко второй группе относятся:

- исключение возможности замены наказания более мягким либо освобождения от уголовной ответственности (наказания);

- применение с основным дополнительных наказаний (конфискация имущества, штраф, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью);

- предупреждение о том, что воздействие на участников уголовного судопроизводства является нарушением условий исполнения наказания, влекущее ответственность, предусмотренную статьями 414-419 УК Республики Беларусь.

В то же время, следует отметить, что особого внимания и детализации требуют вопросы организации и тактики применения мер безопасности. В этом аспекте особенно актуален для Республики Беларусь вопрос совершенствования механизма реализации положений законодательства о государственной защите. Положительным при этом видится опыт Российской Федерации, где с 2014 года определено конкретное документальное регулирование прав и обязанностей защищаемого лица в отношениях с органами, осуществляющими меры безопасности. Представляется целесообразным по аналогии законодательно закрепить в Республике Беларусь: обязательность заключения письменного договора об условиях применения мер безопасности, о взаимных обязательствах и взаимной ответственности сторон; основания для отмены мер безопасности в случаях, если защищаемое лицо отказывается от заключения договора с органом, осуществляющим меры безопасности, либо если дальнейшее применение мер безопасности невозможно вследствие нарушения защищаемым лицом условий договора. Кроме того, в договоре могут отражаться сведения о семейном положении защищаемого лица, находящемся у него в собственности имуществе, об имеющихся у защищаемого лица гражданско-правовых и иных юридических обязательствах, о возбуждении в отношении защищаемого лица уголовного дела либо административного производства, о привлечении защищаемого лица в качестве обвиняемого, гражданского ответчика по уголовному делу либо в качестве гражданского ответчика, другие сведения, имеющие значение для применения мер безопасности. Конечно, в целях выработки единообразного, формализованного подхода к заключению такого договора, потребуется разрабатывать и апробировать соответствующие методические рекомендации по его заключению.

Важным аспектом реализации мер безопасности является вопрос взаимодействия в рамках межгосударственного урегулирования отношений в сфере защиты участников уголовного судопроизводства. 28.11.2006 г. в г. Минске в ходе заседания Совета глав государств Содружества Независимых Государств (далее – СНГ), было подписано Соглашение о защите участников уголовного судопроизводства. Кроме того, государствами-участниками СНГ принята Межгосударственная программа совместных мер борьбы с преступностью на 2014-2018 годы.

Соглашением предусмотрено, что государство-участник СНГ (запрашивающая сторона), вправе обращаться с запросом к другому государству (запрашиваемая сторона) о содействии в применении мер защиты в отношении защищаемых лиц на территории запрашиваемой стороны. Запрашиваемая сторона при этом, в соответствии с соглашением и нормами национального законодательства, будет оказывать содействие запрашивающей стороне в осуществлении в отношении защищаемых лиц мер защиты, предусмотренных Соглашением. При этом по взаимному согласованию Сторон могут осуществляться иные меры защиты, не предусмотренные Соглашением. Соглашение подписано 8 государствами-участниками СНГ, ратифицировано в пяти из них, в том числе, в Республике Беларусь и в Российской Федерации. Соглашением о защите секретной информации в рамках СНГ, заключенным в г. Минске 25 октября 2013 года регулируются вопросы межгосударственного обмена информацией, связанной с реализацией мер безопасности.

Таким образом, к повышению в Республике Беларусь эффективности преодоления противодействия раскрытию и расследованию преступлений, в первую очередь, необходимо подходить с позиции обеспечения безопасности защищаемых лиц посредством совершенствования как правового, организационно-тактического и методического обеспечения деятельности правоохранительных органов в условиях противодействия, так и с позиции расширения системы мер безопасности, в частности, за счет мер профилактического (упреждающего) характера, а также практики использования межгосударственных мер безопасности.

Список литературы

1. Тишутина И.В. Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению: монография. М., 2016.
2. Григорьев В.Н. Организованное противодействие судопроизводству и проблемы его нейтрализации // Организованное противодействие раскрытию и расследованию преступлений и меры по его нейтрализации. Материалы научно-практической конференции (28-30 октября 1996 г., г. Руза). М.: ЮИ МВД России, 1997.
3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992.
4. Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Юридическая энциклопедия / под ред. М.Ю. Тихомирова. М.: 1997.

5. Кондрат И.Н. Безопасность участников уголовного судопроизводства: понятие и некоторый зарубежный опыт // Юридическая наука: история и современность, 2013. № 9. С. 158-168.

6. Стойко Н.Г. Уголовный процесс западных государств и России: сравнительное теоретико-правовое исследование англо-американской и романо-германской правовых систем. Монография. СПб.: Издательский Дом С.-Петерб. гос. ун-та, Издательство юридического факультета СПбГУ, 2006

7. Епихин А.Ю. Обеспечение безопасности личности в уголовном судопроизводстве. СПб.: Юридический центр пресс, 2004.

Тишутина Инна Валериевна, д-р юрид. наук, проф. кафедры, inna_tishutina@mail.ru, Россия, Москва, Московский университет МВД России имени В.Я.Кикотя,

Кудрявцев Дмитрий Сергеевич, адъюнкт, dima_cop@mail.ru, Россия, Москва, Московский университет МВД России имени В.Я.Кикотя

THE SAFETY OF PARTICIPANTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS IS THE KEY TO THE EFFECTIVENESS OF OVERCOMING COUNTERING THE DETECTION AND INVESTIGATION OF CRIMES (USING THE EXPERIENCE OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF BELARUS AS AN EXAMPLE)

I.V. Tishutina, D.S. Kudryavtsev

The article considers the measures applied in the Republic of Belarus to ensure the safety of participants in criminal proceedings, assesses their role in overcoming the opposition to the disclosure and investigation of crimes. The article draws attention to the need to expand the system of security measures of protected persons through preventive (preventive) measures applied to the subjects of counteraction. The directions for improving the organizational and legal support for the application of security measures in the Republic of Belarus are indicated.

Key words: counteraction, security measures, participants of criminal proceedings, detection and investigation of crimes.

Tishutina Inna Valerievna, Doctor of Law, prof. Department, inna_tishutina@mail.ru, Russia, Moscow, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Y. Kikot

Kudryavtsev Dmitry Sergeevich, adjunct, dima_cop@mail.ru, Russia, Moscow, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Y. Kikot

ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ТЕРМИНОВЕДЕНИЯ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Т.В. Толстухина, А.А. Светличный, Д.В. Панарина

Рассмотрены и проанализированы основные научные направления терминологической деятельности в области общей теории судебной экспертизы: инвентаризация и унификация терминов, терминография. Акцентируется внимание на том, что языковая политика общей теории судебной экспертизы должна реализовываться в соответствии с принципами общего терминоведения, образовывать свою специальную терминосистему и вместе с тем органично встраиваться в общую терминологическую систему юридических наук.

Ключевые слова: язык науки, терминоведение, судебная экспертиза, язык общей теории судебной экспертизы, инвентаризация терминов, унификация терминов, терминография, стандартизация терминов.

Одним из наиболее актуальных и перспективных направлений в современной науке является исследование теоретических и практических проблем языка науки. Это объясняется многими факторами и причинами. Например, тем, что язык традиционно выступает важнейшим фактором развития общества, особенно в настоящее время активного развития и внедрения во все сферы жизнедеятельности информационных технологий, когда посредством языка и знаковых систем осуществляется общение и взаимосвязь не только человека с человеком, но и человека с различного рода ЭВМ. При этом в виду того, что наука и техника развиваются невероятно быстрыми темпами, в результате чего происходит постоянное обогащение языка, в том числе посредством появления новых символов и терминов, требуется постоянный анализ современного состояния языка науки как в целом, так и в различных отдельных областях знаний в целях их унификации и согласованности и, соответственно, возможности обмена опытом и полученными новыми знаниями.

Как показывает анализ научной литературы, вопросы исследования и анализа языка науки были заложены еще в античный период в трудах Евклида, Платона, Аристотеля и других ученых. В дальнейшем их научные изыскания были продолжены в эпоху Возрождения Николаем Коперником, Галилео Галилеем, Иоганном Кеплером и многими другими выдающимися деятелями науки своего времени. Однако, несмотря на то, что вопросам языка науки уделяли внимание многие ученые, причем из совершенно различных областей знания, практически вплоть до начала XVII века, исследование языка науки проводилось, в основном, лишь посредством рассуждений о языке вообще, без образования самостоятельного направления соответствующей отрасли знания. И только лишь в Новое время, благодаря трудам И. Канта, Ф. Бэкона, Г.В.Ф. Гегеля, Р. Декарта, Б. Спинозы, Г.В. Лейбница, имевшим в большей степени философскую направленность, появилась идея об исследовании «чистого, ничем не замутненного» языка науки не только как системы понятий, знаков,

символов, создаваемой и используемой какой-либо областью научного знания для получения, обработки, хранения и применения информации, но и, прежде всего, путем постановки и обсуждения его методологических проблем. В дальнейшем данные вопросы получили развитие в трудах не только философов, но и представителей многих других областей знания.

Любая современная наука для достижения большей точности, однозначности и определенности употребления терминов формирует свой язык или понятийно-терминологическую систему, которая может существенно отличаться от естественного языка.

Очевидно, что сознательное отношение к языку конкретной науки, то есть понимание связанных с его формированием методологических основ, а так же знание принципов построения и основных правил оперирования теми или иными терминами и понятиями, является одной из ключевых особенностей научного развития. Поэтому анализ языка науки, как справедливо отметил В.А.Штофф, выступает одной из важнейших задач «современной методологии науки» [1, с. 27]. Полагаем, что указанное замечание весьма актуально и в наше время.

О всевозрастающей роли терминологии в научном знании и профессиональной коммуникации свидетельствует также появление во второй половине XX века новой науки – терминоведения.

Методологическая база и теоретические основы терминоведения начали формироваться в 70-е годы прошлого века, включив в себя все научные достижения прежних десятилетий, а спустя двадцать лет четко обозначились новые подходы и методы терминологических исследований и сформировалось понимание терминоведения как интегративной науки, изучающей специальную лексику с точки зрения ее типологии, происхождения, формы, содержания, упорядочения и использования и оказавшей существенное влияние на зарождение, формирование и становление многих научных терминоведческих систем.

Как следует из анализа научной литературы, наряду с термином «терминоведение» используется термин «терминология», рассматриваемый в терминоведении как особый сегмент лексики, предметом исследования которого выступает система терминов – слов научного языка.

Целенаправленный отбор и организация терминоведческих средств, специфичность их употребления обусловлены развитием науки как общественного явления, что привело к разработке научного функционального стиля. В дальнейшем этот стиль определился как особая функционально-речевая разновидность, обладающая совокупностью наиболее устойчивых и существенных признаков. Терминология науки создает фундамент ее дидактической деятельности.

В современном терминоведении можно выделить основные научные направления терминологической деятельности: *инвентаризация* терминов, *унификация* терминосистем и терминов, а так же *терминография*. Сюда можно отнести создание банков данных, перевод терминов и определений, организационно-методическую деятельность на разных уровнях. Отмеченные

направления взаимосвязаны и для наглядности представлены в виде схемы (рис. 1)

Рис. 1. Научные направления развития системы терминологии общей теории судебной экспертизы.

Рассмотрим обозначенные нами научные направления более подробно.

Инвентаризация терминов как отдельное направление терминологической деятельности включает в себя *сбор, описание и систематизацию* всех терминов, составляющих выбранную предметную область. Для анализа формирующихся терминосистем, в частности, судебной экспертизы, инвентаризация имеет особую значимость, так как она отражает исследовательский характер терминоведения. В результате инвентаризации возможно создание баз данных или терминологических описательных словарей. Важное методологическое значение для терминологической системы общей теории судебной экспертизы имеет обоснование принципов и критериев инвентаризации терминов.

Так, термин «следственная тактика» был исключен из лексикона и заменен на термин «криминалистическая тактика». Однако наряду с термином «одорологическая экспертиза» используются термины «одорографическая» и «ольфакторная».

Систематизация инвентаризованных терминов решается в каждой отдельной терминосистеме. Систематизация предполагает распределение терминов данной области знания по категориям, а также разработку классификаций определений и понятий. Результатом будет являться системно - структурная иерархия терминов и понятий и терминов. Д.С. Лотте выделил четыре класса наименований применительно к технической терминологии: «процессы, свойства, предметы, величины» [2, с. 79].

Т.Л. Канделаки значительно расширила значения терминов: «предметы, свойства, процессы, величины, единицы измерения, режимы, науки и отрасли, профессии и занятия» [3, с. 81].

Надо заметить, что к судебной экспертизе общенаучная классификация определений, понятий терминосистемы полностью не подходит. Связано это со специфичностью судебно-экспертной терминологии, и нам представляется необходимой разработка собственной классификации, которая сможет учитывать все особенности данной науки и характер судебно-экспертной деятельности.

Вторым терминоведческим направлением следует считать унификацию терминов, включающую три вида – *упорядочение, стандартизацию терминов и терминологическое редактирование.*

Схематично требования к упорядочению терминов может выглядеть следующим образом (рис. 2).

Рис. 2. Нормативные требования к упорядочению терминов судебной экспертизы.

Упорядочение терминологической системы принято связывать с выбором соответствующих терминов и определений с целью адекватного отражения понятий, объектов, процессов и признаков. Обоснование же выбора терминов, в свою очередь, требует соответствия терминологичности и нормативности термина. Нами проанализированы и систематизированы нормативные требования, которые предъявляются к терминам соответственно представлению о нормативности в терминологии как о содержательной стороне (соотношении термина как знака с понятием), логической (правильном отражении системы понятий в терминах) и лингвистической (языковой структуре термина). Поэтому нормативность следует определять как: требование к содержанию

термина – системность, однозначность, дефинитивность; к форме термина – правильность, краткость, деривативность, нейтральность; требование, обусловленное особенностями употребления термина - способность к переводу, гармонизации и широкому внедрению.

Основным нормативным требованием терминологии считают *однозначность*. Подвергнув анализу это понятие, можно говорить о его широкой интерпретации. Некоторые ученые полагают, что однозначность является неперменным терминологическим свойством [4, с. 82].

Мнения других ученых противоположны, они в рамках отраслевой терминологии признают относительную однозначность термина [2, с. 16; 5, с. 35].

Третья группа ученых придерживается иной позиции – «однозначность термина - это желаемое, но в реальных терминосистемах редко реализуемое требование нормативности» [6, с. 18]. Однако, на наш взгляд, внедрение новых терминов должно отменять использование прежних, иначе полисемия языка до бесконечности сделает этот язык слабо воспринимаемым или не воспринимаемым вовсе.

Так, например, можно встретить в литературе использование следующих терминов: фоноскопическая (фонографическая) экспертиза, почерковедение (графология), исправность (работоспособность) оружия, почерк и подпись (почерковые реализации) и т.п. В 80-х годах в рамках трасологической экспертизы был сформирован новый раздел – «микротрасология», определены его предмет, объекты, сформулированы понятия, решаемые задачи при исследовании микрообъектов. Иногда новое весьма успешно объясняется через старое, уже знакомое и научно-определенное, так, например, введено понятие «оружиеведение».

В то же время необходимо отметить, что зачастую отсутствие терминологической и понятийной однозначности существенным образом может влиять на выработку концептуальных теоретических положений (например, на построение классификационных систем, на разработку методик исследования), а так же на разработку практических рекомендаций, что отчетливо прослеживается в рекомендациях для экспертов в СЭУ различных ведомств.

Не менее существенным требованием можно считать *системность* (*систематичность*) термина. Термин указывает на связь между понятиями и определяет место выражаемого термином понятия среди других понятий. Термин предназначен содействовать установлению иерархичности понятий и родо-, видовых отношений в терминологии. Нормативность термина была предметом обсуждения и других ученых: «Научная терминология должна представлять не простую совокупность слов, а систему слов или словосочетаний, определенным образом между собой связанных» [7, с.35; 8, с. 31].

По отношению к судебной-экспертной терминологии нормативное требование системности нуждается в уточнении: значение судебного-экспертного термина должно определяться как всей совокупностью понятий общей теории

судебной экспертизы, так и, по возможности, отражать отношение к базовым наукам: уголовному процессу, криминалистике, криминологии, уголовному праву, а также техническим, экономическим, научно-естественным и другим наукам. Кроме того, системность принято рассматривать применительно к терминам судебной экспертизы в двух аспектах: в логико-понятийном и лексико-семантическом.

Краткость является одним из основных нормативных требований. Предлагаемый термин должен быть достаточно кратким, так как краткость обеспечивает его широкое применение и легкое запоминание. Некоторые ученые отмечают противоречие требования краткости с требованием точности термина. Реализацию данного требования практически нельзя обнаружить в юридической литературе.

Так, современная судебно-экспертная терминология располагает большим набором терминов-словосочетаний простой и сложной структур. В желании использовать усложненную терминологию понятия уточняются, с этой целью наблюдается тенденция отражения в термине как можно большего количества признаков этого понятия. Мы придерживаемся требования краткости в отношении термина, однако определяться это нормативное требование должно дифференцированно. Анализ показывает, что ученые-юристы при формулировании определений отличаются использованием сложных, многоструктурных комбинаций. Одним определением стремятся охватить его максимально возможное содержание.

Нейтральность термина, как нормативное требование, предполагает отсутствие в его форме выражения экспрессивной и стилистической направленности, отрицательного или положительного сопутствующего значения. По мнению А.А. Реформатского, «термин принципиально *лежит вне* экспрессии, так как экспрессия предполагает выбор между «хорошо - плохо», «грустно - весело», «серьезно - шутивно» и т.п. Для термина выбора в этом смысле нет» [9, с. 53].

Способность к деривации как нормативный термин также должна четко проявляться в научной речи, так как деривативность (словообразовательная возможность) термина обеспечивает основу лексической системности терминосистемы. Для судебно-экспертной терминосистемы как межотраслевой необходимо отражение в терминах явления одного порядка. На наш взгляд, деривативность может сыграть свою роль при выборе терминов-синонимов в терминологическом ряду. Нам представляется данное нормативное требование чрезвычайно важным.

Правильность термина в терминоведении расценивается всеми учеными как обязательное нормативное требование. «Под нормативностью термина нередко подразумевают именно соответствие требованию языковой правильности построения и употребления термина» [10, с. 125]. Такая трактовка нормативности терминологии дает возможность обосновать использование терминологии, позволяет анализировать системные терминологические отношения.

Ученые постоянно ищут пути снижения нестабильности современного

состояния научной речевой культуры в различных областях знания.

Промежуточную стадию унификации терминологии представляет *стандартизация* терминов. Ведущую роль проблем образования, функционирования и развития специальных терминов в России играет Всероссийский НИИ классификации, терминологии и информации по стандартизации и качеству (ВНИИКИ), объединяющий ведущих терминологов страны, «...направляющий и координирующий исследовательские работы, ведущиеся в научных и производственных организациях» [11, с. 79]. *Стандартизация представляет процедуру отбора терминов, оптимально соответствующих потребностям науки, нормативных, наиболее удобных, словообразовательных и способных к дальнейшей деривации* [12]. Стандартизация судебной экспертизы начала развиваться как результат обогащения терминосистемы. Подчеркнем еще раз, что терминология общей теории судебной экспертизы должна основываться на более широких, нежели в общем терминоведении, принципах и условиях изучения причинно-следственных связей развития терминологии, что позволит проанализировать противоречия и тенденции формирования понятийно-терминологического аппарата судебной экспертизы, недостатки и преимущества терминопроизводства.

Термины отличаются системностью, дефинициями, отсутствием экспрессии, тенденцией к однозначности, стилистической нейтральностью и другими свойствами. Отмеченные свойства характерны только для определенного терминологического поля. За его пределами термин переходит в общеупотребительную лексику и утрачивает свои характеристики. Ярким примером может служить термин «специалист», который в процессуальном праве имеет четко обозначенное понятие процессуальной фигуры, действующей в процессуальных рамках. В этом случае термин утрачивает однозначность и системность, а его понятия упрощаются и трансформируются в обиходный язык, то есть происходит терминологизация лексических единиц.

Терминологическое редактирование является завершающей стадией унификации терминологии. Целью редактирования является получение от текста наибольшего коммуникативного эффекта, который достигается с помощью установления места определенного термина в терминосистеме науки. Значение редактирования достаточно велико, поскольку оно определяет правильное использование терминов, словосочетаний и определений как внутри одной терминосистемы, так и при взаимодействии с другими терминосистемами. Задачей терминологического редактирования является достижение правильного использования терминов.

Третьим научным направлением развития системы судебно-экспертного терминоведения является терминография, в которую можно включить разработку *терминологических стандартов*, обязательных для использования в судебно-экспертной, научной и педагогической деятельности; *словарей рекомендуемых для использования терминов и определений*, а также *терминологических банков данных (ТБД)*.

Современные технологии позволяют разрабатывать терминологические

банки данных и успешно использовать их в судебно-экспертной деятельности и криминалистике. Данное направление в терминоведении мы считаем весьма актуальным и перспективным, так как оно дает возможность автоматической обработки значительных массивов информационно-нормативной терминологической информации.

Еще одним существенным практическим выходом судебно-экспертной терминологической деятельности явилась разработка словарей терминов и определений. Следует констатировать, что подобные словари были разработаны и успешно использовались экспертами. Однако содержание словарей никогда не подлежало инвентаризации.

Важной частью терминографии является разработка *терминологических стандартов* в области судебной экспертизы. На сегодняшний день разработаны национальные стандарты РФ «Судебно-психологическая экспертиза. Термины и определения» (ГОСТ Р57344-2016), «Судебно-трасологическая экспертиза. Термины и определения» (ГОСТ Р 57428-2017) и «Судебная компьютерно-техническая экспертиза» (ГОСТ Р 57429 – 2017). Разработка стандартов явилась существенным шагом в области совершенствования языка судебной экспертизы, однако необходимо отметить, что в стандартах имеются некорректные, воспринимаемые неоднозначно термины и определения. Нам представляется, что предварительное их обсуждение в научном сообществе позволило бы избежать подобных терминологических ошибок.

На наш взгляд, только при соблюдении всех вышеизложенных направлений возможно развитие теоретической системы языка судебной экспертизы.

Таким образом, можно отметить, что любая наука, в том числе, общая теория судебной экспертизы, понятийно определяет и формулирует свой предмет, объект, цели и задачи. Эти понятия отражаются в конечном итоге на языке науки, в силу чего последний должен иметь четкую и определенную структуру, быть единообразным и понятным. Языковая политика общей теории судебной экспертизы должна быть выстроена в соответствии с принципами общего терминоведения, образуя свою специальную терминосистему, и должна быть органично интегрирована в общую терминологическую систему юридических наук.

Список литературы

1. Штоф В.А. Проблемы методологии научного познания. М., 1978. 269 с.
2. Лотте Д. С. Основы построения научно-технической терминологии. М.: АН СССР, 1961. 160 с.
3. Канделаки Т.Л. Семантика и мотивированность терминов. М.: Наука, 1977. 167 с.
4. Кутина Л.Л. Языковые процессы, возникающие при становлении научных терминологий // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. М.: Наука, 1970. С. 82-94.

5. Гринев С.В. Введение в терминоведение. М.: Московский лицей, 1993. 309 с.
6. Даниленко В.П. Русская терминология: Опыт лингвистического описания. М.: Наука, 1977. 246 с.
7. Головин А.Ю. Криминалистическая систематика. М.: «ЛексЭст», 2002. 335 с.
8. Белкин Р.С. курс криминалистики: учеб. пособ. для вузов в 3-х томах. 3-е изд., дополненное. М., 2001. Т. 1. 408 с.
9. Реформатский А.А. Введение в языкознание. М., Аспект Пресс, 1996. 536 с.
10. Кичева И.В. Формирование понятийно-терминологической системы педагогики в 90-е годы XX века: дисс. ... юрид. наук. Пятигорск, 2004. 507 с.
11. Кузьмин С.А. Организационно-правовое обеспечение менеджмента качества судебно-экспертной деятельности: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 240 с.
12. ГОСТ Р 1.0-2004 Стандартизация в Российской Федерации. Основные положения. М. 2005.

*Толстухина Татьяна Викторовна, д-р юрид. наук, доц., зав. кафедрой, Tat_tolstuhina@mail.ru, Россия, Тула, Тульский государственный университет,
Светличный Александр Алексеевич, канд. юрид. наук, доц., доц. кафедры, alexandrsvetl@rambler.ru, Россия, Тула, Тульский государственный университет,
Панарина Дарья Владимировна, ассистент, panarina_dasha@mail.ru, Россия, Тула, Тульский государственный университет*

THE MAIN SCIENTIFIC AREAS OF TERMINOLOGY GENERAL THEORY OF FORENSICS

T.V. Tolstukhina, A.A. Svetlichny, D.V. Panarina

The article reviews and analyzes the main scientific areas of terminological activity in the field of the general theory of forensic examination: inventory and unification of terms, terminography. The attention is focused on the fact that the language policy of the general theory of forensic examination should be implemented in accordance with the principles of general terminology, form its own special terminological system and at the same time organically integrate into the general terminological system of legal sciences.

Key words: language of science, terminology, forensic examination, language of the general theory of forensic examination, inventory of terms, unification of terms, terminography, standardization of terms.

*Tolstukhina Tatyana Viktorovna, Doctor of Law, Assoc., Tat_tolstuhina@mail.ru, Russia, Tula, Tula State University,
Svetlichniy Alexander Alexeyevich, Cand. jurid. Sciences, Assoc. Department, alexandrsvetl@rambler.ru, Russia, Tula, Tula State University
Panarina Darya Vladimirovna, Assistant, panarina_dasha@mail.ru, Russia, Tula, Tula State University*

К ВОПРОСУ О ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА, СОВЕРШИВШЕГО МОШЕННИЧЕСТВО ПРИ ПОЛУЧЕНИИ СУБСИДИЙ В СФЕРЕ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА (КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

К.Г. Бодунова

Возникновение нового вида мошенничества при получении субсидий в сфере малого и среднего предпринимательства породило и новый тип преступников, изучение и анализ личности которых представляет интерес для разработки криминалистической характеристики рассматриваемого вида преступлений, организационного и методического обеспечения их выявления и расследования. Раскрываются особенности личности преступника по делам о мошенничествах при получении субсидий в сфере малого и среднего предпринимательства; анализируются его типологические черты и социально-демографические особенности; определяются возможности их использования при расследовании данного вида преступлений.

Ключевые слова: мошенничество, экономическая деятельность, субсидии, предприниматели, бизнес, экономическая преступность, личность преступника, расследование.

Личность является объектом исследования философии, социологии, психологии, криминологии, медицины, педагогики и ряда других наук. В каждой конкретной науке личность рассматривается под определенным углом, обусловленным их проблемными вопросами.

Так, в философии под личностью понимается целостный человек в единстве его индивидуальных способностей и выполняемых им социальных функций [1, с. 38]. Таким образом, можно сказать, что в личности пересекаются многообразные общественные связи, она выступает как индивидуальное воплощение общественных отношений [2, с. 34].

В криминалистике проблема изучения личности носит комплексный характер, поскольку предполагает использование знаний, накопленных другими науками.

Этой проблеме изначально ученые-криминалисты уделяли особое внимание, во всяком случае, при разработке методик расследования отдельных видов преступлений. Еще основоположник этой науки Г. Гросс писал, что важным условием деятельности следователя является основательное знание человека как главного материала предварительного следствия [3, с. 44]. По его мнению, криминалистика должна изучать вещественные доказательства, поступки и явления в уголовном деле, характер и психологические особенности лиц, участвующих в уголовном процессе. [3, с. 44]. В конечном итоге тактические приемы и рекомендации криминалистики опираются в той или иной степени на знание человеческой психики.

Личность преступника является основополагающим элементом всех видов преступлений. Данный элемент определяет мотив и цель совершаемого преступления, для достижения которых лицо совершает действия по

подготовке и планированию, что в дальнейшем ведет к выбору способа совершения преступления. В большинстве случаев преступники после совершения преступления осуществляют действия, которые, на их взгляд, позволят им сокрыть как сами следы и событие преступного деяния, так и личную причастность к нему. Указанную деятельность они осуществляют, чтобы избежать уголовной ответственности.

Как известно, исходную криминалистическую информацию о преступлении формируют характерные следы и сама обстановка совершения в целом. Действия преступника, направленные на сокрытие материальной информации о совершенном преступлении, безусловно, в определенной степени способны изменить характерные следы, которые формируются обстановкой и способом совершения. Исходя из этого, личность преступника, как элемент криминалистической характеристики конкретного вида преступления, очень важна для определения остальных элементов, таких как способ, слефообразование и др.

Изучение личности преступника с точки зрения криминалистики предусматривает рассмотрение таких сведений о нем, которые необходимы для определения направления расследования, выбора тактики для отдельных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий.

Личность преступника представляет собой сложный комплекс признаков, выражающих его сущность [4, с. 39]. Соответственно, в криминалистике значительное внимание уделяется разработке рекомендации по поиску, изучению и использованию информации о личности преступника [5, с. 106; 6, с. 13]. На решение этой задачи направлены практически все технико-криминалистические методы и средства, используемые для собирания и исследования материально отображаемой информации, а вместе с тем и тактико-криминалистические приемы и рекомендации, реализуемые в процессе получения вербальной информации.

По мнению Н.Т. Ведерникова, в криминалистической характеристике личности преступника достаточно затруднительно вычлнить информацию, имеющую чисто криминалистическое значение, так как личность - это единое целостное явление, все стороны которого взаимосвязаны и взаимообусловлены, хотя в научном отношении вполне правомерно ставить вопрос о криминалистически значимых свойствах личности преступника, криминалистическом аспекте изучения личности виновного [7, с. 70].

В.К. Гавло рассматривал данные о личности преступника как важнейший элемент криминалистической характеристики преступлений. Он писал, что криминалистику и её методику, главным образом, интересует такая информация о личности субъекта преступления, которая указывает на закономерные связи между нею и совершенным преступлением, находящие отражение вовне в различных следах-последствиях содеянного [8, с. 67; 9, с. 8; 10, с. 22]. Данный аспект очень важен, так как именно свойства личности преступника мотивируют его на осуществление тех или иных действий, определяют цель преступления, способы его совершения, сокрытия следов, особенности поведения при подготовке, совершении преступления и после

него, и находят отражение в окружающей обстановке в виде следов. Данные следы могут предоставить правоохранительным органам следующую информацию о преступнике: социально-психологические свойства и качества личности, наличие или отсутствие преступного опыта, специальных знаний, пол, возраст и т.д.

Изучение данных о преступнике как один из важнейших элементов криминалистической характеристики преступления должно отражать целостное законченное представление о нем. Огромное значение для этого имеют социально-демографические и социально-психологические свойства личности преступника, индивидуализирующие и характеризующие ее. Также сюда входит информация библиографического, анкетного характера (пол, возраст, национальность, образование, семейное положение, род занятия и т.п.); сведения об образе жизни (в трудовой, общественной деятельности и свободное время); социально-психологические свойства личности (темперамент, воля, эмоции), позволяющие ее охарактеризовать.

Изучая личность преступника по одному конкретному преступлению, невозможно составить типовой портрет лица его совершившего. Таким образом, возникает необходимость в изучении субъектов преступлений на групповом уровне, используя приемы типологизации.

Анализ практики расследования мошенничества при получении субсидий в сфере малого и среднего предпринимательства (было изучено 90 уголовных дел и опрошено 62 следователя и дознавателя) показал, что личность преступника выступает фактически в качестве системообразующего элемента криминалистической характеристики данного вида преступлений. При этом отмечается доминирующее значение демографических, социальных, нравственно-психологических свойств личности мошенников.

По изученным нами уголовным делам, рассматриваемый вид мошенничества в 74 % случаев совершался мужчинами. Каждое третье преступление (34 %) совершено группой лиц по предварительному сговору, из них в 15 % случаев имело место совершение преступлений смешанными группами. При этом замечено, что в таких случаях женщины чаще склонны сотрудничать со следствием. В целом две трети мошенничеств данного вида совершаются как мужчинами, так и женщинами в одиночку.

Показательна характеристика лиц, совершающих такие преступления, по возрасту. Только 19 % из них в возрасте от 20 до 30 лет. Абсолютное большинство из них 43 % от 30 до 40 лет и 38 % - от 40 лет и старше. То есть в основе своей 81 % это лица, имеющие богатый жизненный и профессиональный опыт, что зачастую обуславливает мотивы и цели их преступной деятельности. Чаще всего (96 %) в их основе корысть, жажда наживы и иная личная заинтересованность.

Образовательный уровень преступников рассматриваемого вида позволяет сделать вывод об их довольно высоких интеллектуальных способностях, которые во многом определяют способ преступных действий. Высшее или неоконченное высшее образование имели 45 % лиц; немногим более того (47 %) имели среднее или среднее специальное

образование; и только 8 % - неполное среднее образование. Однако, организаторами групповых преступлений, как правило, выступали лица с высшим образованием. Примечательным является и тот факт, что лица, имеющие высшее или неполное высшее образование, чаще действовали в одиночку. Абсолютное большинство (92 %) лиц, совершивших данные преступления, ранее не были судимы и к уголовной ответственности не привлекались.

Характеристику лиц, совершающих мошенничества при получении субсидий в сфере малого и среднего предпринимательства, невозможно содержательно представить без выделения и анализа их нравственных свойств и психологических особенностей. Зачастую, в отличие от воров, грабителей и тому подобных преступников, мошенники этого вида, как правило, являются хорошими психологами, обладают коммуникативными способностями и артистизмом, имеют более высокий образовательный уровень.

От обычных общеуголовных мошенников, чьими жертвами зачастую являются наивно-простодушные, плохо информированные граждане, мошеннику в рассматриваемой сфере приходится сталкиваться с сотрудниками государственных учреждений, осуществляющих прием документов на конкурс и являющихся распорядителями субсидий. Обмануть их, ввести в заблуждение сложнее, поэтому преступники нередко предлагают им «соучастие в деле» или дают взятки [11].

Таким образом, в общем виде, преступников, совершающих мошенничества в рассматриваемой сфере можно охарактеризовать как лиц, обладающих коммуникативными способностями, хитростью, ловкостью, изворотливостью, решительностью, умеющими произвести впечатление. Данные качества личности мошенников позволяют им с легкостью завязывать деловые отношения и входить в доверие к интересующим их людям. Так, представляя поддельные документы на участие в конкурсе на право получения субсидий для развития своего бизнеса, преступники стараются преподнести себя сотрудникам уполномоченных органов, являющихся распорядителями субсидий, в виде порядочных бизнесменов.

Рассматриваемой категории лиц свойственно быстро приспосабливаться к правовым и организационным изменениям в сфере выдачи субсидий и в зависимости от этого разрабатывать новые, неизвестные практике способы совершения преступлений либо совершенствовать прежние.

При этом они, как правило, заранее хорошо осведомлены о процедуре получения субсидий, хорошо обдумывают план действий по совершению и сокрытию следов преступления. Опрос практических сотрудников показал, что после совершения рассматриваемого вида мошенничества преступники осуществляют активные действия по его сокрытию, часто связанные с прекращением осуществления предпринимательской деятельности (86 %), много реже (10 %) с юридической ликвидацией фирм. При этом практически всегда (96 %) уничтожаются документы, искажается бухгалтерская и статистическая отчетность и т.д. [12, с. 55].

Исходя из результатов изучения уголовных дел по данному преступлению, а также содержания криминалистической характеристики представляется целесообразным поделить преступников, совершающих рассматриваемый вид преступлений, на две группы.

Первую группу составили преимущественно лица мужского пола в возрасте от 30 до 40 лет, со средним /высшим образованием, оформленные в качестве индивидуального предпринимателя, генерального директора фирмы или главы крестьянского (фермерского) хозяйства. Ранее не судимы, на учетах в диспансерах не состоят, являются гражданами Российской Федерации, местными жителями. Данная категория может быть разбита на две подгруппы. Первую составляют положительно характеризующиеся бизнесмены, осуществляющие какой-либо вид предпринимательской деятельности, ведущие социально-благополучный образ жизни и обладающие правом на получение субсидии для развития бизнеса.

Данные лица, оказавшись в трудном материальном положении, испытывая потребность в денежных средствах на поддержку своего дела, чаще всего получают субсидии по поддельным документам и используют их в своих личных интересах. Как правило, такие лица от органов предварительного следствия не скрываются, вину свою признают полностью и дают правдивые показания [13].

Вторую подгруппу составляют лица, оформленные в качестве индивидуальных предпринимателей, генеральных директоров фирм или глав крестьянских (фермерских) хозяйств которые либо формально числятся таковыми по документам и никогда не осуществляли предпринимательскую деятельность, либо прекратили фактическое ее осуществление, но без юридического оформления данного факта. Такая категория соискателей субсидий подделывает полный пакет документов на конкурс, а не только документы по факту различных сделок. Во время производства предварительного следствия данная категория лиц в большинстве случаев свою вину признает лишь в порядке допроса в качестве обвиняемого (мнение 93 % от общего числа респондентов). Данные лица зачастую конфликтуют со следователем, провоцируют его, противодействуют расследованию и осуществлению правосудия. В частности, в этих целях они направляют в различные инстанции жалобы на действия (бездействия) лица, осуществляющего расследование уголовного дела [14].

Во вторую группу вошли лица, которые в силу своих должностных обязанностей или рода деятельности, имеют отношение к оформлению документов на право получения субсидий для развития бизнеса. К данной группе относятся, например, уполномоченные лица государственных органов, осуществляющие прием документов или являющиеся распорядителями субсидий рассматриваемого вида, а также сотрудники фондов поддержки малого и среднего предпринимательства или консультационных центров. Показательный в этом отношении пример представлен на сайте Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Один из руководителей фонда поддержки малого и среднего предпринимательства на протяжении 2011-2012 гг.

передавал заведующему одного из отделов управления развития малого и среднего предпринимательства Министерства экономики Московской области и его заместителю взятки за принятие ими положительных решений о предоставлении субъектам предпринимательской деятельности целевых бюджетных средств Московской области в форме субсидий, которые расходовались не по целевому назначению [15].

В заключении необходимо подчеркнуть, что возникновение нового вида мошенничества при получении субсидий в сфере малого и среднего предпринимательства, породило и новый тип преступников, изучение и анализ личности которых представляет интерес для разработки криминалистической характеристики рассматриваемого вида преступлений, организационного и методического обеспечения их выявления и расследования. Изучение типичных особенностей личности преступников и их типология является важной составляющей в формировании полной картины криминалистической характеристики рассматриваемого вида преступлений, находится в тесной взаимосвязи с типичными способами их подготовки, совершения и сокрытия, а также с другими ее элементами, что важно иметь ввиду при разработке версий и планировании расследования рассматриваемой категории преступлений, позволяет следователю (дознавателю) верно избрать средства и методы, необходимые для успешного установления обстоятельств их совершения и виновных в этом лиц.

Список литературы

1. Современный философский словарь и хрестоматия / отв. ред. В.П. Кохановский. Р. -н-Д., 1996. 511 с.
2. Архипова И.А. Методика расследования сбыта имущества, добытого преступным путем: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 194 с.
3. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. М.: ЛексЭст, 2002. 1088 с.
4. Кругликова О.В. Криминалистические и уголовно-процессуальные аспекты производства предварительной проверки по сообщениям о мошенничествах: монография. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2016. 144 с.
5. Ведерников Н.Т. Глава 6 Криминалистическое изучение личности // Криминалистика: учебник для студентов вузов / под ред. А.Ф. Волынского, В.П. Лаврова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2013. 943 с.
6. Малыхина Н.И. Криминалистическое изучение лица, совершившего преступление: теоретико-прикладные проблемы: монография / под ред. А. Ф. Волынского. М.: Юрлитинформ, 2016. 310 с.
7. Ведерников Н.Т. Личность преступника как элемент криминалистической характеристики преступлений. М.: Юрид. лит., 1984. 211 с.

8. Гавло В.К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений / под общей ред. А.Н. Васильева. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1985. 333 с.

9. Гавло В.К., Воронин С.Э. Актуальные проблемы поисково-познавательной деятельности в суде: учеб. пособие. Барнаул: Барнаульский юрид. ин-т МВД РФ, 2000. 42 с.

10. Гавло В.К., Ключко В.Е., Ким Д.В. Судебно-следственные ситуации: психолого-криминалистические аспекты: монография / под ред. проф. В.К. Гавло. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2006. 226 с.

11. Архив Красногорского городского суда г. Красногорск, Московской области: уголовное дело № 1-302/2014.

12. Организация и методика расследования отдельных видов экономических преступлений: учеб.-метод. пособие / Под общ. ред. А.И. Бастрыкина, А.Ф. Волынского, В.А. Прорвича. М.: Изд-во «Спутник+», 2016. 624 с.

13. Архив Клинского городского суда г. Клин, Московской области: уголовные дела № 1-195/2015; 1-339/2015; 1-249/2016; 1-289/2016.

14. Архив Клинского городского суда г. Клин, Московской области: уголовные дела: № 1-213/2016; 1-324/2016; 1-374/2016; 1-389/2016; уголовное дело № 03/1275 // СЧ СУ МВД по Удмуртской Республике.

15. Направлено в суд уголовное дело в отношении директора муниципального фонда поддержки малого и среднего предпринимательства Клинского района, Московской области / [Электронный ресурс]. URL: <http://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-412559/>

Бодунова Ксения Геннадьевна, адъюнкт, bodunovak@mail.ru, Россия, Москва, Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя.

ON THE ISSUE OF THE IDENTITY OF THE OFFENDER WHO COMMITTED FRAUD IN OBTAINING SUBSIDIES IN THE FIELD OF SMALL AND MEDIUM-SIZED BUSINESSES (FORENSIC ASPECT)

K.G. Bodunova

The article reveals the features of the identity of criminals in cases of fraud in obtaining subsidies in the field of small and medium-sized businesses; analyzes its typological features and socio-demographic characteristics; determines the possibility of their use in the investigation of this type of crime.

Key words: fraud, economic activity, subsidies, entrepreneurs, business, economic crime, criminal identity, investigation.

Bodunova Ksenia Gennadijevna, adjunct, bodunovak@mail.ru, Russia, Moscow, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Y. Kikot

ИНТЕГРАЦИЯ ЭКСПЕРТНЫХ ЗНАНИЙ ПО ОБЪЕКТУ ИССЛЕДОВАНИЯ И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ПРИ КЛАССИФИКАЦИИ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ

Н.В. Бурвиков

Обосновано мнение относительно того, что интеграция знаний по объекту позволяет добиться концентрации знаний обо всех сторонах объекта экспертного исследования в рамках науки. Разные стороны существования объекта экспертного исследования находятся в тесной взаимосвязи и взаимодействии, ввиду чего решение подавляющего большинства сравнительно сложных практических экспертных задач требует обязательного знания всех сторон исследуемого объекта. Учитывая научные требования, предъявляемые к построению классификационных систем, автором сделан вывод о том, что классификация судебных экспертиз, за основу которой принят объект исследования, отражает именно интеграционный подход к изучаемым объектам.

Ключевые слова: судебная экспертиза, предмет судебной экспертизы, объект экспертного исследования, интеграция знаний, классификация судебных экспертиз

Общая теория судебной экспертизы рассматривает объект как сложную систему, которая включает в себя те источники сведений об устанавливаемых фактах и носители информации, которые подвергаются экспертному исследованию и посредством которых эксперт познаёт обстоятельства, относящиеся к предмету экспертизы.

Ю.Г. Корухов при рассмотрении объекта экспертизы как системы выделяет следующие её элементы:

- фактические обстоятельства как источник информации;
- материальный носитель этой информации;
- условия передачи, закрепления и хранения данной информации, т.е. механизм взаимодействия отражаемого (источника) и отражающего (носителя) [1, с. 99].

Объект и содержащаяся в нем информация находятся в тесном единстве, их нельзя оторвать друг от друга, но и нельзя отождествлять; носитель исследуемой информации может содержать и другую дополнительную информацию - например признаки дописки в протоколе или монтажа звукозаписи в фонограмме. Именно поэтому объектами экспертизы во всех случаях могут быть только материальные объекты».

Однако большинство исследователей склоняются к точке зрения Р.С. Белкина, полагающего, что при исследовании процессов, явлений эксперт имеет дело с материальными объектами, в которых или с которыми протекали эти процессы. В этом случае материальные объекты могут являться средством воспроизведения исследуемых процессов, элементами той вещной обстановки, в которой они протекают. Для познания сущности процесса может не потребоваться непосредственного исследования этих объектов, достаточным окажется лишь их наличие.

Ю.Л. Метелица и С.Н. Шишков также отмечают, что расширение круга объектов судебной экспертизы за счёт включения в их число событий, фактов (в частности, обстоятельств прошлого) ведёт к интенсивному «разрастанию» тех фрагментов реальности, которые приходится относить к объектам экспертного познания.

Ю.К. Орлов, говоря об объектах судебной экспертизы, называет не только материальные предметы, но и события и явления. Такого же мнения придерживается и В.Д. Арсеньев, трактуя объект как «...те реально существующие (или существовавшие в прошлом) явления, на установление которых объективно направлена экспертиза (обстоятельства смерти, исполнение документа или подписи в нём определённым лицом и т.п.). Материальные носители информации об этих явлениях (труп, документ и др.) – их составная часть».

По мнению Т.В. Сахновой, объекты экспертизы – это материальные предметы (их свойства, признаки), живые организмы – те предметы внешнего мира или человек, которые обладают определённым правовым статусом. Данный автор подчеркивает, что «объектом являются не сами вещественные или письменные доказательства (такое смешение иногда встречается), а предметы и организмы как материальные или материализованные носители информации. Такое понимание объекта соответствует критериям, заложенным в определении объекта судебной экспертизы: гносеологическому и правовому».

По мнению А. Р. Шляхова, объектами экспертизы являются носители информации о фактах и событиях, источники фактических данных, полученных путём применения специальных познаний. Аналогичной точки зрения придерживаются Д. Я. Мирский и М.Н. Ростов.

Таким образом, исходя из анализа вышеизложенных мнений и позиций ученых, можно прийти к выводу о том, что существенными сторонами понятия «объект судебной экспертизы» являются: 1) материальная природа объекта судебно-экспертного исследования; 2) информационная роль объекта судебной экспертизы в установлении определенных фактических данных; 3) связь устанавливаемых фактов с расследуемым или рассматриваемым событием. Интеграция по объекту, обеспечивая языковое, информационное и методологическое единство исследований в некоторой достаточно обширной и дифференцированной предметной области, может способствовать объединению в единое целое (систему) ряда специальных дисциплин, исследующих различные её фрагменты (аспекты, стороны, свойства и т.п.). Например, такой объект как документ могут комплексно исследовать почерковед, лингвист, трасолог, психолог, психиатр. Также интегральной является и природа человека как объекта познания. Таким образом, интеграция знаний может происходить по любому объекту в зависимости от поставленной перед экспертами задачи. В составе таких системных наук (например, экономических, юридических, педагогических и др.) соответствующие общие теории играют роль центрального ядра, каркаса, благодаря которому достигается тесная взаимосвязь всех звеньев системы, возрастает её целостность, чётче вырисовывается внутренняя архитектура и внешние связи. По мнению

О. М. Сичивицы: «...предметная интеграция позволяет ускорить процесс практического овладения объектом, но делается это за счёт существенного упрощения стоящей перед исследователями задачи: мы обретаем власть не над объектом как целым, а только над определённой его стороной.

А. А. Эйсман и Л. Г. Эджубов считают, что «при проведении исследования экспертом его вывод формируется в результате оперирования информацией, почерпнутой из разных источников. Часто её эксперт получает путём анализа исследуемого объекта» [2, с. 55]. Только лишь предметная интеграция знания не позволяет практически овладеть таким достаточно сложным объектом как, например, человек. Для этого требуется сплав знаний обо всех сторонах личности, их органическое единство.

Во многих случаях, если иметь в виду именно эту практическую сторону дела, знание отдельных «срезов» объекта оказывается лишь частным средством достижения главной цели – подчинения его человеческому контролю и управлению. И наука должна ориентироваться на выработку комплексных знаний об особо сложных объектах.

Рассматривая интеграцию знаний по объекту, следует иметь в виду, что само понятие объекта в определённом смысле относительно. Прежде всего, в качестве объекта выступает любая достаточно целостная и сравнительно чётко отграниченная система (например, человеческий организм, биогеоценоз и т.д.). Но объектом может стать и некоторая подсистема в составе подобного целого, являющаяся одновременно его «стороной». Например, многочисленные медицинские науки (кардиология, психиатрия, гематология, неврология и др.) построены именно с учётом данного обстоятельства [3, с. 47-48]. Не избежала такого построения и судебная экспертиза, когда иногда в качестве объекта исследования рассматривают всю вещную обстановку места происшествия.

В онтологическом смысле под «объектом науки» понимается определённый класс однотипных объектов, выделенный из некоторого их множества. Иногда в этом же смысле понятие объекта используется применительно к уникальным, в определённом смысле единственным явлениям (например, планета Земля как объект Вселенной, изучаемой астрономией).

Интеграция знаний по объекту позволяет добиться концентрации знаний обо всех сторонах объекта в рамках науки и тем самым сделать такую систему научного знания конструктивным руководством для практических действий. Разные стороны существования объекта находятся в тесной взаимосвязи и взаимодействии, ввиду чего решение подавляющего большинства сравнительно сложных практических экспертных задач требует обязательного знания всех сторон рассматриваемого объекта.

Классификация объектов в общей теории судебной экспертизы предусматривает их деление на общий, родовой (предметный), специальный (непосредственный) и конкретный.

Что касается определения общего объекта судебной экспертизы, то здесь существенных расхождений нет.

Под общим объектом судебной экспертизы понимается материальный носитель информации о фактических данных, связанных с расследуемым

событием, устанавливаемых с помощью специальных познаний в рамках экспертизы как средства доказывания по делу.

Ю.К. Орлов под общим объектом понимает «предметы материального мира, свойства которых позволяют эксперту на основе его специальных познаний установить факты, относящиеся к предмету экспертизы» [4, с. 41].

Д. Я. Мирский к общему объекту относит теоретическую совокупность всех без исключения носителей информации, которые исследуются в ходе производства судебных экспертиз [5, с. 59].

Как отмечает В. Ф. Орлова, в криминалистическом плане важное значение имеют родовые объекты, как носители информации, обладающие общими качествами, свойствами, обусловленными их природой, закономерностями формирования, функционирования, изменения [6, с. 89].

Родовыми объектами являются документы, оружие и боеприпасы, растения, одежда, обувь, запирающие устройства и т.д. Для каждого рода судебной экспертизы характерен свой объект, однако предметное различие объектов не всегда дает основание для классификации экспертиз и экспертных специальностей. Например, живые лица выступают объектами экспертного исследования как судебно-медицинской, так и судебно-психиатрической экспертизы; документы могут исследоваться в ходе проведения судебно-автороведческой, судебно-почерковедческой, судебно-бухгалтерской, судебно-технической и др. экспертиз.

Большое значение определение родовых объектов имеет при организации комплексных экспертиз, в которых они выступают как носители множественной информации, дающей сведения о воздействиях на них различных явлений и процессов.

Мнения учёных сходятся и в определении родового и конкретного объектов. Выделение родового (предметного) объекта связано с предметной судебно-экспертной отраслью знаний. Родовой объект – это категория предметов, обладающих общими свойствами, качествами, обусловленными их природой, закономерностями формирования, функционирования, изменения. Для каждого рода судебной экспертизы характерен свой объект.

Под конкретным объектом судебной экспертизы следует понимать систему определённых объектов, представленных для производства экспертизы по конкретному делу.

Отдельно выделяется конкретный объект, представляющий собой не абстрактную категорию, а индивидуально-определённый объект, находящийся в распоряжении эксперта при производстве экспертизы по конкретному делу.

Что касается специального (непосредственного) объекта экспертизы, под которым в криминалистической литературе понимается материальный носитель информации, исследуемый на основе применения специальных познаний в рамках конкретного вида экспертизы [7, с. 19], то представляется целесообразным вместо понятия «специальный объект» ввести понятие «видовой объект судебной экспертизы», т.к. в данном случае предполагается использование специальных знаний для проведения конкретного вида экспертизы.

Таким образом, с учётом вышеизложенного, мы предлагаем деление объектов судебной экспертизы на общие, родовые, видовые и конкретные.

Как следует из предыдущего анализа классификационных построений, под «классом» понимается любое множество, то есть это более объемная и стабильная категория. Родовое понятие имеет более узкий объем, а подчиненное ему именуется видовым понятием. Видовые понятия наиболее динамичны [8, с. 185].

При выборе в качестве критерия классификации экспертиз объект, следует учитывать, что каждый отдельный объект должен находиться только в одной классификационной группе (классе), он не может являться объектом и одного и другого класса.

При построении класса необходимо учитывать природу, сущность и общность признаков объектов, входящих в каждый класс. Именно эти условия можно считать предпосылкой построения классов судебных экспертиз.

Заслуживает уважения точка зрения В. А. Мамуркова, отмечающего, что класс объектов (множество, разряд, группа) может быть охарактеризован как совокупность предметов, явлений, процессов, обладающих общим признаком, сходством тех или иных качественных характеристик [9, с. 206].

Во многих публикациях всё чаще звучит мысль о комплексном исследовании объектов, например, трасолого-биологическом исследовании следов рук [10, с. 8-13], комплексном исследовании рукописи с целью установления внутреннего состояния писавшего и т.д. В связи с этим справедливо пишет М. В. Бобовкин: «Признавая несомненную теоретическую и практическую значимость накопленных в судебном почерковедении знаний в области функционирования механизма письма, следует отметить их недостаточность и фрагментарность по отдельным аспектам и направлениям, что не позволяет на их основе произвести детальный теоретический анализ познаваемого объекта с точки зрения достижений современной науки. ...Это объясняется тем, что в судебном почерковедении до сих пор имеется существенный недостаток знаний о формировании структуры механизма письма, назначении и закономерностях функционирования его отдельных физиологических, и в особенности – психологических компонентов, взаимосвязи физиологических и психологических процессов и т.д. Нам представляется, что определённую помощь в восполнении указанных сведений может принести изучение рассматриваемой проблемы на основе комплексного теоретического анализа современных достижений криминалистики и естествознания» [11, с. 85].

Мы полностью разделяем такое мнение, однако реализовано оно может быть только при условии исследования объекта как интеграционного единства. Отсюда вытекает, что соответственно задачам судебно-экспертной практики должны быть скорректированы теоретические знания, обеспечивающие всестороннее познание объекта в целом, а не отдельных его элементов.

В связи с изложенным представляет интерес и заслуживает внимания предложенная Т.В. Толстухиной классификация судебных экспертиз, за основу которой автором принят объект исследования, которая отражает

именно интеграционный подход к изучаемым объектам. Автором предложено выделить три основных класса: исследование технических объектов, исследование объектов биосистемы (человека и его следов, животных и их следов, исследование окружающей среды), исследование товаров промышленного, индивидуального и сельскохозяйственного производства (ЭВМИ, пищевых продуктов, товароведческая и др.) [12, с. 295-298]. Такая интеграция экспертных исследований по объекту по существу определяет комплексный характер экспертного исследования и может рассматриваться как классификация комплексных экспертных исследований.

Список литературы

1. Корухов Ю. Г. Соотношение категорий экспертных задач: идентификационных, классификационных, диагностических // Актуальные проблемы теории судебной экспертизы : сб. науч. трудов ВНИИСЭ. М.: изд-во ВНИИСЭ, 1984.
2. Эйсман А. А., Эджубов Л. Г. Информационное обеспечение и автоматизация судебной экспертизы // Вопросы судебной экспертизы : сб. науч. трудов ВНИИСЭ. М., 1980. Вып. 43.
3. Сичивица О. М. Методы и формы научного познания М.: Высшая школа, 1972. 95 с.
4. Орлов Ю.К. Объект экспертного исследования // Труды ВНИИСЭ. М.: Изд-во ВНИИСЭ, 1974. Вып. 8.
5. Мирский Д. Я. Некоторые теоретические вопросы классификации объектов судебной экспертизы, их свойств и признаков // Методология судебной экспертизы : сб. науч. трудов ВНИИСЭ. М.: изд-во ВНИИСЭ, 1986.
6. Орлова В. Ф. Судебно-почерковедческая диагностика : учеб. пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2006.
7. Винберг А. И., Мирский Д. Я., Ростов М. Н. Гносеологический, информационный и процессуальный аспекты учения об объекте судебной экспертизы // Вопросы теории и практики судебной экспертизы: сб. науч. трудов ВНИИСЭ. М.: Изд-во ВНИИСЭ, 1983.
8. Россинская Е. Р. Комментарий к ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности. М.: Юрайт: Право и закон, 2002. 383 с.
9. Мамурков В. А. Основы систематизации и классификации биологических объектов // Российский юридический журнал. 2012. № 6. С. 205- 208.
10. Моисеева Т. Ф. Актуальные проблемы классификации судебных экспертиз. С. 8–13.
11. Бобовкин М. В. Актуальные проблемы судебного почерковедения в области решения диагностических экспертных задач // Актуальные вопросы теории и практики раскрытия, расследования и предупреждения преступлений : сб. матер. междунар. науч.-практ. конф. Тула, 2004.
12. Толстухина Т. В. Современные проблемы классификационных систем в судебной экспертизе // Матер. Междунар. науч.-практ. конф. «Теория и

практика судебной экспертизы в современных условиях», г. Москва, 14–15 февраля 2007 г.. М.: Проспект, 2007. С. 295–298.

Бурвиков Никита Викторович, канд. юрид. наук, доц. кафедры, n_burvikov@mail.ru, Россия, Тула, Тульский государственный университет

INTEGRATION OF EXPERT KNOWLEDGE ON THE OBJECT OF STUDY AND ITS VALUE IN THE CLASSIFICATION OF FORENSIC EXAMINATIONS

N.V. Burvikov

The author substantiated the opinion that the integration of knowledge on the object allows to achieve a concentration of knowledge about all aspects of the object of expert research in the framework of science. Different aspects of the existence of the object of expert research are closely interrelated and interacting, so that the solution of the overwhelming majority of relatively complex practical expert tasks requires an obligatory knowledge of all sides of the object under study. Taking into account the scientific requirements for the construction of classification systems, the author concluded that the classification of forensic examinations, which is based on the object of study, reflects precisely the integration approach to the objects under study.

Key words: forensic examination, subject of forensic examination, object of expert research, integration of knowledge, classification of forensic examinations

Burvikov Nikita Viktorovich, Cand. legal Sciences, Assoc. Chairs, n_burvikov@mail.ru, Russia, Tula, Tula State University

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В СФЕРЕ ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА

Ю.В. Быстрова, Ю.Р. Орлова

На основе проведенного анализа уголовных дел, рассмотренных судами, в представленной статье сделан вывод о неоднозначности подхода правоохранительных органов и судов при квалификации общественно-опасных деяний, совершенных в сфере ЖКХ (на примере ст. 160 и 201 УК РФ). В целях устранения выявленных противоречий, поиска решения проблем в правоприменительной деятельности авторами определены отличительные признаки, характерные для растраты и присвоения как форм хищения, позволяющие разграничить данный состав преступления со злоупотреблением полномочиями. Определена значимость правильной квалификации преступлений, совершаемых в сфере жилищно-коммунального комплекса.

Ключевые слова: квалификация преступлений в сфере ЖКХ, растрата или присвоение, злоупотребление полномочиями, признаки хищения, структура преступности в сфере ЖКХ, уголовно-правовое значение правильной квалификации.

В последние годы в условиях реализации курса, направленного на реформирование сферы жилищно-коммунального хозяйства (далее – ЖКХ), деятельность многих компаний, осуществляющих услуги в указанной сфере и управляющих многоквартирными домами, а также поставщиков коммунальных услуг все чаще становится предметом пристального внимания со стороны правоохранительных органов. Проверки, проводимые правоохранительными органами, а также результаты рассмотрения поступающих жалоб и заявлений граждан позволяют выявить сложившуюся практически во всех регионах практику грубых нарушений прав граждан, охраняемых законом интересов общества и государства, а также прав и законных интересов организаций, которые непосредственно являются участниками отношений, оказывающих услуги в сфере оказания коммунальных услуг. Согласно данным, приведенным Генеральной прокуратурой Российской Федерации, за 2017 год было выявлено 348243 нарушения законности в сфере ЖКХ, за совершение указанных нарушений к дисциплинарной ответственности привлечено 55833 человека, возбуждено 906 уголовных дел [1]. Ежегодно общий ущерб от преступных деяний, совершенных в сфере ЖКХ, только по уголовным делам, возбужденным по фактам хищений в указанной сфере, превышает 4 миллиарда рублей [2]. По некоторым регионам количество уголовных дел о преступлениях в сфере ЖКХ, направленных в суд, только за последний год увеличилось на 23%. Так, например, по данным прокуратуры Нижнего Новгорода, размер добровольно возмещенного ущерба в этом году вырос в 12 раз. Процент возмещения причиненного ущерба составил 66%, что более чем в два раза превышает среднероссийский показатель [3].

Во многих случаях, в действиях виновных лиц усматриваются признаки преступления, однако зачастую уголовно-правовая оценка таких деяний является трудноразрешимой задачей. Проведенный нами анализ материалов уголовных дел и результатов обзора судебной практики, сложившейся в различных регионах, а также изучение научной литературы позволяет сделать вывод, что к настоящему времени отсутствует какая-либо единая сложившаяся судебная практика по делам о преступлениях, совершаемых в сфере жилищно-коммунального хозяйства.

В самых общих чертах, проведенный обзор расследуемых уголовных дел и состоявшихся судебных решений, позволяет утверждать, что наиболее часто для квалификации общественно-опасных деяний, совершаемых в сфере ЖКХ, на практике применяются положения ст.ст. 159, 160, 195, 196, 197, 201, 204, 238, 285, 285.1, 285.2, 286, 290, 291, 291.1, 292 УК РФ. Реже встречается применение ст.ст. 165, 171, 172, 174, 174.1, 293 и 330 УК РФ.

Безусловно, в рамках одной статьи невозможно осветить все проблемы, возникающие в ходе квалификации преступлений исследуемой группы, поэтому нами будет предпринята попытка остановиться на уголовно-правовой характеристике двух из них – самых дискуссионных, зачастую образующих совокупность преступлений, предусмотренных ст. 160 и ст. 201 УК РФ.

Следует заметить, что из числа расследуемых уголовных дел о преступлениях, совершенных в сфере ЖКХ, достаточно высок удельный вес прекращенных уголовных дел и вынесенных оправдательных приговоров, в отношении должностных лиц (и касается он преимущественно квалификации действий виновных по ст. 160 и ст. 201 УК РФ). Основания уголовного преследования виновных лиц и прекращения уголовных дел в отношении, совершивших общественно опасные деяния в сфере ЖКХ (зачастую имеющие реабилитирующий характер), как и переквалификации преступных действий виновных лиц, различны. Чаще всего основаниями для возвращения уголовных дел служат допущенные при составлении обвинительного заключения/акта нарушения требований УПК РФ [4]. Изучение постановлений о возвращении уголовного дела свидетельствует, что зачастую в обвинительных заключениях не указаны время и место совершения преступления, последствия, а также другие подлежащие доказыванию и имеющие значение для уголовного дела обстоятельства. Например, когда из обвинительного заключения невозможно определить конкретный размер вреда, причиненный каждому из потерпевших в отдельности и в целом, не указано число потерпевших граждан (жильцов), не сформулировано конкретно, в чем выразилось причинение существенного вреда их правам и законным интересам, что препятствует полноценному судебному разбирательству и исключает возможность постановления судом обвинительного приговора или иного решения на основе данного обвинительного заключения, поскольку правоприменителю не удастся установить сведения, составляющие предмет доказывания по делу. Значительное число решений судов о возвращении дела прокурору обжаловано государственными обвинителями в апелляционном порядке. По каждому

четвертому-пятому делу (от 23% до 20% случаев) суды вышестоящей инстанции соглашались с доводами представлений.

Так, приговором Октябрьского районного суда г. Самары от 19 декабря 2014 года Фатеев В.А. был признан виновным в том, что он совершил растрату, то есть хищение чужого имущества, вверенного виновному, совершенное группой лиц по предварительному сговору, лицом с использованием своего служебного положения, а также совершил злоупотребление полномочиями, то есть использование лицом, выполняющим управленческие функции в некоммерческой организации, своих полномочий вопреки законным интересам этой организации и в целях извлечения выгод и преимуществ для себя, повлекшее причинение существенного вреда правам и законным интересам организации и охраняемым законом интересам общества, при обстоятельствах, изложенных в приговоре. В действиях Фатеева изначально суд усмотрел признаки преступлений, предусмотренных ст. 160 ч. 3 УК РФ (так как изначально предполагалось, что преступление он совершил в группе по предварительному сговору с Морозовой) и приговорил к лишению права занимать руководящие должности в органах ЖКХ, УК, ТСЖ и иных организациях жилищно-коммунального хозяйства на срок 3 года, и ст. 201 ч. 1 УК РФ к штрафу в доход государства в размере 50 000 руб. На основании ст. 69 ч. 3 УК РФ по совокупности преступлений, путем полного сложения наказаний, окончательно назначено наказание в виде лишения права занимать руководящие должности в органах ЖКХ, УК, ТСЖ и иных организациях жилищно-коммунального хозяйства на срок 3 года со штрафом в доход государства в размере 50 000 руб.

В апелляционной жалобе осужденных содержались доводы об отмене приговора со ссылкой на то, что он постановлен с нарушением уголовно-процессуального закона, выводы суда не соответствуют фактическим обстоятельствам дела. Полагает, что суд в нарушение закона признал представителем потерпевшего ТСЖ «<данные изъяты>» ФИО2, которая не имела доверенности от ТСЖ, не могла быть представителем потерпевшего, поскольку ранее участвовала в уголовном деле в качестве свидетеля, а также направляла в органы прокуратуры заявления о привлечении ее и Фатеева к уголовной ответственности, поэтому показания ФИО2 являются недопустимыми доказательствами по делу. Считает, что факт незначительного нарушения ею бухгалтерской отчетности и его устранение до возбуждения уголовного дела не образует состав преступления. Вывод суда о том, что следует считать датой удержания с Фатеева В.А. <данные изъяты> руб. не основан на имеющихся в деле доказательствах. Штраф с Фатеева В.А. в размере <данные изъяты> руб. был удержан ею до возбуждения уголовного дела. Суд, признавая ее виновной в растрате <данные изъяты> руб. не сослался ни на один пункт Федерального закона «О бухгалтерском учете», который бы она нарушила.

Интересно и то, что в апелляционной жалобе представитель потерпевшего ТСЖ «<данные изъяты>» указывает, что приговор необоснован и должен подлежать отмене за отсутствием в действиях осужденных составов

указанных преступлений. Органы управления ТСЖ «<данные изъяты>» и общее собрание членов либо надлежаще уполномоченные ими лица не обращались в правоохранительные органы с заявлением о преступлении и не давали согласия на привлечение Фатеева В.А. к уголовной ответственности по ст. 201 УК РФ. По указанным основаниям, считают, что уголовное дело по ст. 201 УК РФ возбуждено незаконно. Поскольку Фатеев В.А. полностью досрочно выплатил ссуду, считает, что получение Фатеевым В.А. ссуды не причинило никакого вреда правам и законным интересам ТСЖ «<данные изъяты>» либо его членам и не являлось противоправным деянием. Также, указывает, что в действиях Фатеева и Морозовой нет состава преступления, предусмотренного ст. 160 УК РФ, поскольку их действия по перечислению штрафа в сумме <данные изъяты> руб. со счета ТСЖ, не были совершены против воли собственника, материальный ущерб отсутствует, перечисленная сумма полностью возмещена путем удержания из заработной платы Фатеева до возбуждения уголовного дела.

Результатом рассмотрения апелляционной жалобы было изменение приговора Октябрьского районного суда г.Самары от 19 декабря 2014 года в отношении Фатеева В.А. и Морозовой Т.Н. Вновь вынесенным приговором уголовное дело по ст. 201 ч 1 УК РФ в отношении Фатеева В.А. прекращено на основании ст. 24 ч 1 п 2 УПК РФ в связи с отсутствием в деянии состава преступления, признав за Фатеевым Владимиром Анатольевичем право на реабилитацию. Кроме того из описательно-мотивировочной части приговора была исключена ссылка на совершение Фатеевым В.А. и Морозовой Т.Н. преступления «группой лиц по предварительному сговору», как на квалифицирующий признак ст. 160 УК РФ. По ст. 160 ч 3 УК РФ Фатееву В.А. наказание в виде лишения права занимать руководящие должности в органах ЖКХ, УК, ТСЖ и иных организациях жилищно-коммунального хозяйства было снижено до двух лет [6, с. 103-107].

Изучение материалов уголовных дел позволило выявить некоторые основные проблемы, с которыми приходится сталкиваться правоприменителям при уголовно-правовой оценке деяний, предусмотренных ст. 160 УК РФ¹. Наиболее часто проблемы квалификации обусловлены изоциренными схемами (конструкциями) совершения преступлений в сфере ЖКХ. В таком случае, по мнению В.Н. Шиханова, становится возможным дать рекомендации по уголовно-правовой оценке типичных схем противоправного поведения, а также рассмотреть сложившиеся в судебно-следственной практике подходы именно в отношении определенных схем, их сильные и слабые стороны, допускаемые ошибки при применении уголовного закона [7].

Так, наиболее распространенной схемой совершения преступлений в сфере ЖКХ, является схема противоправного вывода денежных средств через денежные инструменты со счетов УК и последующим обращением их в пользу других лиц. Такими средствами чаще всего являются платежи, поступившие на

¹ Данный состав преступления избран нами не случайно. По данным Генеральной прокуратуры данный состав преступления занимает наибольший удельный вес среди преступлений, совершаемых в сфере ЖКХ, и составляет около 49-50% в структуре преступности в сфере ЖКХ.

счета управляющей компании от жильцов за коммунальные услуги, а также в качестве платы за содержание жилья. При этом выведенные со счетов средства руководителями управляющих компаний направляют как на свои личные нужды, так и на счета других физических и юридических лиц. При этом свои действия они маскируют как мнимые или притворные сделки, могут необоснованно завышать цены на оказанные услуги, или на приобретаемые товары. В некоторых материалах уголовных дел, установлены факты подписания актов приемки невыполненных или невыполненных работ и т. п.

Поскольку управляющая компания выступает агентом между жильцами и поставщиком коммунальных услуг, следовательно, денежные средства, которые перечислены жильцами по этой строке расходов, не принадлежат управляющей компании на праве собственности и она не вправе ими распоряжаться по своему усмотрению. С точки зрения доктрины уголовного права такие схемы обладают признаками хищения, а потому в зависимости от способов совершения преступления, действия виновных должны квалифицироваться по ст. 160 УК РФ. Вместе с тем ограниченные вещные права у управляющей компании в отношении таких денежных средств имеются, поскольку они вверены ей жильцами для расчетов с поставщиком коммунальных услуг. На любые другие цели эти деньги расходовать нельзя.

В силу статуса генеральный директор управляющей компании (или другой исполнительный орган), а также главный бухгалтер всегда имеют юридическую возможность распоряжаться денежными средствами, поступающими от жильцов, поскольку обладают административно-хозяйственными полномочиями в своей организации, что позволяет сформулировать вывод о наличии в действиях виновных признаков присвоения или растраты денежных средств, которые были вверены виновному. Поскольку жильцы своим платежом на счета управляющей компании совершали отчуждение принадлежащих им денежных средств, то потерпевшим будет в первую очередь организация — поставщик коммунальных услуг, которая оказала коммунальные услуги жильцам и теперь законно претендует на их оплату. В ряде случаев потерпевшей может оказаться и сама управляющая компания, если ее руководители, например, совершили отчуждение денежных средств, поступивших на содержание жилья, в том числе и отнесенных к нераспределенной прибыли компании. Однако, как показал проведенный анализ, к настоящему времени органами предварительного расследования такие схемы чаще квалифицируются как злоупотребление полномочиями по ст. 201 УК РФ, а квалификация по ст. 160 УК РФ встречается достаточно редко. Основной причиной, препятствующей квалификации таких преступлений против собственности (как хищений) является сложность в доказывании корыстного мотива или цели. Предполагается, что корыстную мотивацию или цель сложно установить, если денежные средства со счетов управляющей компании не были обращены самим руководителем или главным бухгалтером управляющей компании в свою пользу (лично) или в пользу своих близких родственников.

Вместе с тем анализ легального нормативного толкования содержания «корыстной цели», согласно п. 26 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» позволяет сделать вывод о том, что при решении вопроса о виновности лиц в совершении мошенничества, присвоения или растраты суды должны иметь в виду, что обязательным признаком хищения является наличие у лица корыстной цели, то есть стремления изъять и (или) обратить чужое имущество в свою пользу либо распорядиться указанным имуществом как своим собственным, в том числе путем передачи его в обладание других лиц, круг которых не ограничен. А потому случаи, когда лицо, изымая и (или) обращая в свою пользу или пользу других лиц чужое имущество, действовало в целях осуществления своего действительного или предполагаемого права на это имущество (например, если лицо обратило в свою пользу вверенное ему имущество в целях обеспечения долгового обязательства, неисполненного собственником имущества), следует отличать от хищения. При наличии оснований, предусмотренных статьей 330 УК РФ, в указанных случаях в действиях виновных усматриваются признаки самоуправства.

Таким образом, при рассмотрении дел о преступлениях, предусмотренных статьей 160 УК РФ, судам следует иметь в виду, что присвоение состоит в безвозмездном, совершенном с корыстной целью, противоправном обращении лицом вверенного ему имущества в свою пользу против воли собственника. Как растрата должны квалифицироваться противоправные действия лица, которое в корыстных целях истратило вверенное ему имущество против воли собственника путем потребления этого имущества, его расходования или передачи другим лицам. В том случае, когда лицо совершает с единым умыслом хищение вверенного ему имущества, одна часть которого им присваивается, а другая часть этого имущества растрачивается, содеянное не образует совокупности преступлений.

Разрешая вопрос о наличии или отсутствии в деянии состава хищения в форме присвоения или растраты, суд должен установить обстоятельства, подтверждающие, что умыслом лица охватывался противоправный, безвозмездный характер действий, совершаемых с целью обратить вверенное ему имущество в свою пользу или пользу других лиц. В каждом подобном случае направленность умысла должна определяться судом исходя из конкретных обстоятельств дела, как, например, наличие у лица реальной возможности возратить имущество его собственнику, совершение им попыток путем подлога или другим способом скрыть свои действия. При этом судам необходимо учитывать, что частичное возмещение ущерба потерпевшему само по себе не может свидетельствовать об отсутствии у лица умысла на присвоение или растрату вверенного ему имущества [6].

Так, например, правильной, на наш взгляд, является квалификация действий Чудоякова Е.Н., который 18.04.2013 г. был осужден Центральным районным судом г. Новокузнецка (Кемеровская область) по ч. 4 ст. 160 УК РФ к 7 годам лишения свободы. Он признан виновным в том, что, временно

исполняя обязанности генерального директора ОАО «НУК» - Новокузнецкая управляющая компания, вступил в сговор с неустановленными лицами на хищение денежных средств, принадлежащих этой компании и вверенных ему в силу осуществления служебных полномочий, для чего обратился к бывшему однокласснику Мирошкину И.А., не сообщая последнему об истинных своих намерениях, о заключении мнимых договоров на проведение капитального ремонта жилых домов, находящихся в управлении ОАО «НУК» силами принадлежащих и подконтрольных Мирошкину семи юридических лиц.

После получения от последнего реквизитов подрядных организаций Чудояков Е.Н. изготовил 30 проектов мнимых договоров подряда на общую сумму 66423274 рубля на выполнение капитального ремонта многоквартирных домов, находящихся в управлении компании, которые собственноручно подписал. Изготовленные, подписанные и заверенные дубликатом печати ОАО «НУК» проекты договоров подряда Чудояков Е.Н. передал не осведомленному в их заведомой ничтожности Мирошину И.А. для подписания руководителями подрядных организаций, после чего произвел перечисление денежных средств с депозитного счета на расчетный счет ОАО «НУК» под предлогом финансирования заключенных договоров подряда. Затем изготовил и подписал 30 платежных поручений о перечислении денежных средств по мнимым договорам на проведении капитального ремонта с расчетного счета ОАО «НУК» на расчетные счета подрядных организаций, которые в свою очередь, по указанию Мирошина И.А. перечислили эти денежные средства на лицевые счета физических лиц, открытых в Новокузнецком муниципальном банке [6].

Вместе с тем, проведенный нами анализ показал, что подобные решения очень часто являются предметом обжалования со стороны защиты, поскольку защитники считают, что в действиях лица не усматриваются признаки растраты. Так, например, решением Судебной коллегии по уголовным делам Мурманского областного суда был оставлен в силе обвинительный приговор, которым был осужден А.Г. — генеральный директор ЗАО, являющегося управляющей компанией в сфере ЖКХ. Он распорядился средствами, поступившими от жильцов за оплату коммунальных услуг: оформлял документы о том, что нанимал по подряду рабочих для ремонта (хотя эти работы выполняли работники управляющей компании за зарплату), уговаривал своих работников подписывать документы с завышенными ценами и разницу после перечисления денег на банковскую карту возвращать ему, и т. п. Судом действия А. Г. были квалифицированы по ч. 4 ст. 160 УК РФ, поскольку он с использованием своего служебного положения растратил имущество, принадлежащее поставщику коммунальных услуг — ОАО (название обезличено) в особо крупном размере. Вместе с тем, в жалобе на приговор осужденный и его адвокат, оспаривали вопросы правовой оценки предмета преступления, считая, что деньги на расчетных счетах управляющей компании принадлежат ей же, а не поставщику коммунальных услуг, и что гендиректор может этими деньгами распоряжаться в соответствии с уставом, и хищения это не образует. Несомненно, позиция стороны защиты противоречит и гражданскому законодательству, и не основана на смысле уголовного закона [6,

с. 103-107]. Соответствующую оценку этой жалобе дал и суд второй инстанции, оставив обвинительный приговор по существу в силе, внося лишь поправки о датах редакции тех статей, которые были применены к А. Г. [9].

С учетом вышеизложенного приходим к выводу, что случаи, когда денежные средства со счетов управляющей компании были выплачены организации-подрядчику за невыполненные работы или за часть невыполненных работ, или были переведены на счет другой организации путем создания видимости задолженности перед ней с последующим признанием иска в суде с целью вывести деньги со счетов управляющей компании, можно рассматривать как хищение. Таким образом, если ценности были вверены виновному и умысел сопряжен с корыстной мотивацией, в результате чего причиняется прямой материальный ущерб, то содеянное следует квалифицировать как хищение. Вместе с тем считаем, что квалификация содеянного в качестве хищения может состояться только в тех случаях, когда работы в пользу управляющей компании все же выполнены, однако, либо некачественно либо не в полном объеме, а руководитель не стал требовать устранения недостатков или же попросту поверил подрядчику (т. е. он не осознавал необоснованности оплаты проделанных работ, оказавшихся некачественными). В этих случаях нужно обязательно устанавливать наличие сговора о том, что некачественные работы или завышенные цены на товары (которые приобретает управляющая компания) или на оказываемые ей услуги являются способом выведения денег со счетов с одновременной маскировкой этого факта. И «лишь без признаков хищения — когда их точно нет — действительно, содеянное можно квалифицировать как злоупотребление полномочиями» [6, с. 107].

Таким образом, при квалификации деяний, совершаемых в сфере ЖКХ и охватываемых ст. 201 УК РФ, формулировка обвинения может содержать положения о том, что гендиректор управляющей компании вопреки уставным целям организации и вопреки установленному порядку (например, не получая согласие общего собрания участников возглавляемого юридического лица или жильцов, или когда это не вызывалось служебной необходимостью) умышленно совершил действия, входящие в его административно-хозяйственные полномочия (заключил сделку или оплатил работы), которыми причинил существенный вред, например, возглавляемой им организации. Именно такой позиции чаще всего и склонны придерживаться правоприменители при квалификации преступлений данной группы. Зачастую суды избегают квалификации по ст. 159 или 160 УК, полагая, что вменить состав злоупотребления полномочиями проще, нежели усматривать признаки хищения».

И, в заключение, следует отметить, что, несмотря на значительное количество работ, подготовленных и опубликованных за период действия УК РФ, в которых так или иначе бы были бы раскрыты признаки объективной стороны рассмотренных преступлений, практика применения ст. 160 и 201 УК РФ при расследовании преступлений в сфере ЖКХ, по-прежнему, богата ошибками, связанными с неправильной квалификацией общественно опасных

деяний. Не наблюдается единства мнений и не только среди ученых, но и среди практиков. Не случайно ежегодно следователей и руководителей следственных подразделений МВД России привлекают к дисциплинарной ответственности из-за нарушений, выявленных при расследовании преступлений в сфере ЖКХ. Как отмечает Генпрокуратура, некоторые уголовные дела затягивались до пяти лет, зачастую производство по делам приостанавливается необоснованно, по неполно исследованным обстоятельствам, не принимаются достаточные меры к возмещению ущерба [10]. Все вышеизложенное дает основания полагать, что основными причинами сложившейся ситуации явились: несовершенство законодательства, обуславливающее и допускающее различные варианты его толкования, а также отсутствие специальных знаний и навыков у сотрудников органов предварительного расследования и суда, позволяющих грамотно квалифицировать деяния.

Точная, объективная и правильная квалификация преступлений, всегда является неременным требованием, которому должны следовать правоприменители. Она имеет важное уголовно-правовое и криминологическое значение. В связи с этим уголовно-процессуальный кодекс наделяет правоприменителей самыми широкими полномочиями в решении вопросов, связанных с квалификацией преступлений на разных стадиях уголовного процесса. Однако наличие данного обстоятельства обуславливает и полную ответственность соответствующего правоприменителя за принятое им по делу решение, поскольку только правильная квалификация преступлений является необходимой предпосылкой индивидуализации уголовной ответственности и назначения справедливого наказания и только с учетом правильной уголовно-правовой оценки совершаемых в сфере ЖКХ общественно-опасных деяний может сложиться точное представление о состоянии и структуре преступности как в целом, так и в отдельных ее видах, что имеет решающее значение в выработке уголовно-правовых мер противодействия преступности в указанной сфере.

Список литературы

1. Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь-декабрь 2017 г. [Электронный ресурс]. URL://<https://genproc.gov.ru/stat/data/1336134/>(дата обращения 22.09.2018).

2. ЖКХ по УК. Как крадут копейки, а зарабатывают триллион. Интервью заместителя начальника Следственного департамента МВД России генерал-майор юстиции О. Даньшина «Щит и меч» о расследовании преступлений в жилищно-коммунальной сфере [Электронный ресурс]. URL://<http://ormvd.ru/pubs/100/housing-in-uk.html>/(дата обращения 2.08.2017).

3. Работники сферы ЖКХ стали чаще совершать преступления [Электронный ресурс].

URL://http://www.vremyan.ru/news/rabotniki_sfery_zhkh_stali_chashhe_overshat_prestupleniya_v_2018_godu.html (дата обращения 22.09.2018).

4. Дяденькин С. В. Основания для возвращения уголовных дел прокурору // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2008. №28 (128). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovaniya-dlya-vozvrascheniya-ugolovnyh-del-prokuroru> (дата обращения: 30.11.2018).

5. Апелляционное определение Самарского областного суда от 4 марта 2015 года. Решение по делу 22-960/2015// [Электронный ресурс]. URL://<https://rospravosudie.com/court-samarskij-oblastnoj-sud-samarskaya-oblast-s/act-487102846/>.

6. Шиханов В.Н. Особенности квалификации преступлений, совершаемых в сфере жилищно-коммунального хозяйства// Иркутский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ, г. Иркутск //Сибирский юридический вестник, 2014. № 4 (67). С. 103-107.

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»// [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71723288/> (дата обращения 15.09.2018).

8. Справка о практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях в жилищно-коммунальной сфере. [Электронный ресурс]. URL://<https://genproc.gov.ru/documents/nauka/execution/document-578203/> (дата обращения 27.06.2017г.).

9. Кассационное определение Мурманского областного суда от 21 июня 2012 г. № 22-1489-2012 // Теория и практика управления многоквартирным домом: специализир. журн. [Электронный ресурс]. URL: <http://domovodstvo.ru/fas2/44257B06005C4ACF44257B02000F9D31.html>.

10. Генпрокуратура наказала 100 следователей за волокиту в сфере ЖКХ//[Электронный ресурс] <https://polit.info/12631-genprokuratura-nakazala-100-sledovateley-za-volokitu-v-sfere-zhkh> (дата обращения 23.09.2018).

Быстрова Юлия Викторовна, канд. юрид. наук, доц., доц. кафедры, zukova57@mail.ru, Россия, Орел, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева,

Орлова Юлия Рудольфовна, канд. юрид. наук, доц., доц. кафедры, yuorlova76@mail.ru, Россия, Москва, Государственный университет по землеустройству

SOME PROBLEMS OF QUALIFYING CRIMES COMMITTED IN THE FIELD OF HOUSING AND COMMUNAL SERVICES

Y.V. Bystrova, Y.R. Orlova

On the basis of the analysis of criminal cases brought to courts, the conclusion about the ambiguity of approach of the law enforcement bodies and courts when qualifying a socially-dangerous acts committed in the housing sector (for example, article 160 and 201 of the criminal code). In order to eliminate the revealed problems and inconsistencies in enforcement practice, the author has defined the distinctive features characteristic for embezzlement and appropriation as forms of theft, allowing to distinguish between the offence of abuse of authority. Determined the significance of correct qualification of crimes in sphere of housing and communal complex.

Key words: qualification of crimes in the housing sector, embezzlement or misappropriation, abuse of authority, signs of theft, the structure of crime in the housing sector, the criminal and the value of proper training.

Bystrova Yulia Viktorovna, Cand. legal Sciences, Assoc., Assoc. Department, zukova57@mail.ru, Russia, Orel, Oryol State University named after I.S. Turgenev,

Orlova Yulia Rudolfovna, Cand. legal Sciences, Assoc., Assoc. Department, yuorlova76@mail.ru, Russia, Moscow, State University of Land Management

УДК 343.98

РАЗВИТИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ЗАДАЧАХ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ (ПРОФИЛАКТИКИ) ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ТРУДАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ УЧЕНЫХ-КРИМИНАЛИСТОВ

Я.Ю. Генералова

Приводятся и анализируются взгляды ученых-криминалистов на сущность и место в системе криминалистики теоретических положений учения о криминалистическом предупреждении (профилактике) преступлений. Анализируется понятие криминалистического предупреждения (профилактики) преступлений, учитывающее такие базовые положения, как система и задачи криминалистического предупреждения преступлений. Автором выделен обобщающий признак проанализированных научных подходов к пониманию криминалистического предупреждения (профилактики) преступлений.

Ключевые слова: криминалистическое предупреждение преступлений; профилактика преступности; история криминалистики; предмет криминалистики; задачи криминалистики; причины и условия, способствующие совершению преступлений.

Во все периоды развития криминалистики ученые-криминалисты обращались к проблемам предупреждения преступлений, что впоследствии нашло отражение в трудах многих выдающихся криминалистов.

Предупреждение является наиболее эффективным способом борьбы с преступностью, так как в ходе него выявляются и устраняются истоки негативных явлений, а именно, причины, порождающие преступления, и условия, способствующие их совершению. Иными словами, предупреждение преступлений – это упреждающее воздействие, форма наиболее раннего вмешательства в цепь событий, процессов, явлений, которые еще только могут

привести к причинению существенного вреда общественным отношениям, охраняемым уголовным законом [1, с. 56].

В XIX веке Ганс Гросс в основополагающем термине «криминалистика» обратил внимание на важность установления в процессе расследования обстоятельств, способствовавших совершению каждого преступления [2, с. 13].

До тридцатых годов вопросы предупреждения преступлений не входили ни в предмет криминалистики, ни в ее задачи. Ученые-криминалисты придерживались мнения, что научное предназначение криминалистики заключается в изучении приемов и средств, направленных на раскрытие преступлений.

На данном историческом этапе ученые-криминалисты не уделяли внимания вопросам изучения предупреждения преступлений, и, соответственно, предупреждение преступлений не рассматривалось через призму задачи криминалистики. Тем самым, они упускали из виду то, что криминалистическое предупреждение не ограничено рамками расследования преступлений, так как его можно осуществлять и в процессе расследования, и выходя за его пределы, если применять специальные криминалистические приемы, средства и методы.

В начале тридцатых годов И.Н. Якимовым было высказано мнение о том, что разработка наиболее рациональных способов предупреждения и ликвидации уже начавшегося преступления является одной из задач криминалистики [3, с. 25].

Для данного периода характерно признание учеными-криминалистами важности осуществления криминалистического предупреждения преступлений, поэтому при расследовании преступлений значительное внимание уделялось выявлению причин и условий, способствовавших совершению преступлений. Например, В.У. Громов отмечал в качестве важной задачи органов расследования – задачу по предупреждению преступлений [4, с. 16].

В 1948 г. Г.Н. Александровым было предложено заниматься «разработкой методики предупреждения преступности», все методы предупреждения преступлений он относил к предмету криминалистики [5].

Основоположником отнесения криминалистического предупреждения преступлений к задачам науки криминалистики является профессор А.И. Винберг. В учебнике криминалистики для юридических вузов (1950 г.) он определил криминалистику как науку «о технических и тактических приемах и средствах обнаружения, собирания, фиксации и исследования судебных доказательств, применяемых для раскрытия преступлений, выявления виновных и изыскания способов предупреждения преступлений» [6, с. 4].

В 1952 г. профессор С.П. Митричев отмечал, что криминалистикой активно разрабатываются приемы и методы, позволяющие осуществлять предупреждение преступлений [7, с. 20].

Отметим, что ни А.И. Винбергом, ни С.П. Митричевым не было раскрыто содержание понятия «изыскание способов (путей) предупреждения преступлений».

По мнению Р.С. Белкина, к середине 50-х годов «сложилось определение криминалистики как науки о технических средствах, тактических приемах и методических рекомендациях, относящихся к собиранию и исследованию доказательств в целях расследования и предотвращения преступлений» [8, с. 44]. Однако учеными того времени не велась работа по разработке самих вопросов криминалистического предупреждения.

Активная работа по изучению теории криминалистического предупреждения преступлений началась в период с 1959 по 1961 г.г. Катализатором послужило новое уголовно-процессуальное законодательство, в котором, в качестве одной из задач уголовного судопроизводства, было определено предупреждение преступлений.

В.П. Колмаков предлагал признавать криминалистическое предупреждение самостоятельным разделом криминалистики, требующим дальнейших теоретических исследований [9].

Начало 60-х годов характеризуется предложением профессора Н.В. Терзиева относить к предмету криминалистики специальные мероприятия по предупреждению преступлений. Он считал, что криминалистикой изучается и разрабатывается методика расследования, раскрытия и предупреждения преступлений [10, с. 152].

Основываясь на анализе, сложившейся в тот период ситуации по разработке вопросов предупреждения преступлений в криминалистической литературе, Р.С. Белкин предлагал рассматривать криминалистику в качестве науки, изучающей технические и тактические приемы собирания и исследования доказательств, методы расследования и предотвращения преступлений [11].

Позднее дискуссии относительно определения предмета науки криминалистики прекратились. В предмет криминалистики было включено предупреждение преступлений с помощью средств, приемов и методов данной науки.

А.Н. Васильевым было отмечено, что применение специальных криминалистических средств будет способствовать эффективному осуществлению предупредительной работы. Под криминалистикой он предлагал понимать: «...науку о тактических приемах и научно-технических средствах, применяемых на основе уголовно-процессуального закона для расследования преступлений и их предупреждения» [12].

И.Я. Фридман предложил включить в перечень частных криминалистических теорий учение о криминалистической профилактике. По его мнению: «Составляя совместно с другими частными криминалистическими теориями часть предмета криминалистики, раздел ее общей научной теории, криминалистическое учение о профилактике изучает закономерности возникновения обстоятельств, способствующих правонарушениям, их обнаружения, исследования, оценки и использования в предупредительных целях» [13, с. 10-11]. Данный вывод позволил понимать криминалистическое предупреждение в качестве частной криминалистической теории.

При детальном изучении содержания основ криминалистического предупреждения, предложенного И.Я. Фридманом, можно сделать вывод о необоснованности его предложений. Основу криминалистической профилактики как частной криминалистической теории, с его точки зрения, образовывали: понятие и предмет криминалистической профилактики, ее место в системе криминалистики, проблема предупреждения преступлений в науке криминалистике и в других науках, формы отражения и внедрения рекомендаций профилактического характера. Р.С. Белкин не разделял данную точку зрения, считая, что предмет, предложенной И.Я. Фридманом теории, не имеет никакого отношения к криминалистической науке [13, с. 11].

Считаем обоснованной позицию А. Н. Васильева относительно роли криминалистики, которая «порой понимается слишком широко и неконкретно. Например, выявление в процессе расследования причин и условий, способствовавших совершению преступления, и принятие мер для их устранения почему-то целиком относят к задачам криминалистики» [14, с. 11]. Высказывание мнения о частном криминалистическом учении о профилактике преступлений является подобной переоценкой роли и значения криминалистики.

Таким образом, анализ точек зрения ученых-криминалистов 60-х годов позволяет нам сделать вывод о том, что возникшие научные идеи относительно применения криминалистических средств предупреждения преступлений, впоследствии не получили теоретической проработки. Уделялось внимание некоторым вопросам криминалистического предупреждения преступлений. Нуждались в анализе и проработке положения о том, что входит в предмет и содержание криминалистического предупреждения преступлений, какое место в криминалистической науке занимает предупреждение преступлений.

Отнесение вопросов предупреждения преступлений к предмету криминалистики и разработка специальных средств, приемов и методов пришлось лишь на период конца 70-х - начало 80-х годов.

Профессором В.П. Колмаковым было предложено в качестве объекта криминалистического изучения считать преступления замышляемые, готовящиеся, начавшиеся и совершаемые. По его мнению: «криминалистика изучает их с позиций предотвращения и раскрытия, что достигается посредством разрабатываемых и рекомендуемых ею научных методов» [9, с. 6].

Профессор Н.П. Яблоков полагал, что «наиболее активно проблемы предупреждения преступлений специфическими приемами и средствами разрабатываются в науке криминалистике» [15, с. 33].

Не все ученые-криминалисты разделяли взгляды В.П. Колмакова и Н.П. Яблокова. Так, И.Ф. Пантелеев высказывал мнение о том, что средства предупреждения преступлений разрабатываются только в рамках криминологии [16, с. 80-81]. По нашему мнению, данное суждение И.Ф. Пантелеева является неверным, считаем, что вопросы предупреждения преступлений изучаются как в рамках криминалистики, так и в рамках криминологии, разница кроется лишь в предупредительных средствах и методах, разрабатываемых данными науками.

В 90-е гг. XX в. в России не осуществлялось комплексное изучение вопросов криминалистического предупреждения преступлений. Предупредительная деятельность велась лишь в отношении конкретных видов преступлений. Как отмечал А.И. Алексеев, был утрачен былой приоритет предупреждения преступности в ряде основных направлений борьбы с ней [17, с. 97].

В современной науке отсутствуют какие-либо разногласия среди ученых относительно места и роли предупреждения преступлений в криминалистике.

По нашему мнению, базисным следует считать научное определение, предложенное профессором М.Ш. Махтаевым, который в качестве криминалистического предупреждения преступлений предлагал понимать «учение о закономерностях возникновения, обнаружения, собирания, исследования, оценки и использования криминалистически значимой информации об обстоятельствах, способствующих совершению и сокрытию преступлений, и основанных на познании закономерностей специальных средств, приемах и методах криминалистики, направленных на устранение (локализацию) указанных обстоятельств, а также на предупреждение готовящихся и пресечение начавшихся преступлений» [18, с. 93].

Некоторые ученые-криминалисты предлагают рассматривать криминалистическое предупреждение в качестве частного криминалистического учения (Ю.Н. Аксенова-Сорохтей [19, с. 24], И.И. Иванов [14, с. 25]).

По мнению Р.А. Адельханяна, Д.И. Аминова, П.В. Федотова, криминалистическая профилактика (предупреждение) является наиболее перспективным способом противодействия преступности, поскольку позволяет устранить наступление возможных общественно опасных последствий преступления, непосредственно воздействовать на причины и условия, способствующие совершению преступления [20, с. 20].

Существуют подходы к пониманию криминалистического предупреждения, преимущественно, как элемента методов практической работы по раскрытию и расследованию преступлений, особой разновидности правоохранительной деятельности. Данные подходы нашли свое отражение в работах Е.П. Ищенко, В.А. Топоркова, В.Г. Павлова, С.А. Роганова [21, с. 506; 22, с. 62].

Анализ точек зрения ученых-криминалистов относительно сущности и места в системе криминалистики теоретических положений учения о криминалистическом предупреждении (профилактике) преступлений позволяет нам сделать вывод о существующем по данному вопросу единстве мнений среди ученых-криминалистов. Следует отметить, что все рассматриваемые научные подходы понимания криминалистического предупреждения объединяет такой общий признак как установление причин и условий, способствующих совершению преступлений. В целом, криминалистическое предупреждение преступлений играет важную роль в криминалистической деятельности.

Список литературы

1. Степура Ю. И. Информационно-аналитическая работа следователя в предупреждении преступлений //Административное и муниципальное право. 2011. № 2. С. 56-61.
2. Гросс Г. Руководство для судебных следователей членов общей и жандармской полиции. Смоленск, 1895 и на ее основе Руководство для судебных следователей как система криминалистики. (СПб., 1908) СПб., 2002. 1088 с.
3. Якимов И.Н. Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике. М., 1925. 496 с.
4. Громов В.У. Предварительное расследование в советском уголовном процессе / Под ред. Н. В. Крыленко. М.: Госюриздат, 1935. 136 с.
5. Александров Г.Н. Совершенствование методов расследования - в центр внимания советской криминалистики // Социалистическая законность, 1948. №2. С. 7-8.
6. Винберг А.И. Криминалистика: учебник / под ред. А.И. Винберга, С.П. Митричева. М., 1950. Ч.1. 304 с.
7. Митричев С. П. Предмет советской криминалистики и ее местов системе юридических наук // Социалистическая законность, 1952. № 3. С. 15-26.
8. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. Общая и частная теории. М.: Юрид. лит., 1987. 272 с.
9. Колмаков В.П. Введение в курс науки советской криминалистики. Одесса, 1973.
10. Терзиев К.В. К вопросу о системе науки советской криминалистики // Правоведение, 1961. № 2. С. 152-156.
11. Белкин Р.С. Мастерство следователя // «Известия», 15 сентября 1963 г.
12. Васильев А.Н. Предмет криминалистики // Социалистическая законность, 1967. № 1.
13. Белкин Р.С. Курс криминалистики: учеб. пособие для вузов в 3-х томах. 3-е изд., дополненное, М., 2001. 408 с.
14. Иванов И.И. Криминалистическая профилактика преступлений: методологические основы и отличие от иных подсистем предупреждения преступной деятельности // Вестник криминалистики, 2014. Вып. 3(51). С. 44-57.
15. Яблоков Н.П. Криминалистическая методика расследования. М.: Изд-во МГУ, 1985.
16. Пантелеев И.Ф, Предмет советской криминалистики и смежные науки // Советское государство и право, 1981. № 10. С. 78-84.
17. Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Российская уголовная политика. М.: Норма, 2006. 144 с.
18. Махтаев М.Ш. Проблемы криминалистического обеспечения предупреждения преступлений: дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 2001.

19. Аксенова-Сорохтей Ю.Н. Частное криминалистическое учение о профилактике преступлений несовершеннолетних: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2011.

20. Адельханян Р.А., Аминов Д.И., Федотов П.В. Криминалистика. Курс лекций: учеб. пособие. М., 2012. 236 с.

21. Ищенко Е.П., Топорков А.А. Криминалистика. 20-е изд., доп. и перераб. М., 2010. 784 с.

22. Павлов В.Г., Роганов С.А. Криминалистическая профилактика преступлений в сфере наркобизнеса // Ленинградский юридический журнал, 2012. №1. С. 62-72.

Генералова Яна Юрьевна, ассистент кафедры, generalova.yana@mail.ru, Россия, Тула, Тульский государственный университет.

THE DEVELOPMENT OF PERCEPTIONS OF THE TASKS OF FORENSIC PREVENTION (PREVENTION) OF CRIMES IN THE WORKS OF DOMESTIC AND FOREIGN FORENSIC SCIENTISTS

Y.Y. Generalova

The article presents and analyzes the views of forensic scientists on the nature and place in the system of criminology of the theoretical provisions of the doctrine of forensic prevention (prevention) of crimes. The concept of forensic prevention (prevention) of crimes is analyzed, taking into account such basic provisions as the system and tasks of forensic crime prevention. The author identifies a generalizing feature of the analyzed scientific approaches to the understanding of forensic prevention (prevention) of crimes.

Key words: forensic crime prevention; crime prevention; history of criminology; subject of criminology; tasks of criminology; causes and conditions conducive to the Commission of crimes.

Generalova Yana Yuryevna, assistant of the department, generalova.yana@mail.ru, Russia, Tula, Tula State University.

ОРГАНИЗАЦИОННО-ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ ПО ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА СОТРУДНИКАМИ ФЕДЕРАЛЬНОГО БЮРО РАССЛЕДОВАНИЙ (США)

В.О. Давыдов

Рассматриваются организационно-тактические особенности производства осмотра места происшествия по делам о преступлениях террористического характера сотрудниками Федерального Бюро Расследования (США). Особое внимание автором уделяется организационному построению специализированных групп по сбору улик, профессиональной подготовке и функциональным обязанностям их членов, а также тактике действий при производстве осмотровых мероприятий. Предлагается использовать накопленный опыт проведения осмотра места происшествия в деятельности российских правоохранительных органов.

Ключевые слова: терроризм, Федеральное Бюро Расследований, осмотр места происшествия, криминалистически значимая информация, специалист, следы.

Производство осмотра места происшествия по делам о преступлениях террористического характера в разных странах имеет свои специфические организационные и тактические особенности, обусловленные, в числе прочих и различиями действующих уголовно-правовых и процессуальных норм. В то же время, говоря о данном следственном действии, полагаем возможным выделить ряд схожих черт, значимых в аспекте криминалистического обеспечения процесса расследования преступных деяний подобного рода.

Во-первых, осмотр места происшествия является одним из первоначальных действий, проводимых субъектом расследования по всем делам о преступлениях террористического характера, совершенным на территории того или иного государства.

Во-вторых, вектор версионной работы и сам ход процесса следственного познания во многом определяется результатами этого действия.

В-третьих, ошибки и просчеты, допущенные субъектом расследования при производстве осмотра места происшествия, сложнее всего восполнить в ходе дальнейшего процесса расследования.

В подтверждение приведенного тезиса приведем точку зрения профессора Н.П. Яблокова, отмечающего, что ни одно другое следственное действие не позволяет собрать при надлежащем его осуществлении такое количество значимой и объективной информации [1, с. 65].

Подобное обстоятельство определило закономерность научного интереса российских ученых-криминалистов к методическим основам и организационно-тактическим особенностям деятельности зарубежных коллег. В этом отношении, на наш взгляд, интересен опыт работы, накопленный

специалистами Федерального бюро расследований (далее - ФБР) Соединенных Штатов Америки. Остановимся на нем подробнее.

Существовая с 1908 года, Федеральное Бюро Расследований в современных условиях является ведущим следственным органом правительства США, выполняющим значительный объем оперативно-розыскной и следственной деятельности по делам так называемой «федеральной юрисдикции». К числу последних традиционно принято относить:

- преступную деятельность террористического характера;
- организованную преступность;
- наркобизнес;
- «беловоротничковую» преступность;
- нарушения гражданских прав;
- тяжкие преступления против личности.

Заметим, что осуществляя расследование и оперативные мероприятия в связи с нарушениями законов об охране национальной безопасности, ФБР действует как ведомство контрразведки. Расследуя нарушения законов, имеющих отношение к организованной преступности, экономическим преступлениям, наркобизнесу и иным уголовным правонарушениям, ФБР выступает как ведомство уголовного сыска.

Оперативно-следственная деятельность Федерального Бюро Расследования, регламентирована федеральным уголовно-процессуальным законодательством, решениями Верховного суда США, приказами, инструкциями и предписаниями Президента и Генерального прокурора США и проходит под общим руководством федеральных прокуроров [2].

Результаты анализа данных открытых источников позволяют говорить о том, что надлежащее внимание в деятельности ФБР уделяется и экспертно-криминалистическому обеспечению процесса расследования (и, в первую очередь, по уголовным делам о преступной деятельности террористического характера), одним из значительных направлений которого является производство осмотра места происшествия [3, с. 59].

Осмотром места происшествия занимаются специализированные группы по сбору улик «Evidence Response Teams» (далее - ERT), представляющие собой структурное подразделение ФБР численностью от 5 до 8 сотрудников. В управлениях ФБР, как правило, дислоцируются от одной до пяти групп, а по всей территории Соединенных Штатов Америки насчитывается более 140 подобных группы с общим количеством занятых сотрудников более 1100 человек. В течение года ими производится в общей сложности около 2500 осмотров мест происшествий (как на территории США, так и за пределами государства), значительная доля которых связана с терроризмом [4; 5].

Подготовка групп ERT осуществляется на двухнедельном курсе обучения, в результате которого сотрудники приобретают необходимые криминалистические навыки; обучаются ведению документации и методам поиска криминалистически значимой информации, работе с обнаруженными уликами (фиксация, изъятие, упаковка, хранение); знакомятся с методами управления работы группы.

На следующем этапе сотрудники проходят более углубленную подготовку, получая знания по основам судебной медицины, судебной баллистике, взрывотехнической и пожарно-технической экспертизам, совершенствуя навыки работы с биологическими и дактилоскопическими следами, проведения видео- и фотосъемки, изъятия данных с компьютерных устройств и электронных носителей информации и т.п.

Курс обучения нацелен на выработку у сотрудников таких профессиональных черт, как аккуратность, тщательность и четкость при выполнении служебных заданий, поскольку каждый из них в будущем должен быть готов выступить в суде по разъяснению тех или иных действий при производстве осмотров мест происшествий.

Ещё одним из значимых элементов подготовки является воспитание в сотрудниках группы ERT принципа строгого выполнения следующего правила: при работе на месте происшествия на первое место ставится личная безопасность (профессиональная, юридическая, медицинская и пр.) и только затем безопасность всех остальных.

Организационное построение группы ERT при производстве осмотра места происшествия по преступлениям террористического характера, как правило, выглядит следующим образом:

- старший группы;
- специалист видео- и фотосъемки;
- сотрудник, осуществляющий составление схемы (плана) осмотра места происшествия;
- сотрудники, осуществляющие поиск, обнаружение и выявление криминалистически значимых следов и объектов (от 2 до 4 человек);
- сотрудник ответственный за сохранение и транспортировку изъятых следов и объектов;
- специалисты, вводимые в состав группы при необходимости (например, взрывотехники, судебные медики, антропологи, биологи, специалисты в сфере информационно-коммуникационных технологий и другие).

При производстве осмотра места происшествия сотрудники группы работает в специальных костюмах, бахилах и головных уборах для того, чтобы не привнести на место происшествия дополнительных улик (микрообъектов, биологических объектов и иных следов, не относящихся к расследуемому преступлению). При этом в ходе проведения осмотровых мероприятий категорически запрещено принимать пищу, пить или курить.

В процессе осмотра сотрудниками группы заполняется следующая документация, оформленная в виде набора стандартных бланков:

- бланк производства осмотра места происшествия;
- бланк регистрации фотоснимков;
- бланк, на котором выполняется схема или зарисовка осмотра места происшествия;
- бланк сбора улик;
- бланк изъятых следов рук;
- бланк участников осмотра места происшествия.

В аспекте рассматриваемого вопроса, интерес представляют и функциональные обязанности сотрудников группы при работе на месте происшествия по делам о преступлениях террористического характера.

Старший группы ERT. Отвечает за подготовку группы к выезду, обеспечивает организацию доставки всех необходимых для производства осмотра места происшествия средств (включая питание, экипировку и оборудование).

По прибытии на место происшествия проверяет наличие оцепления, охраны и убеждается в безопасности места проведения работы. Получает информацию о первоначальном состоянии места осмотра.

Определяет предполагаемую площадь осмотра места происшествия, первым осматривает и оценивает ее, устанавливая наличие потенциальных улик с последующим распределением обязанностей, постановкой задачи каждому из членов группы. Определяет (при необходимости) месторасположение командного поста. Разрешает проведение работы. Контролирует доступ на место осмотра, а также работоспособность сотрудников и качество их работы.

Фиксирует всех входящих и уходящих с места производства осмотра. В ходе производства осмотра получает информацию как от сотрудников группы, так и от всех контактирующих с ERT правоохранительных подразделений. Получая и анализируя все сообщения, выстраивает первичные следственные версии, поддерживает связь с центром управления. По окончании следственного действия официально сдаёт место происшествия собственнику или иному ответственному за это место лицу (в случае наличия таковых лиц).

Специалист видео- и фотосъемки. Осуществляет видео- и фотосъемку на протяжении всего осмотра места происшествия. При необходимости может работать с помощником (ассистентом).

Процессу фотографирования уделяется большое внимание, поскольку фотосъемка осуществляется не только для проведения документирования места осмотра, предметов, вещественных доказательств и иной криминалистически значимой информации, но и для подкрепления показаний свидетелей и, что не менее важно, для возможной защиты в судебных заседаниях сотрудников группы ERT, участвующих в осмотре. Поэтому фотофиксация проводится максимально подробно, систематически, в соответствии с логикой осмотра. Фотосъемка каждого нового места происшествия осуществляется только на «чистую» flash-карту.

Специалист видео- и фотосъемки вступает на место происшествия вместе со старшим группы. Он начинает свою работу с того, что фотографирует обложку журнала регистрации снимков, на которой зафиксированы фамилия и инициалы фотографа, дата, местоположение осмотра, номер дела, наименование группы.

Затем осуществляет фотофиксацию места происшествия до производства осмотра, выполняя все необходимые при этом виды съемок. В ходе работы группы фотографирует обнаруженные следы и объекты в соответствии с правилами судебной фотографии. Осуществляет фотофиксацию обстановки на

момент окончания работы группы вплоть до съемки закрытой и опечатанной двери помещения, в котором производился осмотр.

Специалист видео- и фотосъемки (или его ассистент) заполняет бланк регистрации снимков, в котором (если использована цифровая камера) записываются все номера кадров (или все номера файлов) и то, что на них отражено. Наличие этого бланка позволит впоследствии другому лицу в ходе судебного процесса разобраться в сделанных снимках. Затем распечатываются все фотографии независимо от их качества, после чего flash-карта упаковывается, подписывается и отправляется на хранение.

Видеосъемка осмотра места происшествия используется как дополнение к фотосъемке и осуществляется с выключенным звуком.

Сотрудник, осуществляющий составление схемы (плана) осмотра места происшествия. Составляет схему (план) осматриваемого места (при необходимости и прилегающей территории) в соответствии с расположением сторон света, отмечает на ней положения обнаруженных следов и объектов, проводит необходимые измерения.

Для фиксирования размеров, традиционно, на схеме применяются следующие методы:

- триангуляция – с помощью двух измерений от двух жестко фиксированных точек;
- проектирование на линию отсчета – измерение в прямоугольной системе координат;
- азимутный метод – измерение в угловой системе координат.

Все схематические рисунки должны быть четкими и простыми, чтобы в ходе судебного разбирательства можно было реконструировать место преступления и присяжные могли разобраться в схеме. В случае производства осмотра места происшествия в загородной, горной или лесистой местности для позиционирования точек, от которых осуществляются измерения, используется прибор GPS (система глобального позиционирования).

Сотрудники, осуществляющие поиск, обнаружение и выявление криминалистически значимых следов и объектов. Как правило, работают парами (во избежание фальсификации), при этом обнаруженные или выявленные следы или объекты обязательно осматривают оба сотрудника.

Первоначально осуществляется сбор так называемых «непрочных» улик (в их числе, например, волосы, волокна, следы пылевых наслоений). Затем производится более тщательный поиск следовой информации. После фотофиксации предметы упаковываются и оклеиваются специальной лентой, на которой ставятся подписи двух сотрудников, обнаруживших объект. На упаковочной бирке или на упаковке указывается следующая информация: номер дела, дата осмотра, номер предмета (соответствующий номеру в бланке регистрации изъятых вещественных доказательств), описание предмета, место его обнаружения, фамилия и инициалы двух сотрудников, обнаруживших объект.

При поиске следов первостепенное значение уделяют следам рук, используя при этом кисточки из перьев или стекловолокна, которые особенно

удобно применять на больших поверхностях, специализированные дактилоскопические прозрачные пленки и дактилопленки, позволяющие копировать след с поверхности сложной конфигурации, специализированные полимерные пасты «Microsil». Достаточно часто на месте происшествия используют цианакрилатные камеры: специальные (предназначенные для работы в полевых условиях) либо импровизированные (замкнутая емкость, внутри которой устанавливают обогреватель и цианакрилатный клей). Также активно применяются флуоресцентные дактилоскопические порошки совместно с «альтернативными» источниками освещения.

Для изготовления слепков обуви используют зубной камень (в зимних условиях предварительно обрабатывают след воском). Для копирования плоских следов обуви используют аналогичную дактилопленке специальную белую или черную толстую резинообразную пленку, позволяющую качественно проводить следокопирование. Для изготовления слепков следов, оставленных инструментом, также используют полимерное средство «Microsil», применяя при этом специальный шприц-приспособление, который позволяет пропорционально и одновременно смешивать полимерные компоненты в рабочую массу.

При осмотре автотранспорта обязательно осуществляют круговую фотосъемку объекта, фотосъемку салона, приборной панели (с показаниями приборов), VIN-номера.

Для сбора микрочастиц используют специальный пылесос. При выявлении биологических следов применяются «альтернативные» источники освещения с различными длинами волн, используются специальные пленки для волокон и иных микрочастиц. В ходе осмотра применяют ДНК-тесты, а также специальные комплекты для сбора ДНК-образцов. Предположительный анализ на наличие крови при осмотре делают с помощью фенолфталеина или гемастикса. При выявлении слабовидимых следов крови используют люминол или флуоресцеин, при этом свечение данных химикатов обязательно фотографируют в темноте.

Сотрудник ответственный за сохранение и транспортировку изъятых следов и объектов. Ведет бланк регистрации изъятых вещественных доказательств, координирует их названия и места расположения (вместе с сотрудником, ответственным за составление схемы), обеспечивает хранение объектов и их контроль. В данном бланке фиксируются описание объекта, присвоенный ему номер, место обнаружения и кем обнаружен.

Рассмотренные аспекты приводят к выводу о том, что опыт следственной практики по расследованию преступлений террористического характера продолжает накапливаться. От криминалистики как науки требуется его постоянно изучать и систематизировать, научно обосновывать проблемы не только уголовно-процессуального доказывания, но и организации и тактики расследования данных преступлений. Очевидно и то, что на современном этапе следственной практикой востребовано должное криминалистическое обеспечение расследования преступлений подобного рода. В этой связи накопленный опыт деятельности специализированных групп по сбору улик

ФБР может и должен стать предметом криминалистического исследования с целью выработки и внедрения в практику деятельности российских правоохранительных органов наиболее целесообразных и эффективных приемов, как производства отдельных следственных действий, так и расследования в целом.

Список литературы

1. Яблоков Н.П. Криминалистическая методика расследования. М.: Изд-во Московского университета, 1985. 98 с.
2. Cumming A., Masse T. Intelligence Reform Implementation at the Federal Bureau of Investigation : Issues and Options for Congress. CRS Report for Congress. // <http://www.fas.org/sgp/crs/intel/RL33033.pdf> (дата обращения 10.10.2018).
3. Давыдов В.О. Методика расследования транснациональной преступной деятельности экстремистского характера: монография / под науч. ред. А.Ю. Головина. М.: Юрлитинформ, 2018. 440 с.
4. Mueller R.S., III. Director, Federal Bureau of Investigation, Preparedness Group Conference // <http://www.fbi.gov/news/speeches/countering-the-terrorism-threat> (дата обращения 18.10.2018).
5. FBI Announces Leadership of National Security Branch. FBI National Press Office // <http://www.iwar.org.uk/news-archive/2005/08-15-2.htm> (дата обращения 15.10.2018).

Давыдов Владимир Олегович, канд. юрид. наук, доц. кафедры, Почетный сотрудник МВД России, Лауреат премии МВД России, VladDv71@yandex.ru, Россия, Тула, Тульский государственный университет

ORGANIZATIONAL AND TACTICAL FEATURES PRODUCTION INSPECTION PLACES IN CASE ON CRIMES OF TERRORISTIC CHARACTER EMPLOYEES OF THE FEDERAL BUREAU OF INVESTIGATIONS (USA)

V.O. Davydov

In article organizational and tactical features of production of inspection of the scene on cases of crimes of terrorist character by the staff of Federal Bureau of Investigation (USA) are considered. Special attention is paid by the author to organizational creation of specialized groups on collecting proofs, vocational training and functional duties of their members and also tactics of actions . It is offered to make use of the accumulated experience of conducting inspection of the scene in activity of the Russian law enforcement agencies.

Key words: terrorism, Federal Bureau of Investigation, survey of the place of incident, criminalistic significant information, expert, traces.

Davydov Vladimir Olegovich, Cand. legal Sciences, Assoc. Department, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Laureate of the Prize of the Ministry of Internal Affairs of Russia, VladDv71@yandex.ru, Russia, Tula, Tula State University

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЙ ОПЫТ СЛУЖБЫ ПРОБАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

С.Н. Дендебер, В.В. Пинчук

Приведены результаты изучения правового регулирования службы пробации в Республике Казахстан и анализа практического опыта ее деятельности. Авторами рассмотрены правовые нормы, регулирующие деятельность данной службы в Республике Казахстан, а также особенности ее деятельности в контексте политики декриминализации уголовного законодательства. На основе исследований, приведенных в данной статье, а также с учетом мониторинга и объективной оценки результатов, полученных в ходе деятельности службы пробации в Республике Казахстан, сформулированы выводы о необходимости создания соответствующей службы и ее законодательному закреплению в РФ.

Ключевые слова: пробация, условное наказание, социальная адаптация, исправление осужденного, изоляция осужденного, Республика Казахстан, уголовно-исполнительная система.

Практика показывает, что широкое применение лишения свободы не дает положительного эффекта, а ведет только к криминализации общества, так как места лишения свободы по своей природе не способны полностью исправить человека. Опыт передовых стран Европы показывает, что исполнение альтернативных видов наказаний возложено на специализированную государственную службу, которая находится вне уголовно-исполнительной инспекции – службу пробации.

Суть пробации состоит в установлении надзора за осужденным с возложением на него определенных обязательств и ограничений (посещать центры пробации, периодически встречаться с осуществляющим контроль сотрудником, участвовать в определенных видах деятельности, придерживаться законопослушного поведения и тому подобное), без изоляции его от общества, что поддерживается подавляющим большинством ученых и практиков [1, с. 189]. Главная цель деятельности службы пробации заключается в защите общества, предупреждении повторных преступлений, содействии реинтеграции правонарушителя в общество.

Своеобразным аналогом службы пробации в Российской Федерации является уголовно-исполнительная инспекция, которая исполняет наказания, не связанные с лишением свободы. Однако, служба пробации в странах развитой демократии существенно отличается от уголовно-исполнительной инспекции своими функциями, организацией деятельности, кадровым обеспечением, методами работы.

Ярким примером является Республика Казахстан (далее – РК), которая идёт по пути реформирования уголовного законодательства в сторону гуманизации и приближения к практике стран ОБСЕ. В связи с этим, обсуждение создания службы пробации в Казахстане может послужить

хорошей основой для дальнейшего совершенствования системы наказания и реабилитации осуждённых [2, с. 46].

В результате проводимой в РК политики гуманизации за последние три года число лиц, осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества и прошедших по учетам уголовно-исполнительных инспекций, увеличивается, и эта тенденция будет в дальнейшем сохраняться. В связи с этим, в настоящее время актуальным является вопрос качественного исполнения альтернативных лишению свободы мер наказания. В целях решения указанной проблемы и предупреждения рецидива преступлений со стороны осужденных лиц в республике возникла необходимость создания службы пробации. Так, 15 февраля 2012 года Президентом РК был подписан Закон «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам службы пробации», направленный на создание в структуре уголовно-исполнительной системы службы пробации, которая должна оказывать содействие осужденным в получении социально-правовой помощи.

В Республике Казахстан условное осуждение, отсрочка отбывания наказания, условно-досрочное освобождение образуют особую форму социально-правового контроля – пробацию, основывающуюся на испытании осужденных без лишения свободы. Впервые пробация положила начало гуманной попытке предоставления осужденному, либо несовершеннолетнему осужденному, второго шанса. Также ранее осужденному, находящемуся под пробацией, необходимо было не только подчиняться законам, но и улучшить свое морально-этическое поведение.

Порядок и условия исполнения пробации и условного осуждения не идентичны, а, следовательно, и функции сотрудников службы пробации в отношении разных категорий поднадзорных имеют свои особенности. Функции сотрудников в отношении условно осужденных лиц значительно уже и заключаются в контроле за выполнением условий, назначенных судом, и оценке правомерности их поведения. Хотя условно осужденным также может быть предписано посещение групповых тренингов, индивидуальная программа ресоциализации для них не разрабатывается. Контроль в данном случае имеет более формальный характер. Суд, назначая условное осуждение, устанавливает пробационный контроль и возлагает на осужденного выполнение определенных обязанностей. Законодательно закрепляется функция по оказанию содействия условно осужденным, социально-правовой помощи и определяются ее основные направления. Обязанности для условно осужденных приобретают необходимый характер, конкретизируется ответственность за их невыполнение. В случае продления испытательного срока за условно осужденными законодательно устанавливается усиленный пробационный контроль (к примеру, явка для регистрации четыре раза в месяц и электронные средства контроля). Сотрудник уголовно-исполнительной инспекции имеет право составления протокола об административном правонарушении по ст. 336 Кодекса об административных правонарушениях РК в отношении подконтрольных им лиц (появление в общественном месте в пьяном виде,

оскорбляющем человеческое достоинство и общественную нравственность). В компетенцию местных исполнительных органов добавлена разработка региональных программ по трудоустройству и оказанию социальной помощи осужденным, состоящим на учете пробации.

Одной из важнейших функций службы пробации является досудебная, которая осуществляется на стадии расследования преступления одновременно с проведением следственных действий органами дознания и следствия. При этом обеспечивается сбор информации о правонарушителе с целью оказания помощи суду в определении наиболее эффективного для данной личности вида наказания (лишения свободы или иного альтернативного наказания) на основе прогноза дальнейшего поведения лица и возможностей его исправления в тюрьме или на воле. Эта функция дает суду возможность получить дополнительную информацию о личности, которая не всегда может быть получена в ходе следствия и судебного заседания, позволяет разработать программы исправления осужденного, если судом ему будет назначен альтернативный вид наказания, или программы воспитательного воздействия на него в местах лишения свободы.

Подготовленное службой пробации заключение будет способствовать вынесению судом взвешенного приговора, а в дальнейшем поможет сотруднику службы пробации в его работе по исправлению осужденного. При этом сотрудник службы пробации является процессуальной фигурой, участником судебного процесса, который подтверждает сделанный вывод и несет ответственность за подсудимого в случае назначения последнему альтернативного лишения свободы наказания [3, с. 274].

Значительное место в социальном исследовании личности занимают разного рода беседы с правонарушителем, его близкими, родными, коллегами, друзьями. Поэтому, выполнение этой функции требует от работников службы определенных знаний в области психологии и педагогики.

В природе пробации существует три этапа - досудебный, судебный и постпенитенциарный, но в Казахстане внедрен только последний этап в связи с особенностями исполнения альтернативного наказания в стране, т.е. этап пробации после осуждения. Ст. 63 Уголовного кодекса РК регламентирует установление пробации лицам, осужденным условно к лишению свободы в период испытательного срока, который назначается не более трех лет. В период испытательного срока территориальные уголовно-исполнительные инспекции проводят работу по контролю осужденного и оказанию социально-правовой помощи в четырех направлениях:

- оказание помощи в сфере образования, получения обязательного среднего образования, а также иных специальных курсов;
- оказание медицинской помощи через государственные медицинские учреждения в рамках гарантированной бесплатной помощи;
- трудоустройство осужденных через отдел занятости;
- решение иных социальных проблем осужденного в период испытательного срока.

Также существует ответственность за нарушение условий и порядка условного осуждения, указанные в ст. 64 УК РК, за которое условное осуждение лицу под пробационным контролем может быть отменено, и данное лицо может быть направлено для отбывания наказания в виде лишения свободы в исправительную колонию.

Специалисты-практики отмечали, что эффективность исполнения уголовных наказаний характеризуется уровнем повторной преступности, как в период отбывания наказания, так и после его отбытия, а также количеством уклонений от отбывания наказания. Как показывает практика, повторные преступления в основном совершаются подучетными лицами, не имеющими постоянной регистрации, работы, т.е. социально не защищенными. Причинами роста совершения повторных преступлений со стороны подучетных лиц являются: низкое правовое сознание осужденных; более 60% подучетных мигрируют из одних регионов Республики Казахстан в другие в целях поиска работы; неустроенность быта, неблагополучная среда, наркозависимость и злоупотребление спиртными напитками; совершение правонарушений в основном в позднее либо в ночное время суток; исполнение наказания по месту фактического проживания (на съемных) квартирах, а не по месту регистрации, также влечет социальную неустроенность; недостаточное выделение квоты для трудоустройства осужденных, и освобожденных из мест лишения свободы.

Основными функциями службы пробации являются: исполнение альтернативных видов наказаний, надзор за осужденным и его исправление на основе специальной программы, предложенной в заключении. Сотрудник службы пробации осуществляет социально-психологическую работу с осужденным, в ходе которой он стремится психологически влиять на человека, снять напряжение, страх, разочарование, агрессию, недовольство.

Кроме того, в зависимости от состава преступления, характеристики личности и ее общественной опасности, суд может дополнительно установить пробацию с обязательным проживанием в специальных общежитиях, психиатрическим лечением, а также лечением от алкоголизма и наркотической зависимости. Надзор осуществляют как сотрудники службы пробации, так и волонтеры и лица из окружения правонарушителя.

В настоящее время поднимается вопрос о необходимости введения в штатную численность службы пробации профессиональных психологов, ориентированных на работу с лицами вышеуказанной категории для более тщательного изучения личности осужденного, в целях профилактики и недопущения повторных правонарушений подучетными лицами, состоящими на учете службы пробации. В целях усиления воспитательно-профилактического воздействия на подучетных лиц, необходимо при постановке их на учет в службу пробации, более квалифицированно проводить первоначальную беседу с разъяснением им обязанностей, возложенных судом, а также при проведении дальнейших профилактических бесед изучать личность осужденного с целью коррекции их поведения и недопущения совершения повторных правонарушений. При проведении профилактических бесед, сотрудникам службы пробации следует работать в тесном взаимодействии с

психологами, тщательно изучать особенности характера, привычки, психологические склонности подучетных лиц, учитывать их негативные зависимости, делая акцент на метод убеждения [4, с. 151].

Следует отметить, что одна из важнейших составляющих работы службы пробации во всех развитых странах – это не только сотрудничество с государственными учреждениями и органами местного самоуправления, но и с частными лицами, общественностью, а именно с добровольцами (волонтерами) для оказания содействия в социальной адаптации поднадзорных. В этой связи необходимо подчеркнуть полное отсутствие помощи гражданского общества в деле осуществления надзора за лицами, привлеченными к уголовной ответственности и находящимся вне пенитенциарных учреждений, в том числе и слабую работу по ресоциализации лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы в РК [5, с. 67].

На сегодняшний день применяются новый Уголовный и Уголовно-исполнительный кодексы РК, которые действуют с 1-го января 2015 года. Согласно им перечень осужденных, которым будет устанавливаться пробационный контроль, расширился, общественные работы обязательны почти для всех адресатов данных мер, и введены электронные браслеты. Данные новеллы послужат для развития пробации, а также приблизят Казахстан к международным стандартам по исполнению альтернативных мер наказания.

Таким образом, практика работы службы пробации в Республике Казахстан позволяет сформулировать следующие ее основные задачи: 1) содействие интеграции преступника в обществе, формирование у него уважения к социальным и правовым нормам; 2) участие потерпевшего в уголовном процессе и восстановление справедливости по защите его прав; 3) привлечение преступника к процессу реституции; 4) защита общества благодаря эффективному применению альтернативных видов наказаний; 5) уменьшение риска совершения повторных преступлений.

Считаем, что введение в действующий Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации норм, регулирующих процесс ресоциализации осужденных, освобожденных из мест лишения свободы, и касающихся оказания им необходимого объема социально-правовых услуг, также должна отводиться ведущая роль. Необходим механизм модернизации и развития государственных органов в комплексной реализации возможностей общественных организаций и граждан в данном направлении. Особое внимание должно быть уделено повышению эффективности взаимодействия всех субъектов данной сферы правоотношений [6, с. 221]. Комплексная стратегия должна быть направлена на устранение предпосылок к социальной дезадаптации и депривации после освобождения из мест лишения свободы и постановки на учет службы пробации не только в борьбе с ее последствиями. Введение в жизнь положений комплексной стратегии должно основываться на нормах законодательства, носить смежный и методический характер, обеспечивать все права, свободы и законные интересы, неприкосновенность и реализацию провозглашенных Конституцией Российской Федерации прав,

свобод и законных интересов граждан. Данная позиция может быть скорректирована с учетом мониторинга и объективной оценки текущего состояния, эффективности достижений, полученных в ходе деятельности службы пробации как в Республике Казахстан, так и в других странах.

Таким образом, изучение опыта Республики Казахстан в сфере пробации, осознание ее необходимости, позволяет приблизиться к созданию и законодательному закреплению в РФ соответствующей службы, которая была бы уполномочена на исполнение всех видов наказаний, не связанных с лишением свободы.

Список литературы

1. Хармаев Ю.В. О проблемах введения в Российской Федерации службы пробации // Вестник БГУ. 2013. №2. С. 187-189.

2. Жолдаскалиев С.М. Критерии эффективности пробационной деятельности уголовно-исполнительной системы органов внутренних дел Республики Казахстан: постановка отдельных методологических аспектов // Труды Академии управления МВД России. 2018. №3 (47). С. 148-152.

3. Шнарбаев Б.К. Становление пробации в Казахстане в рамках международных стандартов // Социально-экономические явления и процессы. 2017. №3. С. 272-277.

4. Уткин В.А. Европейские правила о пробации и проблемы их реализации // Вестник Томского государственного университета. Право. 2012. №1 (3). С. 45-50.

5. Бабина С.А. Особенности применения условного осуждения в зарубежных странах (на примере США) // Бизнес в законе. 2010. №4. С. 66-68.

6. Садыков А.У. Перспективы института пробации в современной России // Общество и право. 2011. №3 (35). С. 214-222.

Дендебер Светлана Николаевна, канд. юрид. наук, доц. к, svetlana_domoi@mail.ru, Россия, Тула, УФСИН России по Тульской области,

Пинчук Владимир Витальевич, магистрант, vovapinchuk96@mail.ru, Россия, Тула, Тульский государственный университет

LEGAL REGULATION AND PRACTICAL EXPERIENCE OF THE PROBATION SERVICE IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

S.N. Dendeber, V.V. Pinchuk

In article results of studying of legal regulation of service of a probation are given in the Republic of Kazakhstan and the analysis of practical experience of its activity. The author considered the precepts of law regulating activity of this service in the Republic of Kazakhstan and also features of its activity in the context of policy of decriminalization of the criminal legislation. On the basis of the researches given in this article and also taking into account monitoring and objective assessment of the results received during activity of service of a probation in the Republic

of Kazakhstan conclusions about need of creation of the relevant service and to its legislative fixing in the Russian Federation are formulated.

Key words: probation, suspended sentence, social adaptation, correction of the convict, isolation of the convict, Republic of Kazakhstan, penal correction system.

Dendeber Svetlana Nikolaevna, cand. ofjurid. sciences, the deputy chief of FSICEI MFSEP of Russia across Tula region, svetlana_domoi@mail.ru, Russia, Tula, MFSEP of Russia across Tula region,

Pinchuk Vladimir Vitalyevich, undergraduate, vovapinchuk96@mail.ru, Russia, Tula, Tula State University

УДК 342. 57

ЮРИДИЧЕСКАЯ ДИВЕРГЕНЦИЯ ИНСТИТУТА ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ И ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА РЕАЛИЗАЦИЮ ПРАВА ГРАЖДАН НА УЧАСТИЕ В УПРАВЛЕНИИ ДЕЛАМИ ГОСУДАРСТВА

К.С. Евсиков

Рассмотрены две параллельно существующие в Российской Федерации системы общественного контроля. Одна функционирует в рамках закона «Об основах общественного контроля», имеющего ряд существенных недостатков. Этот вид деятельности достаточно регламентирован, но не эффективен. Вторая система общественного контроля функционирует на основе Конституции Российской Федерации и нормативных правовых актах, закрепляющих общие гарантии реализации конституционных прав граждан. Этот вид деятельности менее регламентирован, но более эффективен. Автором на основе анализа данных систем и позиций, существующих в правовой доктрине, сделана попытка ответить на вопрос: «Нужна ли правовая регламентация общественного контроля в Российской Федерации?».

Ключевые слова: партисипаторная демократия, общественный контроль, участие граждан в управлении делами государства

Единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ, что закреплено в части 1 статьи 3 Конституции Российской Федерации [1]. Именно критерий – народовластия характеризует нашу страну, как демократическое государство. Демократия, как форма правления, не имеет единственно правильного алгоритма организации власти, а состоит лишь из общих принципов и ядра элементов управления, реальное выражение которых может существенно отличаться в различных странах. Общепризнанной классификацией демократий в зависимости от формы волеизъявления народа является их разделение на представительную

демократию и непосредственную демократию [2]. Эта классификация не является закрытой, и постоянно дополняется новыми формами народовластия, что обусловлено отдельными недостатками, присущими этому государственному режиму. На взгляд автора, наиболее отвечающей запросам социума в настоящее время является демократия участия (партиципаторной демократии).

Доктрина данной формы народовластия появилась не более 50 лет назад, но уже успешно реализована в конституционном праве многих зарубежных стран [3, с. 56-72]. Например, в Конституции Колумбии партиципаторность закреплена как один из основных признаков государства (статья 1). Следует отметить, что концепция партиципаторной демократии становится весьма популярна среди граждан, так как позволяет им оказывать непосредственное воздействие на отдельные решения, принимаемые публичной властью.

В нашей стране механизмы демократии участия развиваются весьма неравномерно и фрагментарно, что обусловлено, на взгляд автора, низким уровнем мотивации органов публичной власти, не желающих прикладывать усилия для вовлечения граждан в деятельность по управлению делами государства. У должностных лиц органов государственной власти и органов местного самоуправления отсутствует четкое понимание, что демократия участия обеспечивает согласование интересов государства с интересами общества и появление максимально приближенного к идеалу «публичного интереса».

Ю.А. Тихомиров публичным интересом называет «признанный государством и обеспеченный правом интерес социальной общности, удовлетворение которого служит условием и гарантией ее существования и развития» [4, с. 55]. В.Ф. Яковлев полагает, что публичный интерес представляет собой «...не столько интересы государства, сколько совокупные интересы граждан данного государства...» [5, с. 167]. Верховный суд РФ предлагает содержание конкретного публичного интереса определять через цели законодательного регулирования той либо иной сферы общественных отношений [6]. Таким образом, можно утверждать, что зависимость деятельности органов публичной власти от публичного интереса является показателем уровня реальной демократии в государстве.

Демократия участия позволяет гражданами органам публичной власти формулировать и достигать публичного интереса, через набор демократических процедур. Набор элементов партиципаторной демократии, как и любой другой, может существенно отличаться в зависимости от системы государственного устройства, но в нем, как правило, присутствуют такие формы участия как общественная правовая инициатива, общественные слушания, общественное соучастие и общественный контроль. Все перечисленные элементы в настоящее время представлены в Российской Федерации, однако их эффективность часто вызывает нарекания в обществе и среди специалистов. В настоящей статье рассмотрен один из элементов партиципаторной демократии – общественный контроль.

Система правового регулирования общественного контроля находится в нашей стране в ненадлежащем состоянии, которое можно охарактеризовать как юридическая дивергенция. Юридическую дивергенцию есть антипод юридической конвергенции. Наиболее развернутое определение данному явлению дала в своей докторской диссертации О.Д.Третьякова: «Юридическая дивергенция – это сложный и многосторонний процесс внутреннего и внешнего взаимодействия элементов права и правовой системы, выраженный в расхождении организации форм права, требований правовых норм, а также частей единых или близких правовых систем общества» [7]. Общественный контроль представлен сегодня в России двумя параллельными системами.

1. Общественный контроль, реализуемый гражданами на основании Федерального закона от 21.07.2014 № 212-ФЗ (ред. от 29.12.2017) «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» [8] (далее – Закон). Данная деятельность отличается четкой регламентацией, включающей в себя:

1) принципы общественного контроля, например, недопустимость необоснованного вмешательства субъектов общественного контроля в деятельность органов государственной власти, недопустимость вмешательства в сферу деятельности политических партий, необходимость придерживаться презумпции добросовестности деятельности органов государственной власти и другие (статья 6 Закона);

2) исчерпывающий перечень субъектов контроля, в который входят только общественные палаты и общественные советы (статья 9 Закона);

3) права и обязанности субъектов общественного контроля, например, право обращаться в суд в защиту прав неопределенного круга лиц в случаях, предусмотренных федеральными законами (пока случаи не предусмотрены), обязанности соблюдать ограничения, связанные с деятельностью органов власти, не создавать препятствий их законной деятельности, обнародовать информацию о своей деятельности и другие (статья 10 Закона);

4) запрет на осуществление общественного контроля физическими лицами, имеющими в этом личную заинтересованность (статья 11 Закона).

Данные Общественной палаты Российской Федерации свидетельствуют о проведении с 2016 года четырех общественных проверок [9] и одного общественного мониторинга [10] в соответствии с требованиями данного закона.

2. Общественный контроль, реализуемый гражданами на основании общих норм Конституции Российской Федерации и федеральных законов, регулирующих деятельность институтов гражданского общества. Среди них можно указать:

1) право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию – общественный мониторинг является одной из самых распространенных форм общественного контроля (часть 4 статьи 29 Конституции Российской Федерации);

2) право на объединения – общественный контроль, как правило, деятельность не одного гражданина. Следует отметить, что именно

общественная организация способна оказывать существенное влияние на государственный аппарат (часть 1 статьи 30 Конституции Российской Федерации);

2) прав участвовать в массовых мероприятиях (статьи 31 Конституции Российской Федерации);

3) право на индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления (статьи 33 Конституции Российской Федерации);

4) право на обжалование в суд решения и действия (или бездействие) органов власти (часть 2 статьи 46 Конституции Российской Федерации).

Данный перечень не является исчерпывающим. Следует отметить, что входящие в него конституционные права и гарантии их реализации входят в правовой статус всех граждан России. Поэтому для осуществления общественного контроля в рамках второй системы гражданину не требуется получать специальный статус, возлагать на себя дополнительные обязанности и т.п. В данном случае общественным контролером может выступать любое физическое лицо или организация, даже имеющее личную заинтересованность, что невозможно в рамках Закона.

Как справедливо отмечала Колосова Н.М., в случае дивергенции фактических и официально указанных целей происходит дисфункциональность закона [11]. Председатель Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации Матвиенко В.И. признала, что закон об общественном контроле не работает [12, с. 4]. Нормативный правовой акт, который должен оказать поддержку субъектам общественного контроля, фактически создал дополнительные искусственные препятствия для его осуществления. Результатом стало создание гражданами другой системы общественного контроля более эффективной.

В ноябре 2017 года в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации проходили парламентские слушания по вопросам «Совершенствования механизмов взаимодействия структур гражданского общества и граждан Российской Федерации с органами государственной власти», где автор сделал доклад о вариантах совершенствования системы общественного контроля, существующего в рамках Закона, в том числе о необходимости трансформации роли Общественной Палаты Российской Федерации, расширения перечня субъектов контроля, корректировка прав, обязанностей и ответственности субъектов контроля, институционализации малых групп общественных контролеров, внедрение новых форм общественного контроля, создание информационных площадок для развития института в рамках информационного общества.

К сожалению, система общественного контроля, основанная на Законе, так и не была усовершенствована. Однако некоторые предложения реализованы в 2018 году в рамках другой системы контроля. Например, ряд предложений для повышения эффективности своей работы внедрил самый многочисленный представитель «второго» вида общественного контроля–

Общероссийский народный фронт (далее – ОНФ). 29.11.2018 на съезде Общероссийского народного фронта объявлено:

- о предоставлении каждому гражданину через регистрацию в мобильном приложении принять непосредственное участие в общественном контроле без возложения дополнительных обязанностей даже эпизодически;
- о внедрении информационной площадки «Народный контроль», объединяющей всех заинтересованных субъектов контроля;
- о проведении контрольных закупок для оценки эффективности работы служб занятости населения.

Общественный контроль является приоритетной задачей для ОНФ, что было объявлено на съезде движения в ноябре 2018 года её лидером – президентом России В.В. Путиным, который поставил перед организацией три задачи: контролировать действия по стратегическим направлениям, поддерживать ответственных и равнодушных чиновников, а также участвовать в выработке приоритетов развития страны [13].

Таким образом, можно говорить, что, не связанные рамками закона общественный контроль, не только становится более эффективным инструментом демократии участия, но и совершенствуется под новые потребности общества. В связи с этим возникает вопрос: «Нужна ли правовая регламентация общественного контроля в Российской Федерации?».

Институт общественного контроля является важнейшей частью гражданского общества и элементом конституционного строя России, что обоснованно доказывают М.А. Федотов и А.А. Тадеев, которые предлагают внести изменения Классификатор правовых актов [14], дополнив его отдельным подразделом «Общественный контроль», расположив его в раздел 010.000.000 «Конституционный строй» [15].

С.А. Авакьян обращал внимание, что сочетание суверенитета и демократии – это управление государственными и общественными делами самим народом, уполномоченными им институтами гражданского общества и органами публичной власти, которые должны действовать под контролем народа [16]. Данную точку зрения подтверждает А.Е. Постников, указывая, что органы публичной власти являются важнейшими каналами осуществления народовластия при условии, что они сформированы демократическим образом и находятся под контролем населения [17, с. 18-19]. Таким образом, можно говорить, что общественный контроль – элемент народовластия, характеризующий государство как демократическое. Общественный контроль является не только формой народовластия, но и важнейшим каналом обратной связи. Это «телефонная линия» между обществом и публичной властью. Поэтому, по мнению автора, государство должно:

- обеспечить доступ граждан к общественному контролю, с целью дать гражданам возможность непосредственного участия в управлении делами государства;
- обеспечить его защиту от внешнего воздействия для гарантии государственного суверенитета.

Юридическая дивергенция института общественного контроля, выраженная в существовании двух параллельных систем – одна более регламентированная, но не эффективная, а другая эффективная, но выходящая за пределы данного правового института, безусловно, влияют на реализацию права граждан на участие в управлении делами государства. Правовая культура общества, формируемая в данной ситуации, формирует у субъекта правоприменения устойчивое убеждение, что контроль за органами публичной власти можно эффективно осуществлять только вне правовых границ. В долгосрочной перспективе закрепление в правосознании этого вывода будет способствовать формированию правового нигилизма.

Вышеизложенное позволяет автору ответить на поставленный в статье вопрос: «Правовая регламентация общественного контроля в России нужна, а начать ее целесообразно с изменения существующей системы общественного контроля, функционирующего в рамках Закона».

Статья подготовлена по результатам доклада автора, сделанного на VIII Международном конгрессе сравнительного правоведения «Сравнительное правоведение в поисках конституционного идеала», состоявшегося 7-8 декабря 2018 года в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 04.08.2014, № 31, ст. 4398.
2. Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право Российской Федерации: учебник. М.: Юрист, 1995.
3. Enriqueta Aragonès. A theory of participatory democracy based on the real case of Porto Alegre / European Economic Review Volume 53, Issue 1, January 2009, Pages 56-72.
4. Тихомиров Ю.А. Публичное право: учебник. М.: БЕК, 1995.
5. Яковлев В.Ф. Россия: экономика, гражданское право (вопросы теории и практики). М., 2000.
6. Определение Верховного Суда РФ от 12.10.2015 N 309-ЭС15-6673 по делу № А60-25477/2013.
7. Третьякова О.Д. Юридическая конвергенция: дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. Владимир, 2012. 445 с.
8. Об основах общественного контроля в Российской Федерации: федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ (ред. от 29.12.2017) // Собрание законодательства РФ, 28.07.2014, № 30 (Часть I), ст. 4213.
9. Результаты общественных проверок Общественной палаты Российской Федерации [Электронная версия]// URL: <https://www.oprf.ru/1449/2133/2292/2469/> (доступно на 05.12.2018).

10. Результаты общественного мониторинга Общественной палаты Российской Федерации [Электронная версия] // URL: <https://www.oprf.ru/1449/2133/2292/2381/> (доступно на 05.12.2018).
11. Колосова Н.М. Качество закона - закономерность правового государства // Конституционно-правовое развитие государств евразийского пространства в условиях современных вызовов и угроз человечеству: Сб. науч. ст. / Рос. акад. правосудия. М., 2010.
12. Корченкова Н. Закон есть, а толку от него мало // Газета «Коммерсантъ». № 226. от 06.12.2016.
13. Мисливская Г. Владимир Путин поставил три задачи перед ОНФ [Электронная версия] // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2018/11/29/vladimir-putin-postavil-tri-zadachi-pered-onf.html> (доступно на 05.12.2018).
14. О классификаторе правовых актов: указ Президента РФ от 15 марта 2000 г. № 511 // Собрание законодательства РФ от 20 марта 2000 г. № 12 ст. 1260.
15. Правовые основы общественного контроля в Российской Федерации: Постатейный научно-практический комментарий к Федеральному закону от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» / под общ. ред. М.А. Федотова. М.: Статут, 2017. 208 с.
16. Авакьян С.А. Точка отсчета - народ // Суверенная демократия в конституционно-правовом измерении: Сб. статей и материалов / Сост. С.Е. Заславский. М., 2007.
17. Комментарий к Конституции Российской Федерации. 2-е изд., доп. И перераб. М., 1996.

Евсиков Кирилл Сергеевич, канд. юрид. наук, доц. кафедры, aid-ltd@yandex.ru, Россия, Тула, Тульский государственный университет

LEGAL DIVERGENCE OF THE INSTITUTE OF PUBLIC CONTROL AND ITS INFLUENCE ON THE REALIZATION OF THE RIGHT OF CITIZENS TO PARTICIPATE IN THE MANAGEMENT OF STATE AFFAIRS

K.S. Evsikov

The article considers two systems of public control in the Russian Federation. One operates within the framework of the law «On the Fundamentals of Public Control», which has several drawbacks. This system is sufficiently regulated, at the same time, it is not effective. The second system of public control functions on the basis of the Constitution and legal acts containing guarantees for the realization of citizens' constitutional rights. This system is less regulated, but more effective. The author, based on the analysis of the systems and existing positions in the legal doctrine, made an attempt to answer the question: "Is there a need to regulate public control in the Russian Federation?"

Key words: participatory democracy, public control, citizen participation in state affairs.

Evsikov Kirill Sergeevich, Cand. legal Sciences, Assoc. departments, aid-ltd@yandex.ru, Russia, Tula, Tula State University

МЕЖДУНАРОДНЫЙ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ (НЕМЕЦКИЙ) ПОДХОДЫ К УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ РОЖДАЕМОСТИ

Т.И. Егорова

На основе международного опыта деятельности Всемирной Организации Здравоохранения и Европейского Суда по правам человека проанализированы предпосылки особого правового подхода к искусственному прерыванию беременности. Исследованы основания рассматриваемой медицинской манипуляции с точки зрения интересов беременной женщины и нерожденного ребенка. Исследуется уголовное право Германии, обладающее достаточно показательными средствами уголовно-правового обеспечения рождаемости.

Ключевые слова: рождаемость, прерывание беременности, неродившаяся жизнь, аборт, уголовная ответственность

Глобализация, как неизбежная реальность современной цивилизации, таит в себе значительное число опасностей, которые касаются национальной и международной безопасности, нравственной и религиозной культуры. Снижение значения традиционных ценностей характерно для населения большинства стран современного мира. Указанные тенденции, связанные с высокой мобильностью жителей различных регионов, приводят к разрыву семейных связей и их деформации, снижению значимости исторического и бытового опыта. Создание семьи, рождение и воспитание детей не воспринимается со стороны общества, как очевидная, обязательная и поощряемая в прошлом норма поведения [1, с. 94].

Одним из важнейших направлений социальной политики любой страны является обеспечение необходимого уровня здоровья населения в связи с государственной безопасностью. Очевидно, что рассматриваемая сфера жизнедеятельности представляется одной из наиболее важных, определяющих возможность существования государства как суверенной организации, имеющей определенную степень постоянного, коренного населения. В этой связи, стимулирование рождаемости, обеспечиваемой необходимыми социально-правовыми гарантиями, является необходимой предпосылкой охраны общественного здоровья.

Снижение рождаемости является одним из негативных последствий глобализации. В настоящее время одни из самых низких показателей рождаемости регистрируется в высокоразвитых странах мира, а в развивающихся и слаборазвитых странах отмечаются наивысшие значения реализации естественной фертильности населения. Показательной в этой связи является демографическая ситуация в Германии – государстве, обладающем крупнейшей экономикой, наиболее устойчивой в Европе. В то же время именно здесь отмечается один из наиболее низких уровней рождаемости [2, с. 35-40].

Еще в 2010 г. в Германии издана нашумевшая книга Т. Саррацина «Германия: самоликвидация», в которой автор на основе данных о миграционных процессах в стране и сведениях о рождаемости делает неутешительные выводы о вырождении немецкой нации [3, с. 12].

Историческая ретроспектива позволяет рассматривать отношение общества к рождаемости с точки зрения социальной ответственности государства за население страны. Относительно недавнее прошлое Германии, связанное с ее государственным участием в регулировании рождаемости, представляет особенно чувствительную зону действия современного права.

Недопустимым представляется дифференциация правовой охраны указанных процессов на основе националистических подходов. Нацистские меры, принимаемые правительством 30-х годов XX столетия, были направлены на установление мировой гегемонии, неотъемлемыми предпосылками которой признавалось улучшение количественных и качественных характеристик немецкой нации. В тоже время принудительной абортации подлежали больные беременные, страдавшие наследственными заболеваниями, а также представительницы «чуждых рас» [4, с. 44].

Современные гуманистические тенденции, зародившись в недрах идеалистического мировоззрения, основывающегося на сочувствии и личном сопереживании, отражают степень зрелости общества, ответственного за состояние благополучия каждого человека.

Декларация прав ребенка от 20 ноября 1959 г. в преамбуле закрепляет: «Ребенок ввиду его физической и умственной незрелости нуждается в специальной охране и заботе, включая надлежащую правовую защиту, как до, так и после рождения». Аналогичную формулировку использует и Конвенция о правах ребенка 1989 г. в своей преамбуле.

Международная дискуссия по вопросу соотношения свободы личности и ответственности за число детей и сроки их рождения, начатая на Международной конференции по правам человека в 1968 г. в Тегеране, нашла свое определенное выражение в Концепции прав в области репродукции, которые были определены и приняты в 1994 г. на Международной конференции по народонаселению и развитию в Каире [5, с. 53].

Точка зрения Всемирной Организации Здравоохранения (ВОЗ) в отношении права женщин контролировать, свободно и ответственно решать вопросы, касающиеся ее половой жизни, пользоваться плодами научного прогресса и его практическими результатами совпадает с подходами Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ), неоднократно выраженными им в своих постановлениях, относительно учета глубоких моральных ценностей в национальных законодательствах европейских государств. В частности, ВОЗ настаивает на первостепенной задаче спасения жизней женщин при оказании медицинской помощи по безопасному прерыванию беременности. Так, в рекомендациях для систем здравоохранения по вопросам политики и практики «Безопасный аборт» отмечается, что медицинская помощь по прерыванию беременности должна иметь статус разрешенной законом медицинской услуги,

защитить от общественного осуждения и дискриминации женщин и медицинских работников.

В тоже время, ЕСПЧ связывает обязанность такой медицинской помощи случаями опасности вынашивания беременности для матери или перинатальными отклонениями развития плода. Например, Постановлением ЕСПЧ от 26 мая 2011 г. по делу «R.R. (R.R.) против Польши» (жалоба № 27617/04) состояние болезненной неопределенности относительно заболевания плода с синдромом Тернера, сохранения беременности или проведения легального аборта было расценено судом как унижение человеческого достоинства беременной женщины в соответствии со ст. 3, 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод [6, с. 53].

В своем постановлении от 16 декабря 2010 г. по делу «А, В и С (А, В and С) против Ирландии» (жалоба № 25579/05) ЕСПЧ признал наличие конфликта прав матери и прав нерожденного, представляемого государством [7, с. 15].

Таким образом, международное здравоохранение, европейское законодательство и практика правоприменения дополняют друг друга в части уяснения социально-правовой сущности индивидуального регулирования рождаемости. Определение соотношения национальных приоритетов физического и нравственного благополучия населения в обеспечении прав беременной женщины и нерожденного ребенка разрешается каждым государством с учетом гуманизма и целесообразности.

Действительно, демографические концепции «помех к рождению детей» и «парадокса обратной связи», основывающиеся на установлении корреляции связи между экономическими условиями жизни семьи и деторождением, не являются абсолютными. В первую очередь репродуктивные ориентации определяются целым рядом факторов, как медико-биологического или религиозного, так и образовательного или нравственно-психологического характера [8, с. 135].

Анализ уголовного законодательства Германии в части правового обеспечения рождаемости, дает основание полагать, что УК ФРГ обладает существенным ресурсом охраны рассматриваемой сферы отношений. Значимость повышения рождаемости определяется низким ее уровнем на фоне других европейских стран.

Современный немецкий правовой институт уголовной ответственности за незаконное прерывание беременности стал результатом определенной эволюции германского права в процессе воссоединения Германии 90-х годов прошлого столетия. Характер рассматриваемых предписаний, содержащихся первоначально в §§ 153–155 УК ГДР, был устранен лишь в 1995 г. с принятием единого законодательства о прерывании беременности (Закон об изменении законодательства в области регулирования помощи беременным и семьям – SFHÄndG) [9, с. 412].

Современная комплексность нормативных предписаний § 218-219 в УК ФРГ определяется признанием за нерожденным ребенком права на жизнь (п. (1) § 219). Событие зарождения новой жизни связано, по смыслу немецкого законодателя, с моментом nidации, то есть внедрения плодного яйца с

помощью ворсинок хориона в слизистую матки. С точки зрения биологии и эмбриологии указанное состояние представляет собой первую стадию развития человеческого эмбриона, связанного с внутриутробным развитием проэмбриона из «сгустка клеток» [10, с. 35].

Общеизвестно, что само состояние беременности, последующее рождение ребенка, уход за ним и воспитание существенно ущемляют право женщины на личную жизнь, наделяют ее дополнительным бременем ответственности. В связи с этим УК ФРГ признает достаточным основанием для производства аборта только такие обстоятельства, которые настолько серьезны и исключительны, что превышают разумные «Opfergrenze» – пределы жертвования, которое неизбежно в период беременности, деторождения и воспитания ребенка.

Признаки преступлений, связанных с посягательствами на «неродившуюся жизнь», предусмотрены в разделе 16 «Незаконные деяния против жизни» УК Германии. Их можно подразделить на несколько групп в зависимости от стадии, на которой охраняется развивающаяся беременность.

В первую очередь немецкий законодатель охраняет установленный законом порядок подготовки к прерыванию беременности с целью недопущения данной медицинской манипуляции без законных оснований и показаний. В связи с этим в §218в «Неправильное медицинское заключение» устанавливается ответственность за подготовительные действия по созданию условий для проведения аборта при отсутствии медицинских показаний и составления медицинского заключения, отражающего ложные сведения о состоянии беременной женщины или плода.

Однако немецкие медицинские работники не только проводят обследование беременной, они также обязаны изучить мнение женщины, провести консультацию и дать рекомендации. В случае неисполнения своих обязанностей медицинские работники привлекаются к уголовной ответственности по §218с «Нарушение врачебного долга при прерывании беременности».

Одновременно в УК Германии устанавливается ответственность за прикосновенность к прерыванию беременности путем побуждения к прерыванию беременности в виду распространения соответствующих информации или средств. Указанные предписания закреплены в §219а «Агитация за прерывание беременности» и §219в «Сбыт средств для прерывания беременности».

Также, безусловно, наказуемым является проведение непосредственной незаконной медицинской манипуляции по прерыванию беременности другими лицами или самой беременной женщиной (§ 218).

Незаконным немецким законодательством признается не только прерывание беременности при отсутствии медицинского заключения, но и без собеседования у психолога при государственном учреждении. Окончательное решение о возможности прерывания беременности принимает медицинская комиссия.

Примечательно, что беременная женщина, согласно п. (3) § 218, также признается субъектом прерывания беременности, за исключением случаев покушения (п. (4)).

Таким образом, немецкий законодатель уделяет внимание уголовно-правовой охране неродившейся жизни в весьма разнообразных сферах, касающихся деятельности не только медицинских, но и других некоммерческих и коммерческих организаций, а также частных лиц. Наказуемыми являются, кроме непосредственного незаконного прерывания беременности, также и нарушение порядка подготовки к подобной медицинской манипуляции, создание условий информационного и материального характера, способствующих формированию и конкретизации умысла на совершение рассматриваемого преступления. Подобная широкая уголовно-правовая поддержка рождаемости основывается, безусловно, на достаточной гражданско-правовой базе, регламентирующей охрану здоровья и репродуктивные возможности человека.

Несмотря на остроту проблемы низкой рождаемости в Германии, как представляется, не это является определяющим в особом признании и защите неродившейся жизни. Как нами было отмечено, историческая преемственность немецкого законодательства отражает особое значение пронатальной политики государства. В этой связи, следует признать, что одновременно с реализацией гуманистической концепции государства, особый правовой режим охраны нерожденного ребенка имеет существенное значение в поддержке позитивного демографического уровня.

Список литературы

1. Иудин А.А., Шпилев Д.А. Основные направления исследования проблем семьи в современной Германии // Социологические исследования. 2012. № 1. С. 94-105.
2. Осетрова О.В., Родионова И.В. Особенности западноевропейской модели экономического роста // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2017. Вып. 1. Ч. I. С. 35-40.
3. Саррацин Т. Германия: самоликвидация. М., 2016. 558 с.
4. Паламарчук Е.А. Проблема законодательного регулирования рождаемости в третьем рейхе (1933 - 1939 гг.) // Северо-Кавказский юридический вестник. 2015. № 2. С. 44-51.
5. Сакевич В.И. Отношение правительств к проблемам репродуктивного здоровья // Демоскоп Weekly. 2014. № 615-616. С. 53-54.
6. Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2011. № 11. С. 34-36.
7. Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2011. № 6. С. 13-17.
8. Гокова О.В. Сравнительный социально-экономический анализ проведения молодежной пронаталистской политики в Германии и Франции // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2016. № 2. С. 135-144.

9. Штаге Д. Становление единства уголовного законодательства после воссоединения Германии // Lex Russica. 2012. Т. LXXI. № 2. С. 410-415.

10. Белобрагина Н.А. Правовой статус эмбриона // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. Вып. 1. Ч. II. С. 34-38.

Егорова Татьяна Игоревна, канд. юрид. наук, ст. преподаватель кафедры, madmti62@yandex.ru, Россия, Рязань, Академия ФСИН России

*EUROPEAN INTERNATIONAL AND GERMAN NATIONAL APPROACHES THE CRIMINAL
LAW PROVISION OF FERTILITY*

T.I. Egorova

On the basis of international experience of the World Health Organization and the European Court of Human Rights, the background of a special legal approach to abortion is analyzed. The bases of the considered medical manipulation from the point of view of the interests of the pregnant woman and the unborn child are investigated. The criminal law of Germany, possessing sufficiently indicative means of the criminal law provision for the birth rate, is investigated.

Key words: fertility, abortion, unborn life, abortion, criminal liability

Egorova Tatyana Igorevna, Cand. legal Sciences, Art. Lecturer, madmti62@yandex.ru, Russia, Ryazan, Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia

УДК 343.1

**УСМОТРЕНИЕ КАК ПРЕДПОСЫЛКА ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ
ДОЛЖНОСТНЫМИ ЛИЦАМИ ПРАВОМ В УГОЛОВНОМ
СУДОПРОИЗВОДСТВЕ**

О.В. Желева

Рассматриваются проблемы реализации дискреционных полномочий должностными лицами. Автором указывается на возможность совершения злоупотребления дискрецией властными субъектами ввиду правовой неопределённости и наличия пробелов в законодательстве. Предлагается ряд гарантий, соблюдение которых позволит определить границы усмотрения и обеспечить права и законные интересы участников уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, должностные лица, злоупотребление правом, злоупотребление дискреционными полномочиями, границы усмотрения.

Экономические, политические и социальные преобразования в российском государстве обусловили закрепление в Конституции РФ положения о том, что права и свободы человека и гражданина являются высшей

ценностью, а их охрана и защита – одной из приоритетных задач государства. В процессе реализации данного правового предписания характер взаимодействия между государством и личностью, соотношение их интересов в различных правоотношениях, в том числе в сфере уголовного судопроизводства, изменился. Формирование оптимального соотношения прав и обязанностей государства и частных субъектов в уголовном судопроизводстве тесно связано с определением типа и методов правового регулирования, при помощи которых будет обеспечено наиболее эффективное результативное воздействие на соответствующие общественные отношения.

Уголовный процесс, как и любая процессуальная отрасль права, является служебной по отношению к материальному праву. Материальные уголовно-правовые отношения направлены на охрану прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений, в связи с чем уголовное право – это абсолютно публичная сфера. Уголовно-процессуальным отношениям соответственно также присуща публичность, которая означает господство государственно-властного начала, когда предметом уголовного процесса распоряжаются властные субъекты независимо от воли отдельных лиц или организаций. Отсюда, государственные органы и должностные лица в целях обеспечения функционирования уголовного процесса, достижения назначения уголовного судопроизводства, наделены рядом полномочий, в том числе позволяющих им применять в установленных законом случаях к иным участникам меры принудительного характера.

Понятие «полномочие» определяется как совокупность прав и обязанностей должностного лица, которые предоставлены ему законом и другими подзаконными актами при осуществлении им функций представителя власти либо выполнении организационно-распорядительных и административно-хозяйственных функций [1, с. 21]. В этих правах и обязанностях заключена возможность лица не только совершать определенные действия или воздерживаться от таковых, но и требовать от других участников правоотношений поступать тем или иным образом. В отличие от реализации субъективного права, при осуществлении полномочий субъект не может свободно выбрать способ их использования или воздержаться от их исполнения. Свобода реализации полномочий государственными органами и должностными лицами в уголовном судопроизводстве ограничивается установлением в законе запретов на совершение определенных действий и принятие решений. Кроме того, властные субъекты должны действовать в соответствии с принципами уголовного процесса, общечеловеческими ценностями, моралью, справедливостью, чтобы не допустить неоправданного ограничения прав и свобод личности. В связи с этим, можно сделать вывод, что в отношении должностных лиц в уголовном процессе действует принцип «разрешено то, что прямо закреплено в законе», то есть разрешительный метод

регулирования, иное может противоречить правам и законным интересам иных участников.

Между тем, ряд полномочий должностных лиц имеют дискреционный характер, предполагающий возможность реализации некоторых из них по усмотрению властных субъектов, возможность выбора среди альтернативных вариантов поведения. Такая деятельность должностных лиц характеризуется волевым моментом, формирующимся под влиянием внутреннего убеждения, мировоззрения, профессионального опыта, что является субъективной составляющей дискреционных полномочий. Наличие определенной дискреции может быть обусловлено следующими причинами. Во-первых, наличие законодательных пробелов и правовой неопределенности, которая предоставляет властному субъекту возможность выбора варианта поведения в зависимости от конкретных обстоятельств юридического дела в пределах, очерченных законодателем. Во-вторых, особенности построения уголовно-процессуальной нормы с точки зрения юридической техники. Например, в текстах норм содержатся такие фразы, как «по усмотрению следователя» (ч. 1 ст. 191 УПК РФ), «в случае необходимости» (ч. 1 ст. 152, ч. 7 ст. 162 УПК РФ), «следователь вправе» (ст. 25, ч. 1 ст. 28, ч. 1 ст. 91, ч. 1 ст. 97, ст. 181 УПК РФ и др.), «следователь может» (ч. 1 ст. 193 УПК РФ). В-третьих, наличие в правовых предписаниях оценочных категорий, под которыми понимаются абстрактные явления, содержание которых устанавливается только с учетом конкретной ситуации, обстоятельств рассматриваемого дела[2, с. 23]. К такой категории можно отнести выражения «достаточные данные» (ч. 2 ст. 140 УПК РФ), «имеют значение для данного уголовного дела» (ч. 2 ст. 159 УПК РФ), «уважительные причины» (ч. 7 ст. 56 УПК РФ), «в исключительных случаях» (ч. 5 ст. 164 УПК РФ) и другие.

Наличие усмотрения в уголовно-процессуальной деятельности должностных лиц с одной стороны, позволяет выбрать наиболее оптимальный из предусмотренных уголовно-процессуальным законом для каждого конкретного случая способ осуществления властных полномочий с целью эффективного разрешения задач и достижения назначения уголовного судопроизводства. Помимо этого, представляется убедительной позиция Н. Н. Апостоловой о том, что «осуществление уголовно-процессуальной деятельности на основе принципа дискреционности даст возможность постоянно совершенствовать уже существующие компромиссные формы правосудия и дискреционные процедуры, а также применять новые более действенные формы ответственности за совершенные преступления»[3, с. 12]. С другой стороны, дискреция в условиях несовершенства уголовно-процессуального законодательства, чрезмерно размытые границы выбора поведения могут привести к различного рода злоупотреблениям со стороны должностных лиц, осуществляющих свои полномочия без учета прав и законных интересов других участников судопроизводства.

Следует отметить, что в литературе должностные злоупотребления классифицированы на два вида: преступление и злоупотребление правом[4, с. 24]. В первом случае, должностное лицо использует свои служебные

полномочия вопреки интересам службы из корыстных побуждений или иной личной заинтересованности, что влечет за собой существенное нарушение прав и законных интересов граждан, организаций или общества. Злоупотребление полномочиями как факт злоупотребления правом, по мнению Е. В. Рябцевой, «представляет собой поведение суда (судьи), прокурора, дознавателя, следователя и других должностных лиц государственных органов в досудебных и судебных стадиях уголовного судопроизводства, не нарушающее какой-либо конкретной специальной нормы права, и причиняющее или создающее угрозу причинения вреда охраняемым законным интересам личности, общества и государства»[5, с. 70].

Действительно, злоупотребление дискреционными полномочиями предполагает отсутствие нарушения конкретного предписания. В сущности, предусмотреть и запретить все варианты поведения, причиняющие или создающие угрозу причинения вреда правам и законным интересам иных субъектов, невозможно, поэтому законодатель сознательно допускает усмотрение должностных лиц для принятия ими решений, приспособленных к конкретным жизненным ситуациям, связанным с осуществлением уголовного судопроизводства.

Назначением предоставленных уголовно-процессуальным законодательством дискреционных полномочий должностным лицам является целесообразное, эффективное осуществление ими деятельности по расследованию преступлений, осуществлению правосудия, и одновременно охрана прав и законных интересов личности в уголовном процессе, обеспечение реализации её правовых возможностей. Как отмечает О. И. Андреева: «должностные лица государственных органов, осуществляющих уголовно-процессуальную деятельность, должны исходить из того, что они созданы, существуют и осуществляют свои полномочия для того, чтобы служить человеку, обществу, а не человек, общество – для того, чтобы существовали указанные органы и должностные лица»[6, с. 83]. При злоупотреблении дискреционными полномочиями наблюдается противоречие поведения должностного лица их действительному назначению, ввиду того, что предоставленные права и обязанности используются властным субъектом исключительно в интересах расследования или личных интересах.

Последствием указанного поведения должностных лиц становится необоснованное ограничение субъективных прав участников уголовного судопроизводства, в том числе права на защиту и доступ к правосудию.

В соответствии со ст. 119 УПК РФ подозреваемый, обвиняемый, его защитник, потерпевший, его законный представитель и представитель, частный обвинитель, эксперт, гражданский истец, гражданский ответчик, их представители, представитель администрации организации и иное лицо, права и законные интересы которых затронуты в ходе досудебного и судебного производства, вправе заявить ходатайство о производстве процессуальных действий или принятии процессуальных решений для установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Такое ходатайство направляется дознавателю, следователю либо в суд. Между тем, критерии

принятия решения об удовлетворении или отказе в удовлетворении заявленного ходатайства в законодательстве отсутствуют. Например, в ходе предварительного расследования обвиняемый Б. заявил ходатайство о проведении очной ставки между ним и свидетелем по делу, не мотивировав свою просьбу [7]. Следователь отказал в удовлетворении данного ходатайства исключительно по причине ее необоснованности без указания иных доводов и ссылок на материалы уголовного дела. Необходимо отметить, что согласно результатам изучения практики в Красноярском крае, Томской и Омской областях, случаи отказа следователя в удовлетворении ходатайств о проведении определенного следственного действия по причине их необоснованности составили 32,99 % (из 408 уголовных дел). Представляется, что такое решение должностного лица не противоречит правовым предписаниям, запретам, находится в рамках дозволенного законом поведения, однако является псевдомотивированным, основанным исключительно на усмотрении, предубеждении властного субъекта, что приводит к иллюзорному существованию прав участников уголовного судопроизводства, к их необоснованному ограничению или лишению вовсе.

Стоит обратить внимание, что процесс выбора варианта поведения должностным лицом состоит из двух этапов. Первый этап представляет собой оценку властным субъектом способов осуществления своих полномочий с точки зрения их законности. Второй этап составляет выбор наиболее предпочтительного законного варианта поведения из нескольких альтернатив. Думается, что в целях недопущения чрезмерного усмотрения должностных лиц на втором этапе реализации полномочий следует установить гарантии их законного и справедливого применения. В качестве таковых можно выделить следующие.

Во-первых, соблюдение властными субъектами уголовно-процессуальной формы, под которой понимается регламентированная уголовно-процессуальным правом система и структура уголовно-процессуальных институтов и правил; процедура и последовательность стадий уголовного судопроизводства; условия, способы и сроки совершения процессуальных действий, непосредственно или косвенно связанных с собиранием и исследованием доказательств на предварительном следствии и в судебном разбирательстве, их закреплением в правовых актах; порядок принятия и оформления решений по отдельным вопросам и по делу в целом [8, с. 121]. Указанная обязанность должностных лиц позволит использовать им свои полномочия в полном объеме только в сфере, где необходимо разрешить поставленные уголовно-процессуальным законодательством задачи.

Во-вторых, соответствие любого решения должностного лица требованиям законности, обоснованности, мотивированности. При этом законность свидетельствует о соблюдении установленного законом порядка (процедуры) принятия решения и его процессуальной формы; обоснованность предполагает соответствие изложенных в решении выводов о фактических обстоятельствах дела доказательствам, которые имеются в деле и которые получены в результате предшествующего принятию решения процесса

доказывания; мотивированность означает наличие аргументов, объясняющих причины принятого решения [9, с. 42]. Содержание перечисленных требований к решениям должностных лиц еще раз указывает на назначение деятельности властных субъектов, на невозможность руководства ими исключительно внутренним убеждением. Данное утверждение содержалось и в постановлениях Конституционного суда РФ, который указал, что не могут использоваться такие способы регулирования, которые ставили бы реализацию прав и их ограничение в зависимость от решения правоприменителя, допуская тем самым произвол органов власти и должностных лиц, и исключали бы судебную защиту правомочий субъекта от их необоснованного ограничения [10].

В-третьих, учет должностными лицами прав и законных интересов лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства. В основе данного требования находится принцип уважения достоинства личности. Под достоинством личности понимают обладание ею определенными нравственными и интеллектуальными качествами – причем не любыми, а такими, которые соответствуют моральным ценностям, принятым в данном обществе, государстве [11, с. 578]. Данная категория является многоплановой и состоит из таких элементов: определенное поведение человека; невозможность совершения им поступков, осуждаемых общественной моралью; уровень интеллекта и образования человека; отношение к окружающим, образ жизни. Достоинство предполагает самооценку индивидом указанных элементов, однако в силу своей природы человек не может объективно их оценить, может заблуждаться насчет своих способностей, превозносить их или вовсе не обладать ими. Между тем, этот факт не является поводом для отрицания его достоинства вообще.

Нетрудно заметить, что, исходя из вышеизложенного, достоинство личности является неотъемлемым свойством человека, служащим базисом для определения содержания других основных прав, таких, как право на жизнь, право на свободу и личную неприкосновенность, на свободу совести, на безопасность и другие.

Таким образом, принципы уважения достоинства личности, приоритета прав и свобод человека и гражданина запрещают использовать человека в качестве инструмента достижения целей государства, что не позволяет ограничивать его права, изменяя при этом их сущностное содержание. На это указал и Конституционный Суд РФ в своем определении от 08.02.2007 г. «По жалобе гражданина Беспалова Владимира Викторовича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 376 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»: «законодатель вправе конкретизировать содержание закрепленного в Конституции РФ права и устанавливать правовые механизмы его осуществления, условия и порядок реализации, но вместе с тем не должен допускать искажения существа данного права и введения таких его ограничений, которые не согласовывались бы с конституционно значимыми целями» [12].

Кроме того, из этого критерия следует, что должностные лица при реализации своих полномочий должны исходить из того, что уголовно-

процессуальное положение участвующего в расследовании дела лица базируется, прежде всего, на конституционном статусе гражданина. А этот статус, являясь стержнем правового положения личности в уголовном судопроизводстве, определяет основные начала отдельных процессуальных прав подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля и иных участников.

В-четвертых, наличие эффективного ведомственного и судебного контроля. Контроль представляет собой особую уголовно-процессуальную деятельность властных субъектов уголовного судопроизводства по проверке законности и обоснованности действий (бездействия) и решений должностных лиц, осуществляемую в целях: 1) предупреждения незаконного и необоснованного нарушения или ограничения конституционных прав и свобод личности (предупредительный контроль); 2) восстановления нарушенных прав (правосстановительный контроль); 3) отмены (признания не имеющими юридической силы) незаконных актов, вынесенных публичными процессуальными органами с нарушением установленной процессуальной формы [13, с. 17].

В-пятых, установление мер юридической ответственности для должностных лиц, использующих свои дискреционные полномочия необоснованно, с нарушениями порядка их применения, при отсутствии необходимых оснований, для достижения целей, направленных на обеспечение ведомственных интересов или одной из сторон, во вред правам и законным интересам иных участников уголовного судопроизводства. По мнению Н.Н. Апостоловой, необходимо принять отдельные деонтологические кодексы, где будут нормативно закреплены стандарты осуществления профессиональной деятельности, механизм привлечения должностных лиц к дисциплинарной ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение этих стандартов [3, с. 59].

На основе вышеизложенного, можно сделать вывод, что абстрактный характер правовых норм и возникающая вследствие этого неопределённость содержания полномочий, вызывают возможность многовариантного поведения при их реализации со стороны должностных лиц. В связи с развитием общественных отношений, изменением обстоятельств применения ряда уголовно-процессуальных положений, законодатель в некоторых случаях предоставил должностным лицам действовать по своему усмотрению. Вместе с тем, это не позволяет раскрывать понятие дискреционных полномочий через категории «субъективное право», «свобода», поскольку в отличие от субъективного права дискреция предполагает совершение действия (бездействия) не в личных интересах, а в интересах третьих лиц, общества, государства. С целью обеспечения законной реализации дискреционных полномочий должностным лицам и государственным органам необходимо соблюдать следующие условия: 1) усмотрение всегда должно осуществляться в пределах, установленных законом, и на основе принципов уголовного судопроизводства; 2) соблюдение и обеспечение реализации прав участников уголовного процесса; 3) обоснованность и целесообразность принятого

властным субъектом решения; 4) осуществление эффективного ведомственного и судебного контроля и применение мер юридической ответственности в случае совершения злоупотребления дискреционными полномочиями.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ № 16-03-00413 «Злоупотребление правом в уголовном процессе: системные и несистемные проявления, их предотвращение и пресечение».

Список литературы

1. Стренин А.С. Квалификация злоупотребления должностными полномочиями: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 29 с.
2. Пиголкин А.С. Юридическая терминология и пути ее совершенствования // Ученые записки ВНИИСЗ. М., 1971. Вып. 24. С. 18-34.
3. Апостолова Н.Н. Целесообразность (дискреционность) в российском уголовном судопроизводстве: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук М., 2010. 62 с.
4. Даровских О.И. К вопросу о злоупотреблении правами лицами, имеющими властные полномочия // Правопорядок: история, теория и практика. 2015. № 4 (7). С. 22-25.
5. Рябцева Е.В. Злоупотребление правом в уголовном судопроизводстве. М.: Юрлитинформ, 2014. 144 с.
6. Андреева О.И. Соотношение прав и обязанностей государства и личности в правовом государстве и специфика его проявления в сфере уголовного судопроизводства (теоретический аспект) / под ред. М.К. Свиридова. Томск: Изд-во Том. Ун-та, 2004. 138 с.
7. Уголовное дело № 24050644 // Архив Железнодорожного районного суда г. Красноярск.
8. Курс советского уголовного процесса: (Общая часть) / под ред. А.Д. Бойкова, И.И. Карпеца. М.: Юрид. лит, 1989. 670 с.
9. Кузьмин Г.А. Правовые и организационные основы принятия решений в уголовном процессе. (Досудебные стадии): дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 195 с.
10. По делу о проверке конституционности пункта 2 ст. 5 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Б.А. Кехмана: постановление Конституционного Суда РФ от 18 февраля 2000 г. № 3-П // Российская газета. № 43. 01.03.2000.
11. Авакьян С.А. Конституционное право России. Учебный курс: в 2 т. М.: Юрист, 2005. Т.1. 719 с.
12. По жалобе гражданина Беспалова Владимира Викторовича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 376 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 08.02.2007 г. // Вестник Конституционного Суда РФ. № 4. 2007.

13. Колоколов Н.А. Судебный контроль в уголовном процессе. М: ЮНИТИ: Закон и право, 2009. 847 с.

Желева Ольга Викторовна, ст. преподаватель кафедры, zheleva.olga@gmail.com, Россия, Томск, Национальный исследовательский Томский государственный университет

DISCRETION AS A PREREQUISITE FOR ABUSE OF RIGHT OF OFFICIALS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

O.V. Zheleva

The article deals with the problems of realizing discretionary powers by officials. The author points to the possibility of abuse of discretion of power subjects in view of legal uncertainty and gaps in the legislation. The article proposes a number of guarantees, the observance of which will allow determining discretionary limits and ensuring the rights and legitimate interests of participants in criminal proceedings.

Key words: criminal proceedings, officials, abuse of right, abuse of discretion, discretionary limits.

Zheleva Olga Viktorovna, senior lecturer at the Department of Criminal Procedure, Prosecutor's Supervision and Law Enforcement, zheleva.olga@gmail.com, Russia, Tomsk, National Research Tomsk State University.

УДК 343.982.3

**К ВОПРОСУ О НАЗНАЧЕНИИ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ
ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ
КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ**

И.И. Звезда

Применение экспертом специальных знаний при расследовании мошенничества в сфере компьютерной информации – одно из важнейших направлений повышения эффективности расследования, расширяющее содержание доказывания, увеличивающее в первую очередь качество, а также количество фактических данных, используемых в доказывании по уголовному делу. В настоящей статье рассматриваются особенности назначения судебно-бухгалтерской экспертизы, а также компьютерно-технической, почерковедческой экспертиз в ходе расследования мошенничеств в сфере компьютерной информации.

Ключевые слова: эксперт, специальные знания, мошенничество, компьютерная информация.

Федеральным законом от 29 ноября 2012 года № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» в Уголовный кодекс

Российской Федерации введены отдельные виды мошенничества, в том числе и статья 159.6 «Мошенничество в сфере компьютерной информации» [1]. В 2016 году законодателем в данную статью были внесены дополнения. Установление уголовной ответственности за мошенничество в сфере компьютерной информации можно расценивать как закономерный шаг отечественного законодательства на пути совершенствования уголовно-правовой системы.

В последние годы наблюдается устойчивая тенденция роста числа преступлений в сфере экономической деятельности. Так, экономике Российской Федерации

2015 год действиями киберпреступников различного уровня нанесён вред в 203,3 млрд. руб., что равно 0,25% объёма ВВП, в том числе, прямой финансовый ущерб составил 123,5 млрд. (0,15% от ВВП), а затраты на ликвидацию последствий - более 79,8 млрд. руб. (0,1% от ВВП). В первой половине 2016 года наблюдался рост отмеченных преступлений по сравнению с соответствующим периодом 2015 года на 44%. В 2016 году общий вред от интернет-преступности для мировой экономики, в том числе прямые потери, недополученная прибыль и расходы на восстановление концепций, превысил 575 миллиардов долларов, что составляет порядка 1% мирового ВВП.

Тенденция к увеличению данных преступлений сохранилась и в 2017 году. Таким образом, ущерб мировой экономике от участвовавших кибератак превысил 1 трлн. долларов. Неутешительными остаются и прогнозы в данной области - через три года убытки от преступной деятельности составят более 2 трлн. долларов [2].

В связи со значительно возросшей долей экономических преступлений, наблюдается и существенный рост мошеннических преступлений в сфере компьютерной информации. По данным МВД России с 1997 года (зарегистрировано 7 преступлений в сфере компьютерной информации) по 2017 год (27146 преступлений) их число возросло почти в 307 раз. Такая ситуация не могла не отразиться и на эффективности раскрытия и расследования данного вида преступлений.

Одним из факторов, осложняющих процесс расследования, является сложность в сборе криминалистически значимой информации. Существенную помощь в процессе доказывания по уголовным делам данной категории субъект расследования может получить путем использования специальных знаний.

Эффективное расследование преступлений, связанных с мошенничеством в сфере компьютерной информации, в значительной степени зависит от точного, своевременного и высококачественного использования специальных знаний. В ходе проведенного в Тульской и Московской областях опроса 97 следователей внутренних дел установлено, что возможности специальных знаний при расследовании мошенничества в сфере компьютерной информации в достаточной степени не используются.

Судебные экспертизы назначаются с целью получения фактических данных, свидетельствующих о совершенном преступлении, то есть: для установления факта хищения чужого имущества или приобретения права на

чужое имущество путем ввода, удаления либо блокирования компьютерной информации, выявления нарушений финансовой отчетности, установления размера нанесенного ущерба и для решения других вопросов. Подобные преступления совершаются путем обмана и злоупотребления доверием определенного субъекта, с помощью получения доступа к компьютерной системе и совершения вышеуказанных действий, которые в результате, приводят к хищению чужого имущества или приобретению права на чужое имущество [3].

Отдельные вопросы расследования мошенничества в сфере компьютерной информации были рассмотрены Р.С. Атамановым, Р.А. Белевским, В.Б. Веховым, А.С. Вражновым, А.Ю. Головиным, В.М. Елиным, В.В. Коломиновым, В.В. Крыловым, С.С. Медведевым, В.А. Мещеряковым, У.А. Мусаевой, Т.В. Толстухиной, Е.С. Шевченко и другими учеными.

Как правило, по данным уголовным делам назначают судебно-бухгалтерскую и компьютерно-техническую экспертизы.

Судебно-бухгалтерская экспертиза назначается в случае, если следователь в ходе расследования без помощи или поддержки специалиста, ревизора никак не сумел решить важные вопросы, нужные для полного, многостороннего изучения всех обстоятельств совершенного мошенничества. Отмеченная экспертиза может помочь определить размер материального ущерба, роль отдельных участников в совершении мошенничества, обстановку, обстоятельства и условия, содействовавшие совершению отмеченного преступления.

Проведение судебно-бухгалтерской экспертизы помогает следователю понять способ совершения мошенничества и лиц, виновных в его совершении.

Судебно-бухгалтерская экспертиза решает вопросы диагностического характера:

- выявление учетных несоответствий, их величины, механизма их образования, влияние на показатели финансово-хозяйственной деятельности, выявление отклонений от правил ведения учета и отчетности;

- обнаружение учетных несоответствий, их величины, приспособления их создания, воздействие на показатели финансово-хозяйственной деятельности, отклонений от правил ведения учета и отчетности;

- формирование факторов, сопряженных с отображением в бухгалтерской документации операций поступления, перемещения и расходования денежных средств;

- установление соответствия порядка учета денежных средств условиям специальных правил, а кроме того факторов, затрудняющих объективное управление бухгалтерской отчетности [4, с. 48].

Предметом судебно-бухгалтерской экспертизы при расследовании отмеченного преступления являются отображенные в электронных документах разнообразные экономические операции, которые стали объектом расследования и относительно которых дается заключение экспертом.

Назначение судебно-бухгалтерской экспертизы по делам о мошенничестве в сфере компьютерной информации происходит, в случаях:

- если возникают спорные вопросы в бухгалтерских документах, для решения которых необходимы специальные знания в бухгалтерской деятельности;

- при наличии несоответствий и противоречий между заключениями ревизий;

- если имеются расхождений между выводами разных ревизий или выводы в актах существенно неполные.

Необходимо отметить, то что особенность способов преступлений мотивирует следователя при назначении судебно-бухгалтерской экспертизы на постановку перед экспертом не только вопросов о сумме ущерба, но и вопросов о методах совершения мошенничества и сокрытия следов, а кроме того факторов, содействовавших совершению мошенничества.

В рамках экспертной инициативы (ст. 57 УПК РФ) эксперт вправе по своей инициативе, но в пределах своей компетенции давать заключение по вопросам, не поставленным в постановлении о назначении экспертизы, но имеющим существенное значение для расследования события преступления.

Установление определенных вопросов, доступных разрешению экспертом-бухгалтером является значимым этапом подготовки к назначению экспертизы. Для решения данных вопросов эксперт обязан изучить огромное количество бухгалтерских документов и определить новейшие факты, обладающие доказательственными значениями.

Мы согласны с И.А. Петуховой, что при подготовке начальных сведений с целью проведения судебно-бухгалтерской экспертизы по делам о мошенничестве в сфере компьютерной информации следователь обязан придерживаться требований: «бухгалтерская отчетность и подписи на представляемых документах должны быть подлинными; комплексность, представляемых документов (помимо учетных регистров представляются первичные документы, финансово-хозяйственные договоры и прочее); представляемые документы должны быть сгруппированы, подшиты в хронологическом порядке» [5, с. 168].

Прогрессивным фактором считается процессуальное фиксирование права эксперта на обжалование действий и постановлений дознавателя, следователя, прокурора и суда, сдерживающих его права, в частности, права на ознакомление с материалами уголовного дела, имеющего отношение к предмету судебной экспертизы (п.5 ч.3 ст.57 УПК РФ). Применительно к судебным экспертам, назначаемым при расследовании мошенничества в сфере компьютерной информации, сведения о месте, способе, применяемых преступниками технических средствах и иных обстоятельствах, имеют значение в виду предотвращения возможных экспертных ошибок.

В связи с применением многочисленными организациями с целью ведения бухгалтерского учета и отчетности новейших информационных технологий, в частности, специальных систем и баз данных, объектами данной экспертизы считаются сведения, находящиеся на магнитных носителях (жестких дисках).

Документ должен быть записан в магнитной ленте, сделан в согласовании с условиями и закодирован в соответствии с общегосударственным классификатором технико-финансовой информации. Он может быть использован без распечатки на бумаге, если соблюден установленный технологический режим записи. Помимо этого, информация может подтверждаться электронной цифровой подписью. Электронная подпись признается юридически равносильной svoеручной подписью лица в документе на бумажном носителе. Федеральный закон РФ «Об электронной цифровой подписи» определяет условия ее использования [6].

Важное значение имеют электронные документы, представленные эксперту для проведения исследования. В качестве таковых может быть бухгалтерская и статистическая отчетность. Подписи в этих документах представлены в электронном виде. Имеются случаи в судебно-следственной практике, когда данные подписи могут вызывать сомнение в их подлинности. При установлении автора подписи субъект расследования должен представить подлинные документы и образцы для сравнительного исследования. Обзор экспертной практики показывает, что иногда подлинные документы могут быть утеряны, либо уничтожены как умышленно, так и по неосторожности (пожара или наводнения). В этом случае на экспертизу могут быть представлены подписи в электронном виде, в дальнейшем для удобства исследования распечатанные на принтере. Анализ экспертной практики показывает, что в этом случае проводится почерковедческая экспертиза с целью установления автора подписи, выполненной не в оригинале, а распечатанной с электронного документа [7, с. 125].

Проведенный нами анализ материалов уголовных дел свидетельствует о том, что компьютерно-технические экспертизы были назначены в 91,7% случаев. Компьютерно-техническая экспертиза как род судебных экспертиз, при расследовании данной категории дел, имеет существенное значение, потребность в производстве таковой определена использованием компьютерных технологий в почти абсолютно всех сферах человеческой жизни.

Экспертному изучению подлежат документы и сведения, записанные на магнитной ленте, обладающие информацией для расследования по делам о мошенничестве и изъятые в ходе осмотра, обыска, выемки или по собственной воле предоставленные лицами в предусмотренном законом порядке. Объекты, представляемые на экспертизу, могут быть весьма разнообразными.

Задачами компьютерно-технической экспертизы является идентификация и диагностика представленного устройства, и кодов доступа к данной компьютерной информации. Идентификационными задачами эксперта состоят в определении обстоятельств тождества либо единой коллективной принадлежности представленных объектов [8].

При решении диагностических задач изучается не только функции и состояния объектов судебной экспертизы, но и система действия, механизм воздействия, оказывающие большое влияние на результаты использования компьютерного средства при совершении преступления.

По делам о мошенничестве в сфере компьютерной информации,

совершенных с применением средств компьютерной техники, иногда возникает необходимость назначить комплексную экспертизу с применением экспертов иных специальностей. Согласно делам изучаемой категории такими считаются судебная компьютерно-техническая и бухгалтерская экспертиза; судебная компьютерно-техническая и судебно-техническая экспертиза; судебная компьютерно-техническая и планово-экономическая экспертиза [9, с. 185].

Необходимо выделить, что устранение процессуального запрета на участие одного и того же субъекта в качестве специалиста и в дальнейшем эксперта по одному уголовному делу считается также одним из значимых этапов подготовки материалов.

Исследование следственной практики показывает, что специалисты, принимающие непосредственное участие в следственных действиях и понимающие то, что им необходимо будет осуществлять экспертизу по данному уголовному делу, будут значительно активнее осуществлять поисковые действия по обнаружению, регистрации и изъятию объектов, выражая интерес во всесторонней, глубокой и кропотливой работе. По сути дела, в этом случае специалист выполняет для себя предварительный этап экспертизы, осознавая, что он ответственен за ее результаты.

В диспозиции ч. 5 ст. 199 УПК РФ закреплена норма, которая дает возможность эксперту вернуть без выполнения постановление о назначении экспертизы, в случае если для выполнения этой экспертизы недостаточно представленных образцов, либо в том случае, если эксперт предполагает, то что он не имеет необходимых знаний для ее проведения. В ч. 3 ст. 57 УПК РФ отмечено, что эксперт имеет право воздержаться от дачи заключения, выходящего за пределы специальных знаний, а также в случаях, если предоставленные ему материалы недостаточны для дачи заключения.

Таким образом, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации ограничивает спектр ситуаций, в которых эксперт обладает возможностью не оформлять экспертное заключение, обязывая его обосновать свой отказ в письменной форме.

В ст. 16 ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» говорится, что эксперт должен сформировать обоснованное письменное сообщение об отсутствии возможности предоставить заключение и направить это сообщение в орган, назначивший судебную экспертизу, в случае если установленные вопросы выходят за рамки специальных знаний эксперта, объекты изучения и материалы дела не пригодны или недостаточны для осуществления исследований и дачи заключения и эксперту не дают согласия в их дополнении либо новейший уровень развития науки не разрешает ответить на выделенные нами вопросы [10].

Таким образом, согласно нашему суждению, отказ от производства экспертизы без формирования экспертного заключения по основанию непригодности объектов, предъявленных на экспертизу, будет противоречить нормам ст. ст. 57 и 199 УПК РФ. Нам представляется, что в случае определения непригодности объектов для исследования эксперт должен оформить письменное экспертное заключение, аргументировав вывод в заключении о

непригодности представленных объектов. Для этого целесообразно изъять из текста ст. 16 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» слово «непригодны» и привести редакцию данной статьи в соответствие с п. б ч. 3 ст. 57 УПК РФ и ч. 5 ст. 199 УПК РФ.

Помимо этого, изложенное на бумаге уведомление о плохом качестве объектов для исследования, лишает участвующих в судопроизводстве процессуальной возможности назначить повторную экспертизу. Неопределённость либо неуверенность в обоснованности экспертного заключения считаются причиной для назначения дополнительной или повторной экспертизы. В тех случаях, если не имеется первичное заключение, а имеется только лишь письменное сообщение о плохом качестве объектов, отсутствуют и процессуальные основания для назначения повторной экспертизы.

Анализ экспертной практики показывает, что заключение о непригодности объектов для исследования бывает иногда ошибочным. Он может быть обусловлен отсутствием научно-разработанных методик или современных технических средств исследования.

Эксперт с согласия дознавателя, следователя и суда имеет право принимать участие в процессуальных действиях и задавать вопросы, относящиеся к предмету судебной экспертизы. Это обстоятельство существенно расширяет возможности эффективного решения задач судебной экспертизы по рассматриваемой категории дел, так как эксперт в отличие от следователя способен критически оценить достоверность показаний и ответов на заданные вопросы.

Для разрешения идентификационных задач эксперту предъявляются образцы для сравнительного исследования. При этом по многоэпизодным уголовным делам о мошенничестве в сфере компьютерной информации, которое осуществлено преступной группой, в случае, если в процессе проведения допросов не получается решить вопрос о том, кто именно из преступников подписывал поддельные документы, имеет смысл изымать образцы почерка у всех подозреваемых, а также у их родственников. На практике наблюдаются случаи, когда материалы почерковедческой экспертизы указывали на совершение мошенничества определенным лицом.

Одной из специфических отличительных черт почерковедческой экспертизы по делам о мошенничестве в сфере компьютерной информации считается множественность её объектов.

В научной литературе имеется разнообразные взгляды по поводу количества экспериментальных оттисков печатей и штампов, требуемых для проведения судебно-технической экспертизы документов. Существуют рекомендации предоставлять от 5 до 12 экспертных образцов [9, с. 183; 11, с. 22].

Е.Р. Россинская полагает, то что для «идентификации печатей и штампов на экспертизу следует направлять 5-8 экспериментальных оттисков, которые должны различаться согласно силе и напряжению нажима, уровня

окрашивания, обязаны быть изготовлены на мягкой и жесткой подложках [9, с. 184].

Согласно нашему мнению, по особенно сложным или многообъектным экспертизам рационально по поручению руководителя государственного судебно-экспертного органа создавать экспертную группу из числа экспертных сотрудников высшей квалификации.

Подобным правом владеет и руководитель следственной группы или начальник следственного отдела, в производстве которых находится уголовное дело в силу ст.39 УПК РФ. Это требует особенной четкости в подготовке экспертизы, бдительного отбора образцов для сравнительного изучения, тщательной их систематизации, исключая вероятность ошибок.

Таким образом, применение следователем и судом специальных знаний эксперта при расследовании преступлений, связанных с мошенничеством в сфере компьютерной информации, при назначении соответствующих экспертиз, может повысить эффективность расследования, а в результате повысить раскрываемость преступлений данного вида.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 31.12.2017) ст. 159.6 // Собрание законодательства РФ 17.06.1996, №25, ст. 2954

2. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Россия> (дата обращения: 10.12.2017).

3. О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и иные законодательные акты Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 5 апреля 2012 г. № 6 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

4. Аверьянова Т.В. Энциклопедия судебных экспертиз. М., 2006. 480 с.

5. Толкаченко А.А. Правовая (судебная) бухгалтерия / под общей ред. И.А. Петухова. М., 2004. 216 с.

6. Об электронной подписи: федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ (ред. от 23.06.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 31.12.2017) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> - 30.12.2015.

7. Архив Тульской ЛСЭ МЮ РФ

8. Россинская Е.Р., Усов А.И. Судебная компьютерно-техническая экспертиза. М., 2001. 416 с.

9. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, административном, арбитражном и уголовном процессе. М., 2015. 736 с.

10. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ (ред. от 08.03.2015) // Российская газета, № 106, 05.06.2001.

11. Приказчиков В.П., Резван А.П., Косарев В.Н. Подготовка и назначение экспертиз. Волгоград, 1999.

*Звезда Ирина Игоревна, канд. юрид. наук, доц. кафедры, zvezdair@yandex.ru,
Россия, Тула, Тульский государственный университет*

**ON THE ISSUE OF THE APPOINTMENT OF A FORENSIC EXAMINATION IN THE
INVESTIGATION OF FRAUD IN THE FIELD OF COMPUTER INFORMATION**

I.I. Zvezda

The use of expert knowledge in the investigation of fraud in the field of computer information is one of the most important ways to increase the effectiveness of an investigation, expanding the content of evidence, increasing first of all the quality as well as the amount of factual data used in proving a criminal case. This article discusses the features of the appointment of forensic accounting, as well as computer-technical, handwriting examinations during the investigation of fraud in the field of computer information.

Key words: expert, special knowledge, fraud, computer information.

*Zvezda Irina Igorevna, Cand. legal Sciences, Assoc. Chairs, zvezdair@yandex.ru, Russia,
Tula, Tula State University*

УДК 343.1

**УВЕДОМЛЕНИЕ О ПОДОЗРЕНИИ В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ
И ВОПРОСЫ РАСШИРЕНИЯ СФЕРЫ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ**

Е.Е. Иванов

Оценивается опыт применения института уведомления о подозрении в совершении преступления, предусмотренного в ст. 223¹ УПК, в ходе расследования уголовного дела в форме дознания. Исходя из авторского понимания сущности такого уведомления, его соотношения с постановлением о привлечении в качестве обвиняемого, места в системе информирования участников уголовного судопроизводства и роли в обеспечении прав лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, делается вывод о необходимости расширения сферы применения данного уведомления. Оно важно и в ходе предварительного следствия, и при производстве неотложных следственных действий, и при производстве дознания по уголовному делу, возбужденному в отношении конкретного лица.

Ключевые слова: уведомление о подозрении в совершении преступления, уведомление, предварительное расследование в форме дознания, предварительное следствие, подозреваемый, обвиняемый.

Согласно ст. 223¹ Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК) дознаватель составляет письменное уведомление о подозрении в совершении преступления в ситуации, если в ходе дознания по

уголовному делу, возбужденному по факту совершения преступления, получены достаточные данные, дающие основание подозревать лицо в совершении преступления [1]. С учетом п. 4 ч. 1 ст. 46 УПК, уведомление о подозрении в совершении преступления – способ постановки лица в процессуальное положение подозреваемого.

Заметим, что указанный способ приобретения процессуального статуса подозреваемого характерен исключительно для дознания, в то время как п.п. 1-3 ч. 1 ст. 46 УПК применимы при обеих формах предварительного расследования – дознании и предварительном следствии. Однако, если при производстве предварительного следствия положение подозреваемого, определенное указанными пунктами ч. 1 ст. 46 УПК, весьма кратковременно и при продолжении уголовного преследования сменяется положением обвиняемого, то при производстве дознания, как минимум при приобретении статуса подозреваемого по п.п. 1 и 3 ч. 1 ст. 46 УПК, информацию о вменяемом ему преступлении лицо получит только из документов, не требующих четких формулировок подозрения.

Признание лица подозреваемым не является непосредственной целью решений, указанных в п.п. 1-3 ч. 1 ст. 46 УПК. Конечно, возбуждение в отношении лица уголовного дела, его задержание или применение меры пресечения свидетельствуют о начавшемся уголовном преследовании [2]. Мало того, уголовное преследование, судя по п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК, может начаться и до возбуждения уголовного дела, следовательно, лицо, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, не может быть лишено права пользоваться правами подозреваемого. Однако при таких решениях статус подозреваемого лица в совершении преступления произведен от основного решения. Это «косвенная постановка» лица в положение подозреваемого.

Однако быть подозреваемым и знать в чем подозреваешься – принципиально разные процессуальные положения. Полноценная реализация права на защиту даже в положении подозреваемого, но без ясного представления о деяниях, вменяемых в вину с подробным их описанием, очевидно, невозможна. На этом фоне уведомление о подозрении в совершении преступления выгодно отличается: оно не имеет каких-либо иных целей, кроме как придать лицу формальный статус путём непосредственного сообщения о подозрении с детальным описанием инкриминируемых деяний.

Согласно ч. 1 ст. 223¹ УПК основанием придания лицу статуса подозреваемого являются «достаточные данные». Однако вряд ли законодатель полагает, что в отличие от привлечения в качестве обвиняемого, где требуются достаточные доказательства, в положение подозреваемого лицо можно поставить на основании сведений, не являющихся доказательствами. Различие скорее в степени убежденности должностного лица, осуществляющего производство по уголовному делу. Полную убежденность в виновности «де-юре» дознаватель приобретает при составлении обвинительного акта, хотя «де-факто» может обладать ей и при уведомлении лица в совершении преступления.

Очевидно, что подозреваемые, ставшие таковыми на основании п. 4 ч. 1. ст. 46 УПК находятся в неравном, более выгодном положении по сравнению с теми, кто не может претендовать на вручение уведомления ввиду иного основания приобретения статуса подозреваемого. Речь, в частности о тех подозреваемых, которые приобретают такой статус в ходе предварительного следствия в случае возбуждения в отношении лица уголовного дела либо избрания меры пресечения в порядке, предусмотренном статьей 100 УПК, а также задержанных, которым длительное время после освобождения из ИВС не предъявляется обвинение. В таком же положении находятся подозреваемые, приобретшие процессуальный статус в результате возбуждения уголовного дела, по которому производство предварительного следствия не обязательно. Они вынуждены довольствоваться информацией о сущности и деталях подозрения, почерпнутой из малоинформативных с этой точки зрения процессуальных актов: постановление о возбуждении уголовного дела, протокол задержания. УПК, кстати, не дает ясного ответа и на вопрос, нужно ли вручать уведомление о подозрении в совершении преступления лицу, который был задержан в ходе дознания, если уголовное дело возбуждалось по факту. Процессуальный статус подозреваемого он приобрел, в связи с чем, вероятно, по смыслу закона вручение ему указанного уведомления излишне.

Вряд ли можно всерьез утверждать, что уведомленные о подозрении в совершении преступления в порядке, предусмотренном ст. 223¹ УПК, не имеют преимуществ перед подозреваемыми, которым вручать такое уведомление не требуется вне зависимости от формы предварительного расследования. Полагаем, назрела необходимость внести в УПК коррективы, предусматривающие обязанность следователя, дознавателя вручать лицу уведомление о подозрении в совершении преступления в любом случае, если после приобретения статуса подозреваемого, в течение 3 суток ему не предъявляется обвинение. Это позволит обеспечить всем подозреваемым равные процессуальные гарантии права на защиту [3, с. 126, 127].

При таком решении законодателя можно было бы согласиться и с Б.Я. Гавриловым, который пишет, что подозреваемый при дознании – это тот же обвиняемый [4, с.189]. Это верно, однако, при условии, что статус подозреваемого в ходе дознания приобретен только путем уведомления о совершении преступления. Тогда не будет ошибкой, если отказавшись от термина «обвиняемый» на всем протяжении расследования, осуществляемого в любой форме, именовать лицо «подозреваемым». А.П. Кругликов полагает [5, с. 106-107], что это больше соответствовало бы принципу презумпции невиновности и снизило бы «градус» обвинительного уклона.

В случае вручения уведомления лицу, в отношении которого возбуждено уголовное дело или которое задержано по подозрению в совершении преступления, а также в случае избрания в отношении лица меры пресечения в порядке ст. 100 УПК, ясно, что такое уведомление вручается уже подозреваемому и лишь создает условия для полноценной реализации им права на защиту.

Однако с какого момента лицо должно приобретать статус подозреваемого в случае, когда выносится уведомление о подозрении – процессуальный акт, ставящий лицо в положение подозреваемого? Согласно п. 4 ч. 1 ст. 46 УПК – с момента уведомления о подозрении в совершении преступления, в то время как обвиняемым лицо становится в момент вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого (п. 1 ч. 1 ст. 47 УПК), а предъявлением обвинения лишь ставится в известность о наличии у него такого статуса [6, с. 50].

Обоснована ли разница в подходе? Полагаем, нет. Действительно, при вынесении постановления о привлечении в качестве обвиняемого следователь должен быть убежден в виновности лица, исходя из имеющихся в его распоряжении на данный момент доказательств [7, с. 342-343]. Естественно, данный вывод не окончателен, представление о виновности подозреваемого, также может меняться. При этом при производстве дознания статус обвиняемого подозреваемый приобретет только после вынесения обвинительного акта, то есть по окончании расследования. Нет никаких сомнений, что подозреваемый при производстве дознания должен реализовывать тот же объем прав, что и обвиняемый в ходе предварительного следствия. Кроме того, скрывшееся от дознания лицо, не имеющее статуса подозреваемого, должно быть легитимно объявлено в розыск, будучи поставлено в положение подозреваемого. Согласно ст. 210 УПК, если место нахождения подозреваемого, обвиняемого неизвестно, то следователь поручает его розыск органам дознания, о чем указывается в постановлении о приостановлении предварительного следствия, или выносит отдельное постановление. Законодатель, очевидно, имеет в виду лицо, которому был придан в ходе расследования статус подозреваемого. При производстве предварительного следствия можно после вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого объявить в розыск обвиняемого. Однако при производстве дознания, если уголовное дело возбуждено по факту, для объявления лица в розыск возможность поставить его в положение подозреваемого фактически отсутствует, хотя уголовное преследование в отношении него, очевидно, осуществляется. Избрание меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении данного лица в его отсутствие возможно только в случае объявления его в международный розыск (ч. 5 ст. 108 УПК), избрание другой меры пресечения, не связанной с лишением свободы, будет очевидной формальностью, не соответствующей обстоятельствам, подлежащим учету при избрании меры пресечения.

В ходе предварительного следствия вопрос разрешим: обвиняемым лицо считается с момента вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого, соответственно в розыск объявляется обвиняемый, к которому в случае международного характера розыска может быть избрана и мера пресечения в виде заключения под стражу.

Вынесение уведомления о подозрении в совершении преступления – это внешнее выражение убеждения дознавателя о наличии достаточных данных, свидетельствующих о совершении преступления определенным лицом. Оно

считается состоявшимся не в момент доведения уведомления до лица, а в момент вынесения (подписания). В этой связи уведомление о подозрении в совершении преступления в ситуациях, когда лицо ранее не приобрело статус подозреваемого, выполняет роль не только способа доведения до лица информации, необходимой ему для реализации права на защиту. Оно – процессуальное решение, выраженное в виде процессуального документа, приобретающего юридическую силу в момент подписания должностным лицом. Исходя из этого, п. 4 ч. 1 ст. 46 УПК необходимо изложить в следующей редакции: «либо в отношении которого вынесено уведомление о подозрении в совершении преступления в порядке, установленном статьей 223¹ УПК». Соответственно и ч. 3 и 4 ст. 210 УПК после слова «обвиняемого» целесообразно дополнить словом «подозреваемого». Необходимо также вносить коррективы и в гл. 32 УПК в части вручения лицу уведомления о подозрении в совершении преступления и его допроса.

Сегодня следователь допрашивает обвиняемого немедленно после предъявления ему обвинения, которое в свою очередь должно по общему правилу произойти не позднее 3 суток с момента вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого (ч. 1 ст. 172 УПК). В тоже время в соответствии со ст. 223¹ УПК в течении 3 суток с момента вручения лицу уведомления о подозрении в совершении преступления дознаватель должен допросить подозреваемого. Срок вручения уведомления о подозрении в совершении преступления не урегулирован вовсе. С учетом краткости сроков дознания по сравнению со сроками предварительного следствия регламентация сроков вручения уведомления и допроса подозреваемого в гл. 32 не может быть полностью идентичной гл. 23 УПК. При производстве следствия незамедлительный после предъявления обвинения допрос обвиняемого объясняется тем, что о предъявлении обвинения лицо уведомляется заблаговременно, и с учетом информированности о подозрении может обдумать позицию защиты, хотя в полном объеме обвинение до ознакомления с постановлением о привлечении в качестве обвиняемого ему, конечно, не известно. При производстве дознания срок вручения уведомления после его вынесения должен быть, очевидно, меньше, что не всегда позволит заранее известить подозреваемого о предстоящем уведомлении. Следовательно, и допрашивать его сразу после такого вручения, значит, ограничивать право на защиту, не дав возможность обдумать позицию, и, фактически вынуждая, отказаться для этого от показаний.

Выходом мог бы быть следующий вариант: вынесенное уведомление вручается подозреваемому не позднее двух суток с момента вынесения, а допрос подозреваемого должен состояться не позднее 24 часов после вручения уведомления о подозрении в совершении преступления.

Учитывая одну и ту же правовую природу постановления о привлечении в качестве обвиняемого и уведомления о подозрении в совершении преступления, нельзя согласиться с положением п. 4 ч. 2 ст. 223¹ УПК, устанавливающим, что содержанием уведомления должно являться: «описание преступления с указанием места, времени его совершения, а также других

обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии с пунктами 1 и 4 части 1 статьи 73 настоящего Кодекса». По сути, речь идет о том, что дознаватель должен установить только объективную сторону состава преступления.

Действительно, в ходе дознания на практике дознаватель в виду краткости сроков дознания выясняет обстоятельства, характеризующие субъективную сторону деяния, во многом только в ходе допроса подозреваемого. Такая искусственная конструкция, призванная регламентировать процедуру дознания, неприемлема. В уведомлении о подозрении в совершении преступления обязательно следует указывать и обстоятельства, характеризующие субъективную сторону преступления, что в дальнейшем позволит подозреваемому в полной мере использовать свое право на защиту.

В литературе уже обращалось внимание, что необходимость уведомления о подозрении в совершении преступления в порядке, аналогичном предусмотренному в ст. 223¹ УПК, может возникнуть и при производстве предварительного следствия [8, с. 247]. Сегодня по уголовным делам, возбужденным по факту, по которым проводится предварительное следствие, лицо, не задерживавшееся по подозрению в совершении преступления, если в отношении него не избрана мера пресечения, фактически являясь подозреваемым, формально такого статуса не имеет. Проблема могла бы быть решена путем вручения такому лицу уведомления о подозрении в совершении преступления. Причем для предварительного следствия такое уведомление необходимо предусматривать в любом случае: откажется ли законодатель от института привлечения в качестве обвиняемого в ходе предварительного следствия, как это предлагают ряд авторов [9] или, напротив, усилит право на уведомление об инкриминируемом деянии подозреваемого наряду с последующим предъявлением обвинения.

Однако ясно одно: как при производстве дознания, так и при производстве следствия, причем вне зависимости от порядка приобретения одного и того же процессуального статуса (в нашем случае «подозреваемого»), лицо, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, должно быть в одинаковой степени информировано о подозрении, чтобы обеспечить равенство всех перед законом и возможность полноценно реализовывать свое право на защиту.

Следует решать этот вопрос и применительно к производству неотложных следственных действий. В соответствии с действующим УПК неотложные следственные действия, которые производятся органом дознания по уголовным делам, по которым производство предварительного следствия обязательно, в отличие от УПК РСФСР 1960 г., дознанием не считаются. Формально это исключает возможность уведомить лицо о подозрении в совершении преступления в ходе их выполнения, хотя бы уголовное дело и было возбуждено по факту, а лицо, подозреваемое в совершении преступления, установлено до передачи уголовного дела в следственный орган. Тем самым участник судопроизводства, в отношении которого осуществляется уголовное

преследование, может достаточно длительное время оставаться в неведении относительно подозрения, учитывая, к тому же, что уведомление о подозрении в совершении преступления в ходе предварительного следствия и вовсе не предусмотрено.

В этой связи необходимо ввести в действующий УПК норму, согласно которой в случае производства неотложных следственных действий органом дознания по уголовным делам, по которым предварительное следствие обязательно и по которым было установлено лицо, подозреваемое в совершении преступления до передачи дела в следственный орган, следует обязательно уведомлять данное лицо о подозрении в совершении преступления в том порядке, который предложен нами для производства дознания. При этом в случае, если до окончания срока выполнения неотложных следственных действий после вынесения органом дознания уведомления о подозрении в совершении преступления остается менее 3-х суток, допрос подозреваемого, которому органом дознания вручено уведомление о подозрении в совершении преступления, после передачи уголовного дела в следственный орган должен быть проведен следователем.

Полагаем, что отказ от института предъявления обвинения и замена его уведомлением о подозрении в совершении преступления, если такое решение и будет принято законодателем, не исключит необходимость своевременного уведомления об изменении объема подозрения. В настоящее время отсутствие широкомасштабного обжалования уведомлений о подозрении в совершении преступления [10, с. 87] объясняется лишь относительно краткими сроками дознания. Механизм корректировки уведомления о совершении преступления, тем не менее, в УПК должен быть предусмотрен.

Уведомление о подозрении в совершении преступления нельзя рассматривать только как способ придания лицу процессуального положения, важно и содержание уведомления [11]. Законодатель не напрасно требует в уведомлении детально описывать вменяемые лицу деяния: например, в случае совершения нескольких преступлений, предусмотренных разными пунктами, частями, статьями Уголовного кодекса Российской Федерации, должно быть указано, в совершении каких деяний данное лицо подозревается по каждой из этих норм уголовного закона (ч. 3 ст. 223¹ УПК). Слишком велик может быть разрыв между содержанием первичного документа, то есть уведомления о подозрении в совершении преступления и тем обвинением, которое будет отражено в обвинительном акте. Это тем более опасно, что допрос обвиняемого после вынесения обвинительного акта не предусмотрен.

С учетом выше приведенных аргументов необходимости распространения уведомления о совершении преступления на этап неотложных следственных действий, производство предварительного следствия, а также обеспечения равенства возможностей подозреваемых при реализации предоставленных им прав, можно было бы предложить следующее определение уведомления о подозрении в совершении преступления: уведомление о подозрении в совершении преступления – это процессуальный акт, являющийся процессуальным решением, выносимым должностными лицами (следователем,

дознавателем) в рамках предварительного расследования и направленный на придание лицу, в отношении которого собраны достаточные данные, дающие основание подозревать его в совершении преступления, статуса подозреваемого и доведение до его сведения полной информации о подозрении.

Список литературы

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 06.06.2007 № 90-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2007. № 24 ст. 2833.

2. По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И.Маслова: постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000г. № 11-П.

3. Гладышева О.В. Компетенция следователя по обеспечению законных интересов личности в досудебном производстве // Российский юридический журнал. 2012. № 6. С. 126-127.

4. Гаврилов Б.Я. мифы и реалии института предъявления обвинения: нужен ли он российскому досудебному производству? // Судья. 2018. № 4. С.189.

5. Кругликов А.П. Обвиняемый: нужен ли такой участник в уголовном процессе современной России? // Вестник Самарского государственного университета. 2014. № 11/2. С. 106-107.

6. Авдеев М.А. Обеспечение безопасности участников уголовного процесса при производстве предварительного расследования // Уголовное правосудие. 2007. № 12. С. 50.

7. Справочник следователя / Гаврилин Ю.В., Григорьев В.Н., Победкин А.В., Яшин В.Н. М.: Эксмо, 2008. 752 с.

8. Победкин А.В. Уголовно-процессуальное доказывание. М.: Юрлитинформ, 2009. 416 с.

9. Кругликов А.П. Обвиняемый: нужен ли такой участник в уголовном процессе современной России? // Вестник Самарского государственного университета. 2014. № 11/2. С. 106-107.

10. Гаврилов Б.Я. Институт предъявления обвинения: правовые реалии и мифы // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России: межвуз. сб. науч. трудов / под ред. проф. В.А. Лазаревой. Самара: Самарский университет, 2010. Вып. 5.

11. Кайгородова Ю.Е. Уведомление в российском уголовном процессе: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Омск, 2005.

Иванов Евгений Евгеньевич, адъюнкт кафедры, iee280382@mail.ru, Россия, Москва, Академия управления МВД России

NOTICE OF SUSPICION OF A CRIME AND QUESTIONS OF EXPANDING ITS SCOPE

E.E. Ivanov

The article deals with the theory and practice of notification of suspicion of committing a crime during the investigation of a criminal case in the form of an inquiry, provided for in Chapter 32 of article 223.1 of the criminal procedure code: the essence of such notification, its relationship with the decision to attract as an accused, the place in the system of informing the participants of criminal proceedings and the role in ensuring the rights of the person against whom criminal prosecution is carried out, not only during the inquiry, but also during the preliminary investigation, the production of urgent investigative actions. The article is based on the dialectical method, which allowed to correlate the notification of a crime with other procedural problems (bringing as an accused, realization of the rights of a person brought to criminal responsibility, etc.) in their development and social relations. The comparative-legal, formal-legal method was also widely used. Some conclusions are made using the historical and legal method.

Key words: notification of suspicion of a crime, notification, preliminary investigation in the form of inquiry, preliminary investigation, suspect, accused.

Ivanov Evgeny Evgenievich, Associate Department, iee280382@mail.ru, Russia, Moscow, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia

УДК 343.1

ВОПРОСЫ ДОПУСТИМОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ, ПОЛУЧЕННЫХ В СЛУЧАЯХ, НЕ ТЕРПЯЩИХ ОТЛАГАТЕЛЬСТВА (ПО МАТЕРИАЛАМ СУДЕБНО-СЛЕДСТВЕННОЙ ПРАКТИКИ)

Е.Ю. Казачек

В силу требований статьи 75 УПК РФ доказательства, полученные с нарушением закона, являются ничтожными и подлежат исключению из числа доказательств, представленных стороной обвинения. На основе обобщения судебно-следственной практики по вопросу проведения следственных действий в случаях, не терпящих отлагательства, автором статьи формулируются рекомендации практического характера, направленные на совершенствование следственной деятельности.

Ключевые слова: доказательства; предварительное расследование; судебно-следственная практика; случаи, не терпящие отлагательства; допрос; следственное действие; следователь; ночное время.

Главное назначение уголовного судопроизводства, нашедшее свое отражение в ст. 6 УПК РФ, защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений. При этом не менее важным является защита личности от незаконного и необоснованного обвинения,

осуждения, ограничения ее прав и свобод.

По общему правилу уголовного процесса, доказательства, полученные в ходе предварительного расследования, оцениваются судом с позиции их относимости, допустимости, достоверности. Проведенный анализ судебно-следственной практики свидетельствует о наличии проблемы в определении следователем обстоятельств, указывающих на возможность проведения следственных действий в случаях, не терпящих отлагательства. При неправильном определении таких обстоятельств доказательства не могут быть признаны допустимыми и в свою очередь положены в основу обвинения в виду их недопустимости.

Исследование практики вынесения судами реабилитирующих решений показывает, что одной из наиболее распространенных причин принятия таких решений является сформировавшаяся тенденция более критично подходить к оценке допустимости доказательств. При этом суд учитывает в первую очередь соблюдение гарантированных законом конституционных прав обвиняемых на защиту, а также соблюдение процессуальной формы при получении и закреплении доказательств.

Наглядным примером этого может служить следующий приговор одного из судов субъекта Дальневосточного федерального округа, постановленный на основании вердикта коллегии присяжных заседателей. Ф. оправдан в совершении преступлений, предусмотренных п. «а» ч. 3 ст. 131, п. «а» ч. 3 ст. 132 УК РФ за отсутствием событий преступлений, а в совершении преступления, предусмотренного п.п. «в», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ – за непричастностью. Суд по собственной инициативе признал недопустимыми доказательствами протоколы явки с повинной Ф., а также его допроса в качестве подозреваемого, в которых он признал совершение изнасилования, насильственных действий сексуального характера в отношении несовершеннолетней падчерицы К. и ее убийство. Суд счел, что указанные доказательства получены с нарушением права Ф. на защиту. Так, согласно мнению суда, местом совершения преступлений являлся поселок П., где проживал Ф. Последний, дважды допрашивался в качестве свидетеля об обстоятельствах исчезновения и последующих поисков потерпевшей. При возникновении в отношении Ф. косвенных подозрений он был перевезен сотрудниками правоохранительных органов в город У., где в помещении отдела полиции был составлен протокол явки с повинной. Принимая решение о недопустимости протокола явки с повинной, суд указал, что исследованными доказательствами не подтвержден ее добровольный характер, не представлено убедительных доводов, какие имелись основания перемещать Ф. на значительное расстояние от места совершения преступления для написания им явки с повинной, если, как следует из пояснений сотрудников правоохранительных органов, Ф. стал им рассказывать о совершённом преступлении сразу же после отъезда из поселка П. Кроме того, мотивируя решение о признании недопустимым доказательством протокола допроса Ф. в качестве подозреваемого, суд пришел к выводу, что предусмотренных законом оснований (случая не терпящего отлагательства) для проведения его допроса в

ночное время суток (с 00 часов 20 минут до 3 часов 30 минут) у следователя не имелось в силу следующих причин: все вещественные доказательства по делу обнаружены и изъяты до задержания и допроса Ф. (проведены все осмотры, отобраны образцы для сравнительного исследования, назначены и проведены все необходимые экспертизы). Какие-либо новые доказательства в результате допроса Ф., помимо его показаний, не получены. При условии недобровольного характера перемещения Ф. из поселка П. в город У., где им сделано заявление о явке с повинной, у следствия имелась возможность допросить Ф. до наступления ночного времени, либо на следующий день. Суд указал, что «следователь в протоколе допроса, либо в отдельном постановлении не привел оснований для проведения допроса Ф. в ночное время». Доводы государственного обвинителя и показания следователя о том, что это был случай, не терпящий отлагательства, так как Ф. был задержан по подозрению в совершении особо тяжкого преступления, суд отверг. Оправдательный приговор в отношении Ф. вступил в законную силу.

Следующий пример судебной практики. Несмотря на то, что на основании вердикта коллегии присяжных заседателей, суд признал виновным в совершении преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 4 ст. 131, п. «б» ч. 4 ст. 132, п.п. «в, к» ч. 2 ст. 105 УК РФ гражданина У. и приговорил его по совокупности преступлений к пожизненному лишению свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии особого режима, аналогичным образом свидетельствовал о наличии проблемы в оценке следователями обстоятельств в случаях не терпящих отлагательства при производстве следственных действий. В обвинительном приговоре по данному уголовному делу, судом дана оценка ряду доказательств, признанных недопустимыми в связи с существенными нарушениями уголовно-процессуального закона при их получении, которые поставили под сомнение причастность подсудимого к совершению особо тяжких преступлений. При этом был констатирован факт нарушения следственными органами требований ст.ст. 17, 33 Федерального закона от 15.07.1995 № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», а именно: права У. на восьмичасовой сон в ночное время и на отдельное содержание от иных обвиняемых, в результате чего признаны недопустимыми доказательствами признательные показания У., изложенные в протоколах его допросов в качестве подозреваемого, обвиняемого, при проверке показаний на месте, а также протокол явки с повинной. Принимая такое решение, суд исходил из того, что У. фактически был задержан в ночь и доставлен в ОМВД по П. району. В тот же день, в период с 04 часов 10 минут до 04 часов 43 минут у него произведена выемка ключа от квартиры. В 08 часов 40 минут выполнены требования ст. 91 УПК РФ, о чем в 11 часов 10 минут составлен протокол. В 11 часов 19 минут У. освидетельствован судебно-медицинским экспертом и далее помещен в камеру № 7 ИВС ОМВД по П. району, в которой также находился другой задержанный Ф. В период с 17 часов 41 минуты до 17 часов 55 минут У. был допрошен в качестве подозреваемого, при этом заявлял о незаконных методах ведения следствия, вызвавшихся в том, что сокамерник его избивает и не дает ему

спать. Позже У. был перемещен в камеру № 6 ИВС ОМВД по П. району, где также содержались задержанные Л., П., К., об избииении со стороны которых У. заявил по прибытии в ФКУ СИЗО-1 ГУФСИН России по П. краю. За день до прибытия в ФКУ СИЗО-1 ГУФСИН России по П. краю У. дана явка с повинной, а в период с 02 часов 10 минут до 04 часов 00 минут он при допросе в качестве подозреваемого сообщил об обстоятельствах совершения преступлений. Основываясь на этом, суд не усмотрел оснований для признания этих следственных действий неотложными и констатировал факт лишения У. права на сон в ночь. С учетом приведенных выше обстоятельств, судом также признаны недопустимыми доказательствами протокол проверки показаний на месте с участием У. и его допроса в качестве обвиняемого, полученные уже в дневное время в связи с отсутствием ночного отдыха.

Другим примером может служить правовая позиция, отраженная в апелляционном определении Верховного Суда РФ от 11.11.2013 № 18-АПУ-46. Как следует из материалов дела, А. задержан 13 августа 2012 года в 2 часа 20 минут. Через 40 минут в 3 часа начат его допрос в качестве подозреваемого в соответствии с положениями ч. 2 ст. 46 УПК РФ, согласно которым подозреваемый, задержанный в порядке, установленном статьей 91 УПК РФ, должен быть допрошен не позднее 24 часов с момента его фактического задержания. В случаях, не терпящих отлагательства, допускается производство следственных действий в ночное время (ч. 3 ст. 164 УПК РФ). Принимая во внимание явку с повинной А., принятую у него 12 августа 2012 года с 23 часов 30 минут до 1 часа 13 августа, в которой он сообщил о совершении убийства В. после чего был задержан в качестве подозреваемого, допрос его сразу после задержания вызывался необходимостью выяснения обстоятельств убийства, о которых сообщил задержанный, а потому доводы жалобы о незаконности допроса А. в качестве подозреваемого в ночное время нельзя признать обоснованными.

Приведенные в статье автором примеры свидетельствуют о назревшей необходимости изменения комплексного подхода в следственной практике в понимании правового понятия «за исключением случаев, не терпящих отлагательства». В связи с чем, предлагается внести коррективы в существующую практику порядка проведения следственных действий в ночное время и учесть следующее: в силу ч. 3 ст. 164 УПК РФ производство следственного действия в ночное время не допускается, за исключением случаев, не терпящих отлагательства. В соответствии с п. 21 ст. 5 УПК РФ ночное время – промежуток времени с 22 до 6 часов по местному времени. Такая формулировка статьи, на наш взгляд, является конкретной, точной и соответствует другим требованиям закона.

Невозможность отложить производство следственного действия до наступления дневного времени определяется следователем по своему усмотрению в каждом случае индивидуально, в зависимости от конкретных обстоятельств уголовного дела. В частности, не терпящими отлагательства случаями следует считать ситуации, если необходимо срочно пресечь или предотвратить совершение преступления, когда промедление с производством

следственного действия может привести к безвозвратной утрате доказательств, помешать отысканию предметов преступного посягательства, а также может позволить заинтересованным лицам скрыть следы преступления, уничтожить либо фальсифицировать доказательства по уголовному делу или позволить подозреваемому и его соучастникам скрыться и т.п. Данный перечень случаев, не терпящих отлагательства, является традиционным и находит наибольшее распространение в юридической литературе [1].

Также, с учетом мнения, выраженного в Кассационном определении Верховного Суда РФ от 18.06.2013 № 73-О13-8СП, наличие случая, не терпящего отлагательства, следует мотивировать в обязательных для следователя указаниях руководителя следственного органа о производстве неотложных следственных действий. При необходимости, в случае оспаривания допустимости доказательств в дальнейшем, такие указания могут быть предоставлены суду.

К исключительным случаям, на наш взгляд, может быть отнесена и сложившаяся следственная ситуация, когда следственное действие, начатое в дневное время суток, из-за его продолжительности невозможно закончить до 22 часов. В таком случае при наступлении 22 часов требуется приостановить производство следственного действия, разъяснить (при необходимости повторно) его участникам требования уголовно-процессуального закона, после чего продолжить (при согласии участников) либо отложить его окончание до наступления дневного времени, что в установленном порядке отразить в протоколе следственного действия.

В любом случае для предупреждения (и последующего разрешения) сомнений в обоснованности проведения того или иного следственного действия в ночное время, целесообразным и рациональным является разъяснение причины этого всем лицам, в нем участвующим и привлекаемым к его производству, и отражение такого разъяснения в протоколе следственного действия.

Проведенное исследование позволяет обоснованно предложить следующие рекомендации практического характера, которые могут быть использованы следователем при возникновении обстоятельств, не терпящих отлагательства: до начала производства следственных действий в ночное время следователь должен получить мотивированное ходатайство участника уголовного судопроизводства (подозреваемого, обвиняемого, др.) о его проведении в ночное время, которое рассмотреть и разрешить в порядке ст. ст. 121-122 УПК РФ [2]. При этом в постановлении об удовлетворении заявленного ходатайства в обязательном порядке следует указать какие именно обстоятельства расследования конкретного уголовного дела не терпят отлагательства. В случае отсутствия такого ходатайства, следователь должен предварительно истребовать от лица заявление о согласии на участие в проведении соответствующего следственного действия в ночное время (составленное собственноручно) с указанием на то, какие именно обстоятельства, не терпящие отлагательства, будут установлены (проверены) в ходе его производства. Также в данном заявлении необходимо отразить, что

состояние здоровья лица позволяет ему принять участие в производстве следственного действия, в отдыхе он не нуждается, спать не желает. Данное заявление также должно быть подписано защитником (при его наличии).

Но и в этом случае для снижения вероятности возникновения следственных ошибок перечень следственных действий, проведение которых возможно при возникновении обстоятельств, не терпящих отлагательства, следует установить законом. Конечно, этот перечень не будет исчерпывающим, вместе с тем он позволит следователю использовать предложенные варианты исключительных обстоятельств, не терпящих отлагательства, в зависимости от сложившейся обстановки, что в свою очередь снизит вероятность неправильного определения следователем этих обстоятельств, исключит злоупотребление правом и как следствие обеспечит защиту личности от ограничения прав и свобод.

Список литературы

1. Цоколов И.А. Проблемы уголовного преследования лиц, совершивших коррупционные преступления // Российский следователь. 2011. № 5. С. 20-24.

2. Ким Е.П., Киселёв Е.А. Порядок действий следователя при рассмотрении сообщений о преступлении, предусмотренном ст. 145.1 УК РФ (невыплата заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат) // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. Вып. 3 . Ч. II. С. 53-57.

Казачек Елена Юрьевна, ст. преподаватель кафедры, полковник юстиции, dobrychkaa@mail.ru, Россия, Хабаровск, Московская академия Следственного комитета Российской Федерации

ISSUES OF ADMISSIBILITY OF EVIDENCE OBTAINED IN CASES THAT DO NOT DELAY (ACCORDING TO THE MATERIALS OF JUDICIAL-INVESTIGATIVE PRACTICE)

E.Y. Kazachek

By virtue of the requirements of Article 75 of the Code of Criminal Procedure, evidence obtained in violation of federal law is void and subject to exclusion from the evidence submitted by the prosecution or the investigating authorities. Based on the generalization of the judicial-investigative practice, the author of the article formulates practical recommendations aimed at improving the investigative activity.

Key words: evidence; preliminary investigation; forensic investigations; cases that do not wait; interrogation; investigative action; investigator; night time.

Kazachek Elena Yuryevna, Art. Lecturer, Colonel of Justice, dobrychkaa@mail.ru, Russia, Khabarovsk, Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation

ПРИМЕНЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ИЗБИРАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ

М.В. Морозова, Е.Д. Малахвей

Рассматриваются вопросы применения информационных технологий в избирательном процессе и их влияние на электоральную активность. Проанализированы основные способы осуществления избирательного процесса с помощью информационных технологий, в том числе блокчейн-сети. Изучен мировой опыт использования информационных технологий при проведении выборов различного уровня. По результатам исследования сделаны предложения по совершенствованию законодательства.

Ключевые слова: избирательный процесс, выборы, блокчейн, информационные технологии, интернет, цифровая подпись, электоральная активность.

Информатизация общества играет значительную роль в формировании политической активности населения страны. Несомненно, именно она явилась одним из факторов повышения электоральной активности и прозрачности избирательного процесса в целом, о чем свидетельствует использование информационных технологий в избирательном процессе в таких странах как США, Великобритания, Канада, Эстония, Швейцария, Австралия и т.д. Но нельзя говорить об исключительно положительном эффекте информационных технологий, так как посредством их использования было совершено значительное количество попыток срыва избирательного процесса и попыток оказания воздействия на избирателей.

Тем не менее, реалии развития гражданского общества таковы, что информатизация является его неотъемлемой частью, в связи с этим государство уделяет огромное внимание внедрению электронных технологий, в том числе в избирательный процесс. Так, на многих избирательных участках на выборах Президента Российской Федерации 2018 г. голосование проходило с использованием КОИБов (комплексов обработки избирательных бюллетеней), инструкция по работе с которыми была принята ЦИК России еще в 2011 году. Несмотря на то, что подобные электронные технологии существуют достаточно давно, в течение долгого времени они проходили проверку и лишь в 2018 году были использованы в масштабном количестве. Использование электронных технологий непосредственно на избирательных участках является одним из способов информатизации выборов, тем не менее, при подобной форме голосования, бумажный бюллетень все равно используется.

Еще одним из ключевых новшеств выборов Президента 2018 года стала отмена открепительных удостоверений и возможность выбора избирательного участка по месту нахождения посредством использования портала «Госуслуги». По данным Министерства связи и массовых коммуникаций Российской Федерации, на Портале зарегистрирован каждый второй пользователь рунета [1], при этом ежемесячный прирост пользователей составляет от 800 тыс. до 2

млн. человек, что свидетельствует о важности работы с избирателями в сети, а также возможности осуществлять свою волю в он-лайн пространстве.

По нашему мнению, следующим шагом развития избирательного процесса может стать осуществление гражданами активного избирательного права посредством использования портала «Госуслуги» или ГАС «Выборы». Аутентификация через установление личности позволяет говорить о безопасности и эффективности проведения голосования через портал. Кроме того, подобные нововведения, значительно повысят явку молодых избирателей, так как для них присутствие в сети и ее использование в целях своего волеизъявления наиболее привычная форма участия в социальной и политической жизни государства.

Также не стоит забывать про возможности специальных технологий, которые на настоящий момент не используются так активно, как могли бы. Например, электронная цифровая подпись (ЭЦП) позволила бы осуществлять голосование непосредственно через сеть «Интернет». Подобные инициативы уже обсуждались в Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, тем не менее, внедрение ЭЦП требует значительных финансовых затрат и проведения ряда мероприятий по реорганизации процесса. Но, несмотря на всю сложность и трудоемкость работы, которую необходимо проделать для внедрения электронного голосования, она принесет положительные результаты и значительно расширит возможности граждан в части избирательного процесса и непосредственного участия в выборах любого уровня. Даже в Концепции развития безопасности информации в Государственной автоматизированной системе Российской Федерации «Выборы» отмечено, что дальнейшее развитие подсистемы безопасности информации ГАС «Выборы» в первую очередь основывается на необходимости внедрения средств криптографической защиты информации, обеспечивающих использование ЭЦП. Электронная цифровая подпись позволяет осуществить аутентификацию источника данных и обеспечить их целостность, а при взаимодействии людей – обеспечивает ещё и невозможность отрицания от авторства. Причём это единственная технология, которая решает сразу указанные три проблемы [2, с. 53].

В Российской Федерации использование электронной цифровой подписи регулируется Федеральным законом от 06.04.2011 № 63-ФЗ (ред. от 23.06.2016) «Об электронной подписи», в соответствии с которым применяется два вида ЭЦП: квалифицированная и неквалифицированная. Их основное отличие состоит в наличии ключа проверки. Соответственно в случае с использованием ЭЦП при осуществлении волеизъявления на выборах целесообразно использовать квалифицированную подпись, так как это позволит в наибольшей степени обезопасить персональные данные и сделать избирательный процесс легальным и легитимным.

Так, например, в США, Великобритании, Канаде, Эстонии, Швейцарии, Австралии и т.д. практикуется несколько видов электронного голосования: голосование с помощью социальной карты, голосование с помощью мобильного телефона (Великобритания), голосование с использованием дисков

для электронного голосования (Канада, США, Эстония), электронное голосование с использованием ID-карт (Швейцария).

Опыт зарубежных государств позволил выявить ряд очевидных достоинств электронного голосования [3]. К таким несомненным достоинствам можно отнести: возможность принимать участие в голосовании вне зависимости от места нахождения; минимизацию затрат на проведение выборов; сокращение времени проведения выборов; упрощение подсчета голосов; увеличение числа избирателей. По нашему мнению, подобные современные способы голосования могут быть апробированы в Российской Федерации на муниципальном уровне и в последствии на федеральном. Он-лайн проведение голосований по вопросам государственной власти, государственной социальной политики, экономического развития, позволят максимально расширить участие граждан в развитии государства, а власть, в свою очередь, сможет наиболее эффективно исполнять свои функции.

Еще одна современная технология, которая может быть использована для проведения электронного голосования – блокчейн. Не вдаваясь в технические подробности системы блокчейн, стоит отметить, что данная технология представляет собой реплицированную распределенную базу данных, которая хранится в измененном виде благодаря хэш-функции, что позволяет говорить о безопасности персональных данных. Так, в одном из интервью глава Сбербанка Герман Греф обозначил, что после начала промышленного применения блокчейна в бизнесе и управлении государством через 5–10 лет в экономике произойдет «гигантский сдвиг» [4].

Одним из неоспоримых достоинств технологии блокчейн является прозрачность операций, совершаемых с ее помощью, а также анонимность. Таким образом, любой из пользователей может ознакомиться с историей совершенных посредством технологии транзакций, но не может идентифицировать получателя и отправителя.

Все участники системы блокчейн получают доступ к информации при помощи специальных уникальных ключей, представляющих из себя индивидуальный набор криптографических записей, которые не может получить постороннее лицо. Данные ключи можно получить только с помощью доступа к большинству компьютеров, подключённых к сети, таким образом, взлом данной системы практически невозможен, а конфиденциальность переданных данных неприступна [5, с. 4].

Технология блокчейн может применяться практически во всех сферах жизнедеятельности, благодаря чему она является универсальной. Так, например, компания IBM в США призывает государственные структуры страны к применению «облачных» технологий, в частности и технологии блокчейн, во властно-управленческой деятельности, что поможет сэкономить как время, так и бюджетные денежные средства [6].

Стоит отметить интерес к технологии блокчейн и у непосредственных представителей органов государственной власти Российской Федерации. Еще в 2016 году было проведено совещание, на котором рассматривались проекты, в частности по использованию технологии блокчейн в качестве платформы для

проведения электронных голосований, а также в государственном управлении непосредственно [7].

Уникальность голосования с применением технологии блокчейн состоит в том, что на настоящий момент в мировой практике нет данных о взломе системы блокчейн, кроме того, благодаря особенностям указанной технологии, а именно прозрачности голосования и невозможности подделки «электронного голоса избирателя», представляется возможным свести на нет вопрос о возможности вмешательства в избирательный процесс. Что касается самой технологии голосования, для его осуществления с использованием блокчейна каждый дееспособный гражданин РФ, обладающий активным избирательным правом, может быть наделен собственным ключом доступа, что позволит соблюсти основной принцип выборного процесса, закрепленный в ч. 1 ст. 81 Конституции Российской Федерации, тайну голосования [8]. Каждому избирателю, осуществляющему волеизъявление путем использования технологии блокчейн, будет предоставляться один виртуальный голос, который будет отправляться в электронный пункт приема, таким образом при применении данной технологии любой человек (в том числе представители избирательных комиссий, наблюдатели на выборах и т. д.) сможет подсчитать поданные голоса и убедиться в честности проведения выборов. Кроме того, применение технологии блокчейн может способствовать повышению электоральной активности молодежи. Учитывая, что молодёжь является активным пользователем сети Интернет, эффективным способом борьбы с электоральным абсентеизмом могло бы стать электронное голосование [9, с. 12].

Технологическая возможность голосовать он-лайн значительно расширит возможности избирателей, при этом обезопасив их от нарушения защиты персональных данных. На сегодняшний день существует лишь небольшое количество стран, на законодательном уровне разрешивших проводить выборы с помощью сети «Интернет», и Россия пока не входит в их число. При этом самой большой проблемой интернет-голосований является сохранение предоставляемых пользователем данных. Стоит отметить, что в сети «Интернет» есть огромное количество способов защиты данных, которые используются для совершения электронных банковских операций и в процессе предоставления государственных услуг, то есть существуют апробированные технологии, позволяющие сделать данные максимально защищенными от воздействия преступников или иных лиц.

Кроме того, в марте 2018 года в одном из государств Западной Африки прошли первые выборы президента с задействованием технологии блокчейн. Несмотря на то, что она применялась только для верификации бумажных бюллетеней, можно говорить о возможности ее использования непосредственно для осуществления волеизъявления.

Несмотря на все положительные стороны применения электронных технологий в избирательном процессе, электронное голосование вызывает значительное количество трудностей и на настоящий момент не может быть

применимо повсеместно. Рассмотрим основные спорные моменты применения электронных технологий и блокчейна при осуществлении голосования:

- обязательное наличие защищенного канала выхода в сеть «Интернет» и бесперебойного источника электропитания;
- отсутствие нормативно-правового регулирования использования электронных технологий в избирательном процессе;
- отсутствие специалистов в области осуществления контроля за проведением электронного голосования;
- высокая стоимость внедрения блокчейн-сети в регионах и технической модернизации избирательных комиссий;
- сложность в понимании технологии блокчейн, что одновременно может являться плюсом и минусом ее внедрения в выборный процесс, так как электронные технологии могут привлечь молодых избирателей, но оттолкнуть возрастную категорию;
- устоявшаяся структура избирательного процесса, основанная на формальности голосования.

Таким образом, использование электронных технических средств в избирательном процессе не далекое будущее, а почти наступившая реальность. Информатизация гражданского общества, вовлечение в процесс выборов молодых граждан Российской Федерации требуют от государства своевременных и современных мер развития организации и проведения избирательных кампаний на территории государства. Учет зарубежного опыта в информатизации выборного процесса, применение последних технологий и разработок в сфере IT-технологий, позволят сделать весь избирательный процесс максимально прозрачным, а деятельность органов государственной власти наиболее эффективной. Кроме того, подобные нововведения повысят доверие граждан к власти, и вовлекут в процесс развития гражданского общества и государства молодежь.

Если рассматривать современные технологии, которые можно использовать при осуществлении электронного голосования, наиболее эффективными из них стоит признать электронную цифровую подпись и использование технологии блокчейн. В совокупности данные средства позволят не только персонализировать процесс голосования и сделать его доступным для любого гражданина России в любой точке мира, но и максимально обезопасить данные, передаваемые в избирательные комиссии. Кроме того, технология блокчейн позволит сделать подсчет голосов еще более точным, так как алгоритм входа и выхода данных посредством хэш-функции защитит их от любых изменений и предотвратит малейшие нарушения избирательного процесса.

Тем не менее, чтобы ввести в избирательную практику технологию блокчейн, необходимо проводить значительную просветительскую работу по информированию граждан, а также обеспечить их регистрацию в сети и настройку всей системы приема и обработки виртуальных голосов. Кроме того, введение новых технологий в избирательный процесс требует внесения значительных изменений в законодательство Российской Федерации. Так,

представляется возможным статью 74 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ (ред. от 03.07.2018) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» «Использование ГАС «Выборы» при проведении выборов, референдума» заменить на «Использование информационных технологий при проведении выборов, референдума». Исходя из этого, возникает необходимость внесения поправок в статью 74, так формулировка «используется только ГАС «Выборы»» не может использоваться при наличии и использовании иных информационных технологий в избирательном процессе, следовательно в новой редакции статья должна разрешать использование электронных технологий, рассмотренных в данной статье.

В ноябре 2017 года Правительством Российской Федерации был создан Проект Постановления «О проведении на территории г. Москвы эксперимента по использованию технологии «Блокчейн» в целях мониторинга достоверности сведений Единого государственного реестра недвижимости». К сожалению, до настоящего времени он так и не был апробирован, тем не менее, создание такого проекта свидетельствует об интересе органов государственной власти к технологии блокчейн. В целях ее оптимизации для избирательного процесса, представляется возможным создать подобный проект на региональном уровне и проанализировать его результаты для решения вопроса о готовности общества к внедрению новых технологий в процесс выборов.

Список литературы

1. Козырев А.О. На Едином портале госуслуг зарегистрирован каждый второй пользователь Рунета // Официальный интернет-ресурс Минкомсвязи России, 2018. URL: <http://minsvyaz.ru/ru/events/36373/> (дата обращения: 08.08.2018).
2. Черемушкин А.В. О содержании понятия «электронная подпись» // Прикладная дискретная математика. 2012. № 3 (17). С. 53-69.
3. Митяева Ю.В. Опыт проведения интернет-голосования на выборах и референдумах в России и за рубежом // Выборы: теория и практика. 2013. №2 (26). С. 13-18.
4. Трунина А., Ракитина Е. Греф анонсировал «гигантский сдвиг» в экономике благодаря блокчейну // ЗАО «РБК», 1995–2018. URL: <https://www.rbc.ru/economics/16/09/2017/59bd06059a794701eab2f629> (дата обращения: 06.08.2018).
5. Алексеев Р.А. Блокчейн как избирательная технология нового поколения — перспективы применения на выборах в современной России // Вестник Московского государственного областного университета. 2018. №2.
6. Федорченко С.Н., Федорченко Л.В. Власть и облачные технологии в России и США // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2016. № 2.
7. Институт Развития Интернета создаст рабочую группу для изучения перспектив развития блокчейна в России // «Институт развития интернета»

(ИРИ), 2015 - 2018. URL: <http://ири.рф/news/13832/> (дата обращения: 17.08.2018).

8. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 04.08.2014. № 31. Ст. 4398.

9. Алексеев Р.А., Абрамов А.В. Электоральный абсентеизм в России и способы его преодоления (на материалах президентских выборов 2000-2012 гг.) // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2016. № 4.

Морозова Мария Валерьевна, канд. юрид. наук, доц. кафедры, morozovamv2016@mail.ru, Россия, Тула, Тульский государственный университет

Малахвей Елизавета Дмитриевна, магистрант, emalakhvey@mail.ru, Россия, Тула, тульский государственный университет

THE USE OF INFORMATION TECHNOLOGY IN THE ELECTORAL PROCESS AS A TOOL TO INCREASE ELECTORAL ACTIVITY

M.V. Morozova, E.D. Malakhvey

In article discusses questions of use of information technologies in electoral process and their influence on electoral activity are considered. The main ways of implementation of electoral process by means of information technologies, including a blockchain network are analysed. The world experience of using information technologies in conducting elections at various levels has been studied. According to the results of the study, suggestions were made to improve legislation.

Key words: electoral process, elections, blockchain, information technologies, Internet, digital signature, electoral activity.

Morozova Mariya Valer'evna, Cand. jurid. Sciences, Assoc. Department, morozovamv2016@mail.ru, Russia, Tula, Tula State University,

Malakhvey Elizaveta Dmitrievna, graduate student, emalakhvey@mail.ru, Russia, Tula, Tula State University

**ИРРЕГУЛЯРНЫЕ ВОИНСКИЕ ФОРМИРОВАНИЯ НА СЛУЖБЕ
В ПОДРАЗДЕЛЕНИЯХ ВНУТРЕННЕЙ СТРАЖИ РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ
(НА ПРИМЕРЕ ИНСТИТУТА КАЗАЧЕСТВА)**

П.А. Пономарев

Рассматривается место и роль восточносибирских казачьих частей, находившихся на службе России, отмечен их вклад в освоение Восточной Сибири и охрану границ Российской империи. Проводится анализ юридического закрепления обязанностей казаков, их основных функций, в том числе полицейских. Изучены некоторые особенности деятельности казачьих объединений на службе в подразделениях внутренней стражи Российской империи в Восточной Сибири. Уделено внимание проблемным моментам, касающимся вопросов комплектования личного состава полиции и внутренней стражи Российской империи.

Ключевые слова: иррегулярные войска, казачество, охрана государственных границ, внутренняя стража, полицейские функции, штатная недостаточность, особенные обязанности, инородцы.

Рассматривая столь интересный институт как «иррегулярные войска», необходимо уточнить его значение. Этимология слова «иррегулярный» раскрывает смысл этого слова, как «нерегулярный», то есть, говоря об иррегулярных войсках, можно иметь ввиду особый вид войск, не относящихся к регулярным. Между тем, в энциклопедическом словаре отмечено, что иррегулярные войска не имеют правильного военного устройства и не проходят курса правильного военного обучения и воспитания [1, с. 346]. Ещё одним отличительным признаком этих войск являлось то, что они в отличие от действующей армии сами себя обмундировывали, снаряжали, вооружали и обеспечивали лошадьми.

Изначально иррегулярные войска в Российской империи были представлены казаками и инородческими частями, позже к ним добавились и другие виды, такие как: государственное ополчение, милиция, выставяемая населением некоторых племён на Кавказе и в Закаспийской области. На протяжении своего существования иррегулярные формирования всегда считались высококомандными, но слабо вооружёнными и недостаточно обученными для действий в строю. Они придавались частям и соединениям регулярной русской армии для выполнения специфических мероприятий (разведки и наблюдения), дозоров, засад, набегов и рейдов по тылам, а также в целях преследования разбитого противника.

В составе иррегулярных войск Российской империи особое место занимало казачество, сыгравшее значительную роль в служении Отечеству и охране его границ. История возникновения казачества и казачьих поселений уходит своими корнями в период становления Российского централизованного государства. Как отмечает в своём труде историк Ф.А. Каминский: «По

сведениям русских летописей уже на рубеже XIV-XV вв. довольно часто начинает употребляться слово «казак» для обозначения государственных служилых людей, которых направляли в караулы и сторожевые разъезды для предупреждения возможных набегов из беспокойной степи» [2, с. 144]. Как о происхождении термина «казак», так и о появлении казачества в целом как явления существуют разные версии среди учёных. Так, например, российский писатель, публицист В.Е. Шамбаров [3] и российский учёный, писатель и историк Л.Н. Гумилёв [4] в своих трудах называли казаков – «обрусевшими восточными народами». Иной точки зрения придерживался русский историк С.М. Соловьёв [5], считавший их славянами, заселившими в XV в. пустующие земли Дикого поля. Исследователями подробно изучены вопросы истории развития казаков, расширения территорий их проживания; рассмотрены разные стороны их быта, служения Отечеству и наоборот – сопротивления центральной власти. С конца XVI в. казачество стало неотъемлемой частью политической и общественной жизни России, но стоит заметить, что с учётом определённых насущных факторов между казачеством и властью не всегда была идиллия, что подтверждается разными историческими фактами: бунтами и организованными выступлениями при несогласии с центром. Однако общеизвестно, что эти вольнолюбивые люди являлись «...долгие годы основой лёгкой кавалерии российской армии» [2, с. 147]. Высоко ценившие свободу и независимость, они сыграли немаловажное значение в расширении и охране границ государства и обеспечении государственной безопасности.

Примером исторической роли казачества в расширении территории России может служить завоевание и последующее освоение Сибири русскими, где казачья войска поступательно и верно занимали новые территории. При этом не только силой оружия приводили они под власть русского царя народы, населявшие гигантские пространства, а старались разрешать конфликтные ситуации мирным путём. На протяжении нескольких веков функции главных защитников Приамурья и Дальнего Востока России возлагались на казачество, которое вместе с обороной восточных окраин страны и приграничной территории с Китаем несло ещё и обязанности по заселению этого края, его хозяйственному освоению. Стоит отметить, что такие действия не были исключительной инициативой самих казаков, а исходили от намеренной внешней политики царизма, направленной на продолжение борьбы с преемниками Золотой Орды и расширение русских владений на Востоке.

Историк Н.Н. Смирнов пишет: «Покидая по различным обстоятельствам свою родину, русские люди селились на никем не занятых землях в бескрайних южных степях вне пределов Руси, где опасность грозила им со всех сторон. Отражая нападения кочевников на свои селения, казаки сами совершали набеги, экспедиции и походы в неизведанные земли. Война становилась для этих людей профессией, формировала характер и своеобразный быт» [6, с. 10]. Казачья община без финансовой помощи и контроля со стороны государства растила отлично подготовленных воинов-всадников, легко переносивших разные трудности походной жизни и служивших интересам России, что они регулярно доказывали за время всей истории их существования. Жёсткий

распорядок повседневной жизни казака и «железная» дисциплина способствовали поддержанию на довольно высоком уровне боеготовности казачьих войск. Казаки имели определённые льготы от правительства, но жили на самостоятельном обеспечении, что снимало с государства обязанность снаряжения, вооружения и пропитания их. Можно резюмировать, что это было самоокупающееся и находящееся в постоянной боевой готовности профессиональное воинское формирование Российского государства, что было взаимовыгодно каждой из сторон при существовавших условиях.

В первой четверти XIX в. в значительной степени перерабатывалась законодательная база Сибирского генерал-губернаторства, подверглось реорганизации построение ряда гражданских и военных ведомств, распределение отдельных функций также было скорректировано. Эти изменения коснулись и всего сибирского казачества: так, 22 июля 1822 г. был учреждён Устав о сибирских городских казаках [7] (далее – Устав), который определил принадлежность сибирских городских казаков к сословию Губернской и Окружной Полиции и нахождение их в Гражданском управлении. Как отмечалось выше, в предыдущие столетия казаки выполняли необходимую миссию по защите пограничных территорий, но подчинение их гражданскому ведомству осложняло выполнение ими задач по охране восточных рубежей России. Проведённая в 1822 г. реформа Сперанского ещё больше закрепила казачество за гражданским ведомством.

Вышеуказанный Устав подразделялся на две части, определяя управление казаков в составе полков и в составе станиц [7]. Те городские казаки, которые не завели ещё прочное хозяйство или должны были нести службу в местах, отдалённых от их постоянного жительства, управлялись в составе полков. В составе станиц управлялись городские казаки, имеющие домообзаводчество. Они находились на службе в местах их жительства и способствовали населению в «отправлении внутренних повинностей» [7]; при этом, станичные казаки, в отличие от полковых, не получали казённого довольствия. Следует отметить, что Устав стал первым в истории нормативным правовым актом по управлению сибирскими городскими казаками, не только содержащим общие правила и положения, но и закрепляющим статус казачества, структуру его управления, подчинённость, права и обязанности казаков, их социальные гарантии, порядок комплектования и распределения по полкам, что явилось новеллой законодательства и сыграло важную роль в совершенствовании деятельности и развитии этой социальной общности.

Особый интерес представляет широкий комплекс обязанностей городских казаков, подразделяющихся на полицейские, хозяйственные и для замены других команд (как правило, где не хватало личного состава). В полицейские обязанности входили: «1) Ночные Полицейский разезды в городах. 2) Поимки беглых в городах и уездах. 3) Конвой казенных транспортов. 4) Пикеты и разезды около заводов и фабрик, в предупреждение побегов ссыльных. 5) Препровождение ссыльных на этапную дорогу. 6) Составление конной стражи на этапах... 7) Исправление особенных поручений при Чиновниках, Полицейские обязанности имеющих. 8) Охранение Соляных

озер... 10) Наблюдение за благочинием на сельских и иногородних ярмарках. 11) Отправление должностей Квартальных Надзирателей в малолюдных городах. 12) Наблюдение на казенных поселениях.» [7]. Вместо других команд городские казаки направлялись в: «1) Пограничные караулы и разъезды, где не устроено особой пограничной стражи. 2) В караулы при казенном имуществе, где не находится или не достаточно воинских команд... 5) По особым распоряжениям Главного Управления в замен воинских команд, по обязанностям внутренней стражи.» [7]. Как видим, указанный перечень был широк и достаточно разнообразен, не считая дополнительного объёмного блока хозяйственных задач. Рассматривая этот спектр обязанностей городских казаков, стоит резюмировать, что теперь уже казаки не рассматривались как военная сила, а привлекались только для полицейской и охранно-пограничной службы.

Отдельное внимание нужно уделить вопросу исполнения полицейских функций городскими казаками Сибири, привлекаемыми вместо воинских команд – по обязанностям внутренней стражи сибирских губерний Российской империи [8], учреждённой 4 сентября 1816 г. Согласно положению о внутренней страже она имела двойную подчинённость – гражданскому и военному ведомствам, но по выполняемым функциям являлась военно-полицейским формированием. С точки зрения свойственных исключительно сибирскому казачеству особенных обязанностей, интересным представляется рассмотреть привлечение их личного состава к конвойной и охранной службам на Нерчинской каторге, где использовался принудительный труд ссыльных и каторжан. В целом, Нерчинский горный округ имел в своём ведении полицейскую службу и войсковые соединения, но с увеличением числа ссыльнокаторжных росло число промыслов и заводов, требующих специализированной охраны; проблема надзора за арестантами являлась одной из животрепещущих для Нерчинского горного начальства [9, с. 119]. В 1829 г., до создания своей самостоятельной конвойной службы, по приказу начальника Нерчинских заводов к ним был откомандирован 15 Линейный Сибирский батальон, который был причислен к караульной службе. Помимо этого к охранной службе также привлекались казаки и горные объездчики для преследования беглых каторжников [10]. Так, в 1832 году, генерал-губернатор Восточной Сибири приказал определить две-три сотни из иркутских или забайкальских казаков в помощь для несения караульной службы. Вместе с обязанностями «...в отношении горного начальства, казаки должны были заниматься препровождением колодников на заводские работы и в конвой для отвода в разные места преступников и колодников...» [9, с. 120]. Для препровождения арестантов на работы выделялись, как правило, нижние чины внутренней стражи, но из-за нехватки личного состава и его перегруженности, для выполнения этих полицейских функций привлекалось казачество. Заранее представлялись заявки на выделение определённого количества урядников и казаков для несения службы.

Кроме того, личный состав Забайкальского казачьего войска оказывал содействие в карауле за политическими преступниками. В письме Господину

Есаулу Даби́ровскому исполняющий должность Дежурного Штаб Офицера Войсковой старшина Петров изложил следующее: «Войсковое дежурство, сослав распоряжение о назначении: от пешего казачьего отряда 3-х урядников и 47 казаков и от конного отряда 20 человек, в том числе одного урядника с полным вооружением и отправлении их в дер. Сивакову, для караула там за политическими преступниками, где они и будут состоять в распоряжении Вашем...» [11]. Данный пример является очередным аргументом разносторонности выполняемых функций казачьим сословием на службе, в том числе и в рядах внутренней стражи.

Стоит отметить, что командировались казаки для сопровождения караванов с золотом и серебром из Забайкалья в Санкт-Петербург. Эта деятельность была крайне трудной, сопряжённой с риском для здоровья, порой и жизни. Проблемной в этом виде деятельности была невыплата довольствия на обратный путь конвоирам, о чём руководство Забайкальского казачьего войска высказывало свои предложения и просьбы. Вопросы эти решались медленно и тяжело. Привлекались казаки и для охраны почт, но здесь также имелись определённые трудности финансового характера. Так, например, вставал вопрос оплаты служащим, охраняющим почту, о чём также писались соответствующие письма, и вопрос не решался легко и оперативно. Эти факты свидетельствовали в очередной раз об имеющихся финансовых проблемах в регионе, из-за чего в первую очередь страдали низшие чины, и это отнюдь не повышало престиж службы, а, наоборот, вытекало в непривлекательность таковой и, соответственно, отразилось на комплектовании формирований.

Одной из организационных проблем полиции и войск внутренней стражи Восточной Сибири в XIX-начале XX вв. являлась штатная недостаточность. По мнению юристов-историков Т.В. Шитовой и А.Я. Малыгина «...в Сибири нагрузка на служащих полиции была большей, чем в Европейской России, в несколько раз» [12, с. 144], что было вызвано рядом причин: уровень обеспечения довольствием, снабжения обмундированием и вооружением был низким в связи с недостаточностью средств в местных бюджетах; повышение окладов служащим не распространялось на Сибирь в отличие от других регионов, расположенных ближе к центру; высокая разносторонность выполняемых функций. Таким образом, этим объясняется некомплект личного состава и высокая «текучесть» имеющихся кадров, что в итоге сказывалось на низких результатах по службе, а наличие у казачества такого обширного круга разных функций, приведённых выше, только усугубляло эту ситуацию.

Вместе с этим, кадровый «голод» решался и иным, уникальным для Сибири способом. Местное население, так называемые «инородцы» на начальном этапе завоевания Сибири боролись за свою независимость от интервенции, проводимой Империей. Затем, уже в её составе, они продолжали борьбу с заселяемым край казачеством за территории для пастбищ кочевников, желали иметь свободу от навязываемого налогообложения (ясака). Однако постепенное заселение края жителями из европейской части России, в том числе и казаками, осваивавшими новые земли, сказалось на жизненном укладе

коренных народов (бурятов, якутов, тунгусов и др.), многие из которых переходили к земледелию от кочевого образа жизни. Происходило развитие и укрепление отношений между местным и пришлым населением, которое повлекло за собой неизбежный естественный процесс ассимиляции, как инородцев, так и приезжих, перенявших друг у друга многие обычаи и традиции. В 1822 г. был принят Устав «Об управлении инородцев» – законодательный акт Российской империи, определивший систему управления коренными народами Сибири. Он разделял инородцев в рамках права Российской империи на «оседлых», «кочевых» и «бродячих» [13] и, согласно этому разделению, определял их административный и правовой статус, закрепляя, в том числе, их права и обязанности. В соответствии с данным Уставом оседлые инородцы в правовом отношении приравнивались к русским тяглым сословиям – мещанам и государственным крестьянам. В итоге коренное население стало участником всех сфер жизни сибирского общества, а имеющиеся проблемы комплектования личным составом полиции и войск решались, в том числе и принятием на службу лиц из числа инородцев. Назначались они на службу в русские казачьи полки, а также создавались национальные формирования (например, бурятский казачий полк, тунгусский казачий полк и др.). Принятие Устава явилось одним из тех факторов, которые оказали важное историческое значение на складывающиеся в Сибири отношения между различными этническими группами.

Огромная сибирская территория нуждалась не только в заселении её народами, необходимо было иметь и надёжную охрану. Однако, к середине XIX в. местное казачество восточных окраин страны по-прежнему оставалось разобщённым, несмотря на меры по его усилению со стороны правительства. Оно до сих пор «...не имело должной организации, не было сведено в какие-либо крупные военные единицы и было разбросано по огромной территории» [14, с. 66-67]. Регулярные войска Империи в Восточной Сибири были крайне малочисленны и не могли обеспечить надёжную её защиту. Кроме того, содержание значительного числа служащих действующей армии было практически невозможным, на что правительство не могло пойти в условиях постоянной нехватки средств. Основными причинами этого являлись всё ещё низкая заселённость края, неразвитость инфраструктуры и транспортной сети. Такая ситуация не соответствовала интересам региона и России. В этой связи вновь назначенный на должность генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьев выступил с инициативой о создании самостоятельного Забайкальского казачьего войска, так как численность казаков в этих местах постепенно увеличивалась, и к рассматриваемому периоду они количественно уже намного превышали регулярные части. Ещё одним весомым аргументом в пользу казачьего сословия было то, что содержание их частей на востоке страны, в сравнении со стоимостью содержания регулярных частей аналогичной численности, было крайне малым, так как казаки обеспечивали себя всем необходимым. В 1851 году по предложенному Н.Н. Муравьевым проекту было образовано приказом императора Николая I Забайкальское

казачье войско. Оно состояло из русских, бурятских и тунгусских полков, несших внутреннюю службу и охраняющих государственную границу.

Преобразования казачьих частей в Восточной Сибири коснулись также и располагавшихся в этом регионе Енисейского, Иркутского и Якутского городских казачьих полков, которые на тот момент были самостоятельными единицами. Енисейский и Иркутский городские полки были реформированы в конные казачьи полки и стали являться ближайшим резервом Забайкальского войска, которое вместе с ними было переведено в Военное ведомство, а Якутский городской полк оставлен в гражданском [14, с. 71]. Такие изменения в организационно-структурном построении этих формирований и смена их подчинённости повлекли за собой создание при управлении генерал-губернатора Восточной Сибири специального казачьего отделения [15]. Таким образом, проводимые руководством Империи реформы иррегулярных подразделений Восточной Сибири середины XIX в. были вынужденными мерами и порой единственно верным средством для сохранения и защиты огромных восточных территорий страны, их освоения, и развития.

В начале XX в. Забайкальское казачье войско трижды призывалось на войну, воевало за интересы России на полях сражений и трижды по нему наносился сильнейший удар в виде огромных людских потерь. Две революции и междоусобная Гражданская война разделили казаков на два враждебных лагеря и в конечном итоге привели к ликвидации всего казачества.

С конца XX века в России активно возрождается казачество. Вызвано это принятием правительством в начале 1990-х гг. в отношении него ряда нормативных правовых актов. Одним из первых документов стало Постановление Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1992 г. № 3321-1 «О реабилитации казачества» [16], в соответствии с которым все акты в отношении казаков, начиная с 1918 г., касающиеся применения к ним репрессивных мер, отменены как незаконные. «Выход в свет» данного документа положил начало созданию целой серии нормативных актов, послуживших отправной точкой для воссоздания казачьих объединений в стране и принятия их в ряды государственных служащих. Так, 9 августа 1995 г. был утверждён Указ Президента № 835 «О государственном реестре казачьих обществ в Российской Федерации» [17], а 16 апреля 1996 г. № 563 – «О порядке привлечения членов казачьих обществ к государственной и иной службе» [18]. На сегодняшний день утверждены положения обо всех казачьих войсках России, разрабатывается проект всероссийского положения, которое пройдёт процедуру одобрения Президентом Российской Федерации.

Благодаря указанным и последующим нормативным правовым актам российское казачество уверенно идёт по пути своего возрождения, восстановления казачьих основ и традиций. В настоящий момент именно этим обстоятельством вызван повышенный интерес к российскому казачеству как со стороны общественности и госструктур, так и со стороны исследователей: историков и правоведов.

В России деятельность по охране правопорядка и законности осуществляют правоохранительные органы, однако, привлечение казаков к

этим мероприятиям давно стало положительной тенденцией и успешной, основанной на сотрудничестве, практикой. Таким образом, при решении на современном этапе задач по повышению уровня служебной деятельности органов внутренних дел необходимо учитывать исторический опыт деятельности казачьих формирований с целью более эффективного их взаимодействия при несении службы по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности.

В заключении отмечу, что данная проблема представляется ещё более важной и актуальной в связи с тем, что обстоятельное изучение истории функционирования личного состава казачьих войск в рядах внутренней стражи и полиции Российской империи также может способствовать оптимизации сотрудничества органов МВД России, Росгвардии России с казачьими объединениями в целях обеспечения правопорядка, общественной безопасности и соблюдения законности в наши дни.

Список литературы

1. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. С-Петербург: Издательское общество «Ф.А. Брокгауз – И.А. Ефрон», 1894. С. 346.
2. Каминский Ф.А. Социально-экономические явления и процессы // Казачество как специфическое явление отечественной истории, 2010. № 5. С. 144-147.
3. Шамбаров В.Е. Казачество: История вольной Руси. М.: Издательство Алгоритм, Эксмо, 2007. 688 с.
4. Гумилёв Л.Н. От Руси до России. М.: Издательство Айрис-Пресс, 2013. 328 с.
5. Соловьёв С.М. История России с древнейших времён: в 29 т. СПб.: Издательство Товарищество «Общественная польза», 1851-1879. Т. V, Ч. 2, Гл. 3.
6. Смирнов Н.Н. Забайкальское казачество / Под редакцией С.И. Рябова и Ю.Ф. Болдырева. М.: Издательство Вече, 2008. 544 с.
7. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. Т. XXXVIII. № 29131.
8. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. Т. XXXIII. № 26426.
9. Березина О.Б. Нерчинская каторга в системе пенитенциарных учреждений России в конце XVIII - начале XX веков: дисс. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006. 222 с.
10. Государственный архив Забайкальского края. Ф. 31. Оп. 1. Д. 963. Л. 378, 397 об., 398 об.
11. Государственный архив Забайкальского края. Ф. 30. Оп. 3. Д. 174. Л. 1-1 об.
12. Шитова Т.В., Малыгин А.Я. Особенности организационного построения полиции Сибири в XIX – начале XX вв. // История органов внутренних дел России. Выпуск 6. Сборник научных трудов, 2002. С. 140-145.

13. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. Т. XXXVIII. № 29126.

14. Голик А.А. Государственная политика России в отношении дальневосточного казачества в 1851-1917 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2015. 209 с.

15. Российский государственный исторический архив. Ф. 1286. Оп. 10. Д. 829. Л. 1-14.

16. Консультант плюс [Электронный ресурс].
URL:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_13824/ (дата обращения: 08.11.2018).

17. Консультант плюс [Электронный ресурс].
URL:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10330/942772dce30cfa36b671bcf19ca928e4d698a928/ (дата обращения: 08.11.2018).

18. Консультант плюс [Электронный ресурс].
URL:<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=153354&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.5863962662131993#016400619658449966>
(дата обращения: 08.11.2018).

Пономарев Павел Александрович, адъюнкт кафедры, ponomarev_85@mail.ru, Россия, Москва, Академия управления МВД России

*IRREGULAR MILITARY UNITS IN THE SERVICE IN THE UNITS OF THE
INTERNAL GUARD OF THE RUSSIAN EMPIRE IN EASTERN SIBERIA (ON THE
EXAMPLE OF THE COSSACKS INSTITUTE)*

P.A. Ponomarev

The article discusses the place and role of East Siberian Cossack units in the service of Russia; marked their contribution to the development of Eastern Siberia and the protection of the borders of the Empire. An analysis of the legal consolidation of the Cossack duties, their main functions, including the police. Some features of the activities of the Cossack associations in the service in the units of the internal guard of the Russian Empire in Eastern Siberia have been studied. Special attention is paid to problematic issues concerning the recruitment of police and internal guards of the Russian Empire.

Key words: irregular troops, the Cossacks, the protection of state borders, internal guards, police functions, staff failure, special duties, aliens.

Ponomarev Pavel Alexandrovich, post-graduate student of the Department, ponomarev_85@mail.ru, Russia, Moscow, the Academy of management of the Interior Ministry of Russia.

ДОГОВОРНЫЙ ЭЛЕМЕНТ В СРЕДСТВАХ ЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

И.И. Пустомолотов

Договорное воздействие на средства защиты гражданско-правовых обязательств анализируется на примере рассмотрения договорного элемента в способах обеспечения исполнения обязательств. Именно под влиянием договора функции способов обеспечения как средств защиты приобретают возместительную направленность, правовой механизм реализуется как механизм возмещения. Договорное согласование формирует особый элемент возместительного механизма обеспечения - регулятивный адаптационный(обеспечительный договор), предназначенный для приспособления способа обеспечения к конкретной экономической ситуации. Обеспечительный договор, как элемент обеспечительного механизма, подчиняется возместительному процессу, и без возмещения не имеет самостоятельного значения.

Ключевые слова: способы обеспечения гражданско-правовых обязательств, гражданско-правовой договор, обеспечительный договор, возместительный механизм гражданско-правовой ответственности

Средства защиты гражданско-правовых обязательств неминуемо испытывают на себе влияние экономико-правовых явлений, которые они защищают. Особенно наглядно такое влияние проявляется в договорных обязательствах, поскольку присущий договорному регулированию механизм согласования экономических и правовых интересов участников непременно присутствует во всех элементах договора, в том числе и в средствах его правовой защиты, которые, в этом смысле, вбирают в себя общую договорную природу. Влияние договорного механизма (механизма согласования) на средства защиты гражданско-правового обязательства в статье рассматривается через воздействие на группу наиболее востребованных охранительных мер – способы обеспечения исполнения гражданско-правовых обязательств (гл.23 ГК РФ).

Прежде всего, договор формирует внешний процесс применения обеспечительного инструментария. Так, при заключении договора, стороны самостоятельно очерчивают круг экономических ситуаций, в которых при реализации договора возможны нарушения имущественных интересов; они же выбирают подходящие для защиты средства и способы их использования, вводят эти средства в договорное обязательство. Во-вторых, для окончательного приспособления средства защиты к конкретным экономическим условиям в договорах, в которых оно в дальнейшем будет работать, внутри большинства способов обеспечения имеется специальный адаптационный элемент, также имеющий в своей основе договорный механизм согласования. Оба этих обстоятельства и определяют роль договора в правовых средствах обеспечения исполнения обязательств в общих чертах. Но следует рассмотреть такое влияние более подробно.

Оценить оба аспекта договорного влияния на обеспечительные средства необходимо, прежде всего, через воздействие на основные функции этих средств. Это важно, поскольку именно направления воздействия способов обеспечения исполнения гражданско-правовых обязательств определяют их правовую природу. Исходя из теории правовых средств, в настоящей работе используется некий «инструментарный взгляд» на средства права, где природа того или иного средства определяется его назначением как некоего инструмента в руках применяющего его лица, с учетом цели, задач и способов использования этого инструмента. Поэтому договорное влияние на способы обеспечения, прежде всего, отразится именно на функциях этих средств.

О каких же функциях идет речь? Способы обеспечения исполнения гражданско-правовых обязательств по своему назначению и механизму действия являются разновидностями гражданско-правовой обязательственной ответственности, поскольку имеют схожую с ответственностью охранительную цель – защитить интересы участников договорного правоотношения от возможного негативного воздействия. По этой причине общие функции способов обеспечения следует трактовать, прежде всего, как функции (или через функции) гражданско-правовой ответственности. В большинстве случаев функциями ответственности признаются наказание (кара) правонарушителя и восстановление нарушенного имущественного положения потерпевшего¹. Т.е. ответственность одной стороной обращена на должника, другой, на кредитора. Направленность на кредитора реализуется в восстановительно-компенсационной функции, а направленность на должника – превентивно-карательной. Именно такой подход к определению функций гражданско-правовой ответственности следует признать наиболее рациональным. Несомненно, этими же функциями должны обладать все способы обеспечения исполнения гражданско-правовых обязательств.

Решение именно этого вопроса определяет договор. Другими словами, характер договорной защиты определяется договором. Способы обеспечения формируются и действуют внутри гражданско-правовых договоров, и договорная природа неминуемо оказывает на них влияние. Характер такого влияния определяется также на функциональном уровне. Только теперь следует рассматривать правовое воздействие с учетом договорных функций: социально-экономической, регулятивной и стимулирующей. Именно по этим направлениям осуществляется договорное воздействие.

Таким образом, способам обеспечения исполнения гражданско-правовых обязательств присущи функции двух гражданско-правовых категорий: ответственности и договора. Рассматривая основные направления воздействия обеспечительной деятельности в обязательствах, следует учитывать 1) карательную, 2) компенсационную, 3) социально-экономическую, 4) регулятивную и 5) стимулирующую функции.

¹ В общей теории права восстановительная функция общеправовой ответственности трактуется как направленность на восстановление нарушенного общественного правопорядка.

Однако, каково соотношение этих групп функций между собой. В общих чертах соотношение можно выразить так: функции ответственности отражают внутреннюю природу обеспечения как охранительного средства; договорные функции характеризуют внешнюю форму охранительных средств, поскольку связаны с проявлением свободной воли участников в выборе средства права, определения его параметров и способа использования для защиты собственных интересов. Но указанные выше функции настолько различны, что, в какой-то степени даже противоположны, поскольку принадлежит различным правовым категориям – договору и ответственности¹. По этой причине существовать в одном цельном правовом средстве в неизменном виде они не могут. Взаимное влияние их друг на друга, и взаимопроникновение видоизменяют функции ответственности и договора, и формируют новые функции, свойственные исключительно способам обеспечения обязательств как самобытным явлениям в праве. Процесс формирования новых функций следующий.

Прежде всего, следует отметить, что нам придется рассматривать изменения именно функций ответственности под воздействием договора, а не наоборот. Несомненно, функции гражданско-правовой ответственности играют существенную роль при определении воздействия обеспечения на обязательственное правоотношение, поскольку сами эти средства права имеют охранительную природу. Договор же предстает как нечто корректирующее охранительное воздействие, поэтому его функции лишь направления влияния на функции охранительных средств.

Договорное влияние на обеспечение связано, прежде всего, с имущественной, товарно-денежной природой охраняемых отношений. Договорный механизм является наиболее эффективным средством формирования имущественных товарно-денежных отношений, поскольку последние всегда «привязаны» к экономическим интересам и экономической выгоде. Только договор, с его механизмом согласования свободной воли с последующим принуждением к исполнению способен эффективно адаптировать правовые средства, в том числе и негативного охранительного характера, в экономической среде. Кроме того, лишь договор может обеспечить выбор лицом того средства, которое наиболее эффективно защитит его интересы в обязательстве (частное обеспечение). Именно в этом реализуются приведенные выше социально-экономическая и стимулирующая и регулятивная функции гражданско-правового договора в способах обеспечения обязательств.

Следует отметить, что именно под воздействием функций договора правовая природа способов обеспечения обязательств, как и гражданско-правовой ответственности в целом, проявляется не как кара для нарушителя, а как восстановление нарушенных имущественных интересов потерпевшего лица. Это определяет выбор основного направления воздействия для этих средств права. Из двух функций (карательная и восстановительная) главной в

¹ Договор есть позитивное средство права, опосредующее нормальные экономические отношения, ответственность – всегда негативное правовое средство.

частном праве становится именно восстановительная¹. Тем самым правовое обеспечение отказывается от наказания должника в пользу восстановления интересов кредитора. Более того, именно под влиянием категории «договор» восстановительная функция способов обеспечения исполнения обязательств «поднимается» до уровня экономического восстановления и превращается в функцию возмещения – экономического восстановления нарушенных имущественных интересов участника договорного обязательства. Т.е. под влиянием договора делается выбор в пользу восстановления, как основной функции обеспечения в обязательствах, причем восстановление приобретает вид возмещения причиненных убытков.

Договор оказывает влияние на то, как действуют обеспечительные средства на должника. Если в традиционном понимании меры ответственности действуют на должника как наказание (кара), то под воздействием договора: во-первых, воздействие на должника полностью подчиняется функции возмещения, т.е. должник предстает лишь как участник процесса возмещения и не более того; во-вторых, договор низводит «давление на должника» лишь до уровня понуждения к возмещению. Другими словами функция кары в способах обеспечения обязательств заменяется на функцию принуждения к возмещению.

При этом принуждение должника к возмещению имеет не активный, а пассивный характер. Это основывается на том, что возмещение связано лишь с имуществом, а не с личностью должника, принудительный механизм способов обеспечения затрагивает его личность лишь в той мере, в какой это необходимо для возмещения, и не более того. Окончательно же пассивный характер принуждения реализуется в том, что сам должник не столько привлекается к возмещению, сколько ограничивается от него. Поскольку всегда существует опасность негативного вмешательства должника в процесс возмещения, принуждение стремится «устранить» его от влияния на возмещение. Задачей обеспечительного средства является удалить должника от возмещения, оставив лишь его имущество (залог), что можно трактовать как крайнюю степень ограничения. В целом же, в обеспечительных средствах карательно-принудительная функция ответственности приобретает вид принудительно-ограничительной функции.

Наибольшее же влияние договора на средства обеспечения обязательств проявляется в том, что практически во всех обеспечительных средствах права присутствует, в несколько измененном виде, одна из функций договора. Такого нет ни в каких видах и формах ответственности иных отраслей права. Речь идет об адаптационной функции. Адаптационная функция производна от регулятивной функции гражданско-правового договора, как регулятора имущественных отношений. Адаптационная функция средств обеспечения также основана на свободе воли лиц, но регулируется уже не позитивное

¹ Именно потребность соблюдения баланса интересов участников договорного правоотношения выдвигает на первое место в правовых средствах договорной защиты именно восстановление, поскольку оно согласуется с конечной целью любого экономического договора – получением выгоды.

экономически обусловленное поведение (производственное или торговое), а поведение охранительное, связанное с нарушением и восстановлением. Ранее уже упоминалось, что стороны свободно могут выбрать вид обеспечения, характер защищаемых интересов, способ защиты, могут даже отказаться от защиты полностью или частично.

Но перед субъектами конкретного договорного обязательства стоит не только задача выбора того или иного средства, но и последующее *приспособление* выбранного средства «к конкретным условиям в целях достижения желаемого результата». Даже правильно выбранное средство необходимо приспособить к экономическим условиям, в которых ему предстоит действовать. Для решения этой задачи в самом средстве существует особый приспособляющий механизм. Именно этот процесс приспособления можно назвать *адаптацией* правового средства, а соответствующий механизм — адаптационным механизмом. Как же действует сформированный на договорных началах адаптационный механизм способов обеспечения исполнения обязательств?

Проблема правовой адаптации исследовалась В.А. Ойгензихтом. По его мнению, адаптацией является процесс образования норм, не имеющих аналогов в действующем законодательстве, диктуемый потребностями складывающихся условий [4, с. 18-19]. Соответственно, адаптацией средств обеспечения гражданско-правовых обязательств можно считать регулятивную деятельность этих средств по приспособлению к экономической среде. Данный механизм следует рассмотреть подробнее.

По нашему мнению, адаптация ответственности к конкретной экономической ситуации осуществляется в двух направлениях. Первое заключается в том, что сам правовой механизм возмещения подстраивается под конкретные особенности экономической ситуации, в которой данное средство может быть использовано наиболее эффективно. К такому способу адаптации относятся действия субъектов по выбору размера и вида средства возмещения, порядка его действия и иных параметров возместительной деятельности, обеспечивающие наиболее полное восстановление для кредитора. Возможность такой адаптации в обязательствах основана на высокой степени диспозитивности норм обязательственной ответственности.

Второй способ адаптации заключается в том, что, наряду с изменением правового механизма средства, может быть изменена и сама экономическая *среда*, в которой используется данное средство. Цель изменения та же, что и при адаптации первого рода, - добиться большего соответствия восстановительного механизма и среды, только в данном случае не правовой механизм «подгоняется» под экономическую ситуацию, а, наоборот, экономическая ситуация - под стандартную модель возместительного действия.

Необходимость именно в таком способе адаптации обусловлена тем, что право не настолько разнообразно и гибко, чтобы успеть за неисчислимым многообразием экономических ситуаций, которые к тому же могут изменяться на любой стадии процесса возмещения. Правовые нормы способны эффективно действовать лишь в узких рамках определенной ситуации, выход за которые

существенно снижает их возможности. Именно в силу этого, наряду с адаптацией механизма самого средства, в некоторых случаях осуществляется «подгонка» экономической среды под определенную модель действия механизма правового средства. Возможность такой адаптации основана на высокой степени диспозитивности не только правового, но и экономического поведения субъектов.

Второй способ адаптации предполагает самые различные действия субъектов договорного характера: передачу имущества в залог, уплату задатка, установление гарантии, поручительства и так далее. Их объединяет то, что все они заранее создают такие условия, при которых должнику невозможно избежать ответственности в будущем.

Таким образом, не только правовой механизм восстановительных средств обладает возможностью адаптироваться к реальным условиям возмещения, но и сами эти условия могут приспособливаться к механизму возмещения правовых средств. Если первый способ адаптации можно назвать *специализацией* возмещения, то второй следует считать *унификацией* экономической среды. Несмотря на то, что унифицированная и специализированная ответственность имеют узкую сферу применения, они лучше приспособлены к особым условиям, а значит, более эффективны.

Далее, лишь рассмотрев отдельные элементы договорного влияния на способы обеспечения исполнения гражданско-правовых обязательств, следует обратиться к пониманию общей роли договора в обеспечении. Несомненно, что основные направления воздействия (функции) обеспечительных способов в договорных обязательствах испытывают значительное влияние гражданско-правового договора. Также, важный элемент механизма действия средств обеспечения (адаптационный) формируется при непосредственном участии договорного механизма, и имеет четко выраженные договорные свойства. Но значит ли это, что договорная природа обеспечения играет в этих средствах права доминирующую роль? По нашему мнению, большинство авторов придают договору в обеспечении слишком большое значение. Почти всегда его трактуют или как сущность обеспечительных средств, или как квалифицирующий элемент, противопоставляющий средства обеспечения мерам ответственности, или даже как главное обеспечительное средство (договор залога, договор поручительства, договор задатка и т.д.). Однако, каково же истинное назначение договора в обеспечении?

Нам представляется, что ответ на этот вопрос зависит от понимания природы обеспечительного договора, поскольку именно природой любого средства обуславливается механизм его действия. В этом смысле обеспечительный договор, как и любой гражданско-правовой договор, является средством построения модели поведения лиц, содержащим комплекс соответствующих прав и обязанностей сторон. Причем ключевым элементом любого договорного воздействия выступает механизм согласования. Но, в отличие от обычного гражданско-правового договора, обеспечительный договор есть соглашение об использовании обеспечительного средства. Поэтому он формирует модель охранительного, а не экономического поведения лиц. Таким

образом, деятельность обеспечительного договора целиком лежит в юридической (негативной), а не экономической (позитивной) сфере.

Но негативная направленность обеспечительного договора не оказывает влияния на механизм его воздействия, поскольку цель любого договора лежит за рамками его правового опосредования. В данном случае важно не то, какова цель рассматриваемого договора (правовая или экономическая), а то, насколько необходимо вообще договорное регулирование для осуществления обеспечительной деятельности. Как правило, договорный механизм (согласование) более важен там, где взаимоотношения участников разнообразнее и сторонам приходится чаще соизмерять свои действия с экономической необходимостью. И напротив, однообразие фактических ситуаций (характер «типовой ситуации») снижает потребность в использовании договора. Как правило, в таких случаях согласование сводится лишь к выбору той или иной шаблонной модели поведения.

Вышесказанное в полной мере можно применить к договорному механизму средств обеспечения обязательств. Поскольку цели обеспечительной деятельности значительно уже целей обычного договора, она не требует столь детального согласования поведения сторон, как в обычных позитивных договорах. Исходя из этого, в обязательственной ответственности главным моментом согласования становится лишь выбор того или иного вида обеспечения и формирование некоторых его параметров. В остальном же сторонам нет необходимости детально конструировать модели обеспечительного поведения, поскольку в праве давно сложился проверенный временем, надежный и предсказуемый механизм, отражающий многолетнюю деловую практику и обычаи в той или иной хозяйственной области. Все это предопределяет скромное место договора в средствах обеспечения обязательств.

Кроме того, предоставление свободы в формировании условий обеспечительной деятельности можно признать не только ненужным, но даже вредным обстоятельством. Не всегда предприниматели являются сведущими в области права, а поэтому при самостоятельном конструировании какого-либо средства они вполне могут допускать ошибки. Использование же шаблона уменьшает возможность просчетов, а значит, не позволяет должнику избежать ответственности в будущем, а кредитору остаться без возмещения. Фактически кредитору необходимо только выбрать вид обеспечения, а далее жесткие нормативные требования загоняют должника в рамки совокупности однозначных установлений. При этом роль гаранта в осуществлении законных прав и интересов граждан и организаций берет на себя законодательство.

Все вышесказанное позволяет сделать общий вывод о месте договора в механизме обеспечительных средств. Обеспечительный договор нельзя считать отдельным, самостоятельным обеспечительным средством, поскольку он не обладает ни восстановительными, ни принудительными свойствами. Без норм ответственности обеспечительный договор не имеет никакого обеспечительного, и вообще никакого смысла. Являясь средством организации субъектами координируемой деятельности, но исполняя исключительно

правовые (неэкономические) функции, он представляет собой лишь организующую часть обеспечительного процесса. В целом, определяя его место в обеспечении, можно констатировать, что его регулятивные возможности используются для *адаптации* средств обеспечения гражданско-правовых обязательств к конкретным экономическим условиям.

Таким образом, скромное место договорного механизма в общей обеспечительной деятельности позволяет утверждать, что в средствах обеспечения гражданско-правовых обязательств непосредственно охранительные составляющие (взыскание неустойки, реализация удерживаемого имущества и др.) являются основными и выражают сущность того или иного средства. В то же время составляющие регулятивного характера - передачу имущества в залог, уплату задатка и прочие - следует считать дополнительными элементами обеспечения, призванными адаптировать гражданско-правовую ответственность к экономической среде.

Организационные обеспечительные меры лишь внешне схожи с обычными (позитивными) условиями обязательств. В сущности же они выполняют в обязательствах исключительно охранительные функции, что и не позволяет считать их обычными условиями договора. В противном случае игнорируется связь этих мер с мерами гражданско-правовой ответственности, без которой они теряют как экономический, так и правовой смысл. Непосредственно «восстановительный элемент» в обеспечительных средствах настолько тесно связан с предварительным обеспечительным договором, что вместе они воспринимаются как цельное правовое явление единой направленности, в котором отделить «меры ответственности» от «предварительных обеспечительных» практически невозможно. Исходя из сказанного, следует предположить, что предварительные обеспечительные меры непременно должны входить в охранительное правоотношение и рассматриваться как неотъемлемая часть обязательственной ответственности, объединяющей в себе организационный и взыскательно-восстановительный элементы единого охранительного правоотношения.

Список литературы

1. Ойгензихт В.А. Нетипичные договорные отношения в гражданском праве. Душанбе, Из-во Таджикского ун-та, 1984. 128с.

Пустомолотов Игорь Иванович, канд. юрид. наук, доц. кафедры, ipustomolotov@mail.ru, Россия, Тула, Тульский государственный университет

CONTRACTUAL ELEMENT IN CIVIL LIABILITY PROTECTION

I.I. Pustomolotov

The contractual impact on the remedies of civil liabilities is analyzed by the example of the consideration of the contractual element in the ways of ensuring the fulfillment of obligations. It is under the influence of the contract that the functions of security methods as remedies acquire a

compensatory orientation, the legal mechanism is implemented as a compensation mechanism. Contractual agreement forms a special element of the replaceable security mechanism - a regulatory adaptation (security contract), designed to adapt the method of security to a specific economic situation. The security contract, as an element of the security mechanism, is subject to a compensatory process, and without compensation it has no independent meaning.

Key words: methods of securing civil legal obligations, civil law contract, security agreement, replaceable civil liability mechanism

Pustomolotov Igor Ivanovich, Cand. legal Sciences, Assoc. departments, ipustomolotov@mail.ru, Russia, Tula, Tula State University

УДК 343.359:343.132

ОБЩИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ В ДЕЙСТВИЯХ СПОСОБОВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИСПОЛНЕНИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

И.И. Пустомолотов, Т.Ю. Руденко, Н.Г. Тарасова

Рассматриваются вопросы действия правовых способов обеспечения исполнения гражданско-правовых обязательств. Предпринята попытка выявления общих закономерностей в указанном механизме с целью построения на их основе в дальнейшем общей обеспечительной системы обязательственного права. Общий механизм всех способов обеспечения представлен, исходя из их охранительной природы, как механизм возмещения убытков. Особенности действия отдельных способов заключаются в частичном изменении общего механизма возмещения таким образом, чтобы он наиболее полно смог выполнить задачу (возместить) в конкретном обязательстве, обеспечиваемом данным способом. При этом достигается неотвратимость возмещения.

Ключевые слова: способы обеспечения гражданско-правовых обязательств, правовые средства обеспечения обязательств, возмещение вреда

В настоящее время в литературе, и это с сожалением можно констатировать, правовое обеспечение гражданско-правовых обязательств как целостная система не рассматривается. Каждый из способов предстает как самостоятельное, независимое от остальных явление, имеющее свою природу, структуру, направление воздействия. Однако такая система существует, но обнаружить ее можно, лишь при детальном исследовании обеспечительного процесса как такового. Именно с этой целью в данной статье предпринята попытка выявления и рассмотрения общих закономерностей в механизмах действия различных обеспечительных средств, указанных в гражданском законодательстве как способы обеспечения исполнения обязательств.

В целом, правовой механизм способов обеспечения исполнения гражданско-правовых обязательств, как и любых других средств права, состоит в воздействии норм на общественные отношения через волевые действия людей. Но при этом он имеет свои особенности, обусловленные определенными факторами.

Во-первых, поскольку обеспечение в гражданском праве не только связано с защитой интересов частных лиц, но и применяется по частной инициативе этих лиц, то действия любого способа обеспечения следует рассматривать не иначе как действие правового инструмента в частных руках (инструментарный подход). Инструментарный подход предполагает при рассмотрении какого-либо средства права, прежде всего, учитывать цели и задачи применяющего данное средство лица, и на основании этого описывать механизм его действия. Поскольку именно кредитор конструирует конкретный способ обеспечения и в дальнейшем вводит его в конкретное обязательство (договор) как инструмент защиты его собственных интересов, то, логично, что средства обеспечения следует рассматривать именно с позиции кредитора, а не с позиции должника (пассивного субъекта). Другими словами, все параметры способов обеспечения обязательств формируют интересы и потребности лица, заинтересованного в применении обеспечения, а формировать их через обязанности должника «претерпевать определенного рода ограничения» неверно. Это очень важно, поскольку большинство охранительных мер в праве (не только гражданском) трактуются именно как инструмент воздействия на обязанное лицо.

Во-вторых, с учетом вышеизложенного, определяя цели и задачи кредитора в обеспечительном процессе, следует констатировать, что основной (а часто и единственной) потребностью лица, пострадавшего от нарушения гражданско-правового обязательства (именно для этой ситуации предназначены обеспечительные способы), становится восстановление его нарушенного имущественного положения и достижение ожидаемого от нарушенной сделки экономического положительного результата. Соответственно, основной целью и задачей любого способа обеспечения является восстановление нарушенного имущественного интереса кредитора, а конструкция механизма его действия не должна выходить за рамки процесса восстановления, реализуемого в виде возмещения убытков.

1. Именно, принимая во внимание эти два обстоятельства, формируется механизм воздействия любого из способов обеспечения гражданско-правовых обязательств. Экономическое содержание данного механизма (как процесса восстановления) заключается в том, что кредитор совершает действия по обращению имущества должника в свою пользу в размере, необходимом для возмещения убытков, причиненных ему неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства. Соответственно, и правовой механизм данных средств будет иметь подобный характер. Его содержанием следует признать реализацию правомочий кредитора по обращению имущества должника в свою пользу. Сам процесс возмещения чрезвычайно прост и заключается во взаимо-

действии трех элементов: «убытков», «источника возмещения» и «возместительного процесса» как такового.

Первым из них является наличие у кредитора убытков, свидетельствующих о причинении вреда его имуществу. Значение данной категории для восстановительного процесса состоит в том, что убытки не только сигнализируют о необходимости использования возмещения как такового, но и выступают основным критерием для определения параметров возместительного процесса. Размер и вид убытков формируют требования, предъявляемые кредитором к должнику. Именно поэтому кредитор заинтересован в более точном и полном исчислении причиненных ему убытков, и большинство предпринимаемых им действий в обеспечительных целях направлено именно на доказывание размера и видов убытков, причиненных неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательств.

Вторым элементом возмещения является «источник средств», из которого производится возмещение убытков. Таким источником следует считать или все имущество должника, пригодное для обращения в доход кредитора в целях восполнения его нарушенного состояния, или какое-либо конкретное его имущество (переданное в залог).

Следует отметить, что в гражданском праве возмещение не всегда производится за счет лица, виновного в неисполнении или ненадлежащем исполнении обязательства. Обязательственная ответственность передается другому лицу, и в качестве должников могут выступать поручители, гаранты, прочие лица, признаваемые таковыми на основании закона или договора. Это происходит потому, что личность правонарушителя в гражданских правоотношениях значима лишь постольку, поскольку необходимо решение основной задачи – «отыскание источника благ для компенсации потерь кредитора». Сами же кредитор и должник являются только юридическими представителями своих имуществ, можно сказать, «адресом» мер ответственности. Таким образом, поскольку для возмещения важно не наличие субъекта причинения убытков, а лишь самого имущества как такового¹, именно «источник средств» выступает вторым элементом процесса возмещения.

Третьим элементом восстановления является возместительное действие, посредством которого имущество должника обращается в доход кредитора. В данном случае «действие» необходимо понимать не как «фактическое усилие», а как волевое движение (волеизъявление) заинтересованного в восстановлении лица. С этой позиции восстановление предстает не как действие должника, а как акт волеизъявления кредитора, обращающего имущество должника в свою пользу. В данной ситуации должник является пассивным субъектом, предоставляющим свое имущество кредитору для возмещения.

Таким образом, возместительный механизм обеспечения гражданско-правовых обязательств следует определять как опосредуемое правом действие

¹ В данном случае необходимо оговориться: мы не сторонники позиции, по которой «вещь может отвечать перед кредитором за долг его должника», и согласны с мнением, что такая позиция имеет те же недостатки, что и теория правоотношения между лицом и вещью.

заинтересованного лица (кредитора) по изъятию определенного имущества должника и обращению его в свою пользу в объеме, достаточном для полного возмещения причиненных кредитором убытков. Возможность реализации данного механизма основывается на наделении кредитора возможностями (правом) восстановления своего нарушенного состояния. Правонаделение осуществляется санкциями законодательных и договорных норм, предусмотренными на случай нарушения. Данный механизм является общим механизмом реализации всех форм обеспечения: возмещения убытков, неустойки, залога, задатка, удержания, поручительства и так далее. Именно эта общность восстановительно-обеспечительного механизма положена в основу формирования в обязательственном праве целостной обеспечительной системы.

2. Другая важная особенность в действиях обеспечительных средств, оказывающая влияние на процесс возмещения всех без исключения способов обеспечения обязательств касается участия в этом процессе должника. Поскольку, осуществляя восстановительное действие, кредитор неминуемо вторгается в имущественную сферу должника, анализ механизма обеспечения без обращения к этому субъекту восстановительного действия невозможен. Участие должника в процессе возмещения следует характеризовать по тем же элементам, что и участие кредитора.

Для данного субъекта категория убытков выступает в качестве предела, которым ограничивается вмешательство кредитора в имущественную сферу должника. Установление подобных пределов можно считать гарантиями соблюдения интересов должника в процессе восстановления, поскольку обязанность доказывания убытков возлагается на кредитора.

По поводу второго элемента – источника возмещения – можно сказать следующее. Поскольку процесс восстановления является одновременно и процессом присвоения кредитором чужого имущества, право собственности на присвоенное имущество у кредитора появляется лишь по окончании всей процедуры возмещения, а до этого момента имуществом может распоряжаться только должник. Таким образом, несмотря на то, что для восстановления значимо лишь имущество, а не личность должника, все же должник принимает в нем активное участие как собственник источника возмещения.

Данное свойство «источника» накладывает отпечаток и на третий элемент восстановления – возместительное действие. Хотя процесс присвоения имущества основывается на активности кредитора, в гражданско-правовых обязательствах это общее правило не действует буквально. В силу принадлежности «источника возмещения» должнику фактические действия в интересах кредитора может совершать только он. Должник или передает имущество кредитору лично, или предоставляет ему право действовать с его разрешения. Во всех этих случаях активность и инициатива кредитора не осуществимы без действий должника.

Таким образом, можно констатировать, что при восстановлении кредитор вынужден действовать через «посредника» – должника. В результате этого процесс восстановления («кредитор» – «имущество») усложняется как минимум вдвое и приобретает иной вид («кредитор» – «должник» – «имущество»).

во»). Уже одно это делает всю процедуру возмещения уязвимой. Но в данном случае важно не то, что усложняется сам процесс, а то, что восстановление почти полностью попадает под влияние должника, «сильная зависимость» от которого лишает обязательства устойчивости, необходимой для гражданского оборота. Должник, как правило, противодействует кредитору в восстановлении его нарушенных прав. Он или укрывает имущество, лишая кредитора источника возмещения, или затягивает исполнение возмещения, или совершает другие действия, мешающие кредитору осуществить восстановление. В таком случае обычно возмещение оказывается невозможным.

Несомненно, в подобной ситуации интересы кредитора должны быть защищены как можно полнее, и именно это является основанием к дополнению возмещения особым механизмом, ограничивающим влияние должника на этот процесс. Поскольку данный механизм реализует принудительно-ограничительную функцию обеспечительных средств, его можно назвать принудительно-ограничительным механизмом возмещения.

На чем основано его действие? Принудительно-ограничительный механизм обеспечительных средств устраняет негативное влияние должника на процесс возмещения с помощью того, что «исключает» (устраняет) должника как субъекта из данного процесса. Причем одновременно с «удалением» должника удаляется и то звено процесса возмещения, в котором принимал участие должник и которое наиболее уязвимо для его противодействия. Например, в обязательстве существует угроза уклонения должника от предоставления имущества для возмещения. В этом случае механизм возмещения следует изменить так, чтобы связь – «кредитор действует через должника» (имущество предоставляет должник) заменялась на «кредитор действует сам» (кредитор обращает взыскание на залог, задаток, удерживаемое имущество). В этом смысле принуждение реализуется не просто в «несвободе» воли должника (как при стимулировании), а в устранении его вместе с его волей вовсе и замены волей кредитора, что и позволяет последнему полностью контролировать процесс возмещения.

Измененный подобным образом возместительный механизм можно условно назвать «упрощенным» [1; 2]¹, поскольку «устранение уязвимого звена» приводит к упрощению всего возместительного механизма в целом. Хотя порой упрощения даже усложняют процедуру возмещения, при этом все-таки упрощается схема возмещения (отсутствует должник), а именно это и имеет значение в данном случае. Так, например, залог технически очень сложен, но, несмотря на это, должник не может повлиять на процесс возмещения, поскольку отстранен от влияния на заложенное имущество.

Упрощение может оградить кредитора не только от козней должника, но и от прочего негативного воздействия, препятствующего возмещению: недостаточности доказательств ущерба, внезапного банкротства должника и тому подобных обстоятельств.

¹ Термин «упрощение» в литературе используется часто. Иногда используется термин «облегчение получения кредитором своего интереса».

Упрощению может быть подвергнута любая часть восстановительного механизма в зависимости от того, где наиболее вероятно негативное влияние посторонних факторов. Рассмотрим возможные варианты.

Первый элемент восстановления – «причиненные убытки» - подвергается упрощению довольно часто. Предпосылкой к этому служит то, что обычно в целях ограждения должника от избыточных выплат восстановление сопровождается судебной процедурой исчисления и доказывания причиненных кредитором убытков. Однако трудность доказывания многих видов убытков, а порой, и случайный характер судебных доказательств превращают данный процесс не столько в гарантию для должника, сколько в препятствие для кредитора полностью защитить свои права. В результате кредитор остается без должного возмещения, хотя для него любые потери, несмотря на трудность их доказывания, реально ощутимы. Исходя из этого, для более полной защиты интересов кредитора в некоторых случаях необходимо заранее «упростить» процедуру судебного доказывания наличия и размеров убытков.

В деликтных обязательствах проблема трудно доказываемых убытков решается при помощи особого института, отсутствующего в договорном праве, компенсации морального вреда. К тому же в деликтных обязательствах, в отличие от договорных, нет такого разнообразия ситуаций, в которых могут возникать трудно доказываемые убытки. В договорах, напротив, такие ситуации очень разнообразны, из-за чего большинство убытков в судебном порядке практически невозможно доказать. Все это является причиной того, что в договорных обязательствах указанная проблема решается по-другому, а именно путем полного исключения (упрощения) из процесса возмещения того «звена» процесса возмещения, которое предусматривает процедуру исчисления и доказывания убытков в суде. Это становится возможным за счет того, что стороны заранее, еще при заключении договора, оговаривают размер и характер возможных убытков, а также порядок и условия их возмещения. Данная договоренность и является основанием к освобождению от судебного разбирательства по этим вопросам.

К средствам, обладающим упрощенным механизмом подобного рода, относится неустойка. Такое же упрощение содержится и в возместительных механизмах задатка и гарантии.

Большие сложности при возмещении вызывает и другой элемент возмещения – «источник средств». Поскольку даже решение суда о применении возмещения не лишает должника как личной свободы, так и свободы в обращении со своим имуществом, то вполне вероятно, что на момент принудительного воздействия у должника или вовсе нет имущества, или он будет препятствовать его использованию. Во всех этих случаях удовлетворение интересов кредитора становится проблематичным именно из-за отсутствия источника возмещения. На решение проблемы «источника» направлено, пожалуй, самое большое внимание обеспечительных средств.

Несмотря на разнообразие подходов, механизм данных средств остается общим. Его обеспечительная природа основывается на упрощении возмещения причиненных убытков, при котором имущественный «источник» выбывает из-

под влияния должника и передается под контроль кредитора. Разница между различными способами состоит лишь в том, что в одном случае упрощается поиск источника возмещения (поручительство, гарантия), в другом – влияние негативных факторов устраняется путем предварительной передачи «источника» под контроль кредитора (задаток, залог). Именно в связи с различными путями подобного упрощения принято делить обеспечение на «личное» и «вещное». Оба направления являются видами упрощения «источника» возмещения.

Упрощению может быть подвержен и последний элемент восстановления – восстановительное действие. В этом случае суть упрощения состоит в замене существующего порядка возмещения, когда само действие, совершаемое должником в интересах кредитора, заменяется на порядок, в котором должник устраняется от участия, а действие по восстановлению совершает сам кредитор. Нужно сказать, упрощение восстановительного действия, как правило, существует одновременно с упрощением источника возмещения. Так, при залоге залогодержатель получает удовлетворение из стоимости заложенного имущества, минуя залогодателя, поскольку передаваемое залогодержателю имущество всегда имеет особый правовой режим. Но возможно и изменение лишь одного восстановительного действия без изменения «источника возмещения».

Такой вид упрощения используется в удержании. Именно в этом способе обеспечения имущественный режим не изменяется, в то время как восстановительное действие совершается без участия должника. То, что при удержании имущество находится в руках кредитора и под его контролем, является не результатом обеспечительного процесса (как при залоге), а чисто техническим обстоятельством. Например, имущество должника находится у перевозчика в силу имеющегося договора, и кредитор лишь пользуется ситуацией, когда «имущество находится у него», и упрощает механизм возмещения, минуя стадию передачи его должнику. Именно отсутствие необходимости изменять заранее правовой режим имущества должника позволяет считать удержание способом обеспечения, где упрощается лишь один элемент – восстановительное действие.

В заключение следует отметить, что приведенные выше общие закономерности в действиях по обеспечению гражданско-правовых обязательств могли быть выявлены только благодаря тому, что сами способы обеспечения были представлены исключительно как обеспечительно-восстановительные средства права. Дальнейшее построение некой общей обеспечительной системы гражданско-правовых обязательств, основанной на общих закономерностях механизма действия входящих в эту систему средств (мер) права, возможно только если само обеспечение (процесс и цель) будут представлены не как «стимулирование должника, понуждение к точному исполнению обязанности», а как «обеспечение интересов кредитора через восстановление».

Список литературы

1. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга первая. Общие положения: Изд. 2-е, испр. М.. Статут, 1999. 848с.
2. Пугинский Б.И. Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях. М., Юридическая литература, 1984. 224с.

Пустомолотов Игорь Иванович, канд. юрид. наук, доц. кафедры, ipustomolotov@mail.ru, Россия, Тула, Тульский государственный университет

Руденко Татьяна Юрьевна, канд. юрид. наук, доц. кафедры, tatiyana_ru@mail.ru, Россия, Тула, Тульский государственный университет,

Тарасова Надежда Геннадьевна, магистрант, mcc106752@yandex.ru, Россия, Тула, Тульский государственный университет

GENERAL PATTERNS IN THE ACTIONS OF WAYS TO ENSURE THE FULFILLMENT OF CIVIL OBLIGATIONS

I.I. Pustomolotov, T.Y. Rudenko, N.G. Tarasova

The questions of the validity of legal means of ensuring the fulfillment of civil obligations are considered. An attempt was made to identify general patterns in the mechanism in order to build on the basis of them in the future a common security system of the law of obligations. The general mechanism of all means of security is presented, on the basis of their protective nature, as a mechanism for indemnification. The specific features of the operation of individual methods consist in a partial change in the general mechanism of compensation in such a way that it can most fully accomplish the task (of compensation) in the specific obligation provided by this method. In this way, inevitability of compensation is achieved in various ways.

Key words: methods of securing civil legal obligations, legal means of securing obligations, compensation for harm

Pustomolotov Igor Ivanovich, Cand. law Sciences, Assoc. departments, ipustomolotov@mail.ru, Russia, Tula, Tula State University

Rudenko Tatyana Yuryevna, Cand. Law Sciences, Assoc. departments, tatiyana_ru@mail.ru, Russia, Tula, Tula State University

Tarasova Nadezhda Gennadyevna, student, mcc106752@yandex.ru, Russia, Tula, Tula State University

ВЛИЯНИЕ УСЛОВИЙ ПРОВЕДЕНИЯ ЭКСПЕРИМЕНТА НА МЕТОДИКУ ЭКСПЕРИМЕНТИРОВАНИЯ

Д.А. Рыжиков

Рассматриваются условия проведения экспертного эксперимента и его этапы. Поднимаются вопросы влияния условий проведения эксперимента как на его отдельные этапы, так и на конечные результаты. Рассмотрены основные и второстепенные условия (факторы), влияющие на эффективность экспертного эксперимента, а также комплексный характер изменчивости условий.

Ключевые слова: эксперимент, методика экспертного эксперимента, условия экспериментирования, виды и влияние условий экспертного эксперимента, этапы эксперимента, динамика изменений, одиночные и комплексные изменения условий эксперимента.

Современную науку сформировало историческое противостояние экспериментального естествознания и теоретического, умозрительного обществоведения [1, с. 124]. Экспериментальное естествознание, эволюционировав в одну из главных ценностей цивилизованного мира, обеспечило как развитие современных инноваций, так и внедрение научных знаний в различные сферы общественной деятельности.

История научных дисциплин ярко указывает на постоянство взаимодействия картины мира и эмпирического материала от ранних стадий их формирования до формулирования наукой конкретных теорий. Когда эксперимент и наблюдение позволяют обнаружить сложные в объяснении или необъяснимые вообще в рамках существующих теорий и представлений объекты, на помощь их изучению приходят известные эмпирические средства и имеющаяся картина мира, регулирующая процесс их исследования и испытывающая обратное воздействие результатов этого исследования. Тем самым на первый план выходит важная регулятивная функция картины мира по отношению к процессу наблюдения, выражающаяся в формулировании первичных гипотез и в формировании целенаправленности наблюдений с поиском соответствующей интерпретации имеющихся данных и последующим их трансформированием в фактические данные науки. Таким образом, взаимодействие картины мира с наблюдениями и экспериментами в момент формирования в науке конкретных теорий сохраняет свои основные характеристики и преобразует их как особый случай развития знания в условиях, когда исследование эмпирически обнаружило новые объекты, не располагающие адекватной теорией [3; 4; 5; 6; 7; 8].

На начальном этапе развития научного знания отношения представителей гуманитарных и естественных наук друг к другу были наполнены непониманием, но научно-технический прогресс доказал, что успешное изучение любой научной проблемы предполагает применение комплексного подхода, в том числе экспериментального, и использования данных и методов

целого ряда наук. И наиболее ярко экспериментальные методы исследования проявляются в процессе интеграции научного знания. На этот факт указывает, в частности, Т.В. Аверьянова отмечая, что «...в ходе научно-технического прогресса возникло убеждение, что успешное решение едва ли не каждой крупной научной проблемы требует комплексного подхода, т. е. использования данных и методов целого ряда не только естественных и технических, но и общественных наук» [2, с. 86].

Рассматривая эксперимент в криминалистике, науке наиболее близкой к судебной экспертизе, в качестве особой формы практики, позволяющей устанавливать (определять) наличие либо отсутствие теоретически обнаруживаемых связей и отношений действительности, можно наблюдать эксперимент в качестве самостоятельного следственного (следственный эксперимент) или судебного (судебный эксперимент) действия.

В отличие от следственного (судебного) эксперимента, экспертный эксперимент как метод научного исследования и практического познания является факультативной стадией экспертного исследования, проводимого в рамках судебной экспертизы.

Обеспечение достоверности результатов исследования – одна из важнейших составляющих методики экспериментирования. Не менее важной составляющей для достижения поставленных целей является не только четкое соблюдение последней, но и создание условий эксперимента, максимально приближенных к тем, в которых были образованы те или иные следы, являющиеся объектом экспертного исследования.

С учетом имеющейся практики производства экспертных исследований, методика эксперимента, как правило, разрабатывается экспертом каждый раз, когда для решения поставленных перед ним задач возникает необходимость в проведении эксперимента. Вместе с тем ряд разработанных методик экспериментирования стандартизованы практикой и применяются в качестве своеобразной матрицы. К таким методикам в основном относятся методики производства криминалистических и некоторых специальных видов экспертиз, например методика производства эксперимента при решении задачи установления орудия взлома по следам на объекте носителя, когда следствию или суду требуется установить «не оставлены ли следы взлома на дверном косяке представленной на исследование фомкой».

Вместе с тем, каждое экспертное исследование, проводимое в рамках экспертизы того или иного вида, уникально, и в каждом конкретном случае при решении конкретной экспертной задачи методика экспериментирования, представляющая собой определенную программу действий эксперта при производстве эксперимента, претерпевает некоторые изменения с учетом условий, в которых экспертный эксперимент должен проходить (и проходит) [9-10].

Такие условия могут быть подразделены на «условия материального обеспечения эксперимента (наличие необходимых объектов для экспериментирования) и условия динамики эксперимента (с соблюдением которых осуществляются сами экспериментальные действия в процессе

производства экспертизы)». Под материальными условиями понимается «наличие у экспериментатора надлежащего лабораторного оборудования, материалов и иных объектов для экспериментирования», под условиями динамики эксперимента – систему «самих экспериментальных действий эксперта, осуществляемых в строго определенных условиях» [2, с. 267-268], являющихся самой сложной стороной эксперимента, проводимого в рамках судебной экспертизы.

Цели любого эксперимента, вытекающие из содержания поставленной перед экспертом задачи и выдвигаемой экспертом версии, всегда являются той основой, которая определяет формирование комплекса условий эксперимента. От целей экспертного эксперимента и версии эксперта всецело зависит как выбор оборудования, так и необходимость создания точно учитываемых и управляемых условий для его проведения. Вместе с тем, условия проведения эксперимента могут задаваться и лицом (органом), назначившим экспертизу, например, в случаях когда необходимо установить возможность (невозможность) существования определенного факта (события) при тех или иных условиях, либо механизм образования следов [10].

Любая методика проведения эксперимента состоит из подготовительного, исследовательского (метдического) и аналитического (оценочного) этапов производства эксперимента, на каждом этапе решаются определенные задачи.

Подготовительный этап характеризуется:

- определением цели и задачи эксперимента;
- выдвижением экспертной версии (гипотезы) о причинах и условиях возникновения следов, связи (отношений, процессов) данных следов с раследуемым событием, изменения первоначального состояния объекта и т.д.;
- предварительным осмотром исследуемого объекта на предмет возможного уяснения механизма образования следов;
- определением логической структуры доказательств гипотезы экспертного эксперимента и составлением плана его проведения;
- выбором необходимого для проведения экспертного эксперимента приборной базы, оборудования, технических средств, инструментов;
- определением и созданием условий проведения эксперимента (в том числе, если таковые были заданы лицом или органом, назначившим экспертизу) в соответствии с логической структурой доказательства экспертной гипотезы.

Важным моментом методики проведения экспертного эксперимента на подготовительном этапе, на наш взгляд, является выбор варьируемых (изменяемых) факторов, который позволяет дифференцировать условия проведения эксперимента на основные и второстепенные по степени их влияния на исследуемый процесс и, в конечном счете на результаты эксперимента.

К основным относятся:

- соответствие условий эксперимента условиям образования следов, являющихся объектом экспертного исследования;
- стабильность внешних условий проведения эксперимента;
- наличие побочных явлений или факторов, влияющих на результаты

эксперимента, от которых принципиально невозможно избавиться (биологические, психологические и иные изменения исследуемого объекта в процессе эксперимента). В некоторых случаях данный фактор может быть минимизирован путем повторяемости проведенных опытов, достаточностью их количества в рамках экспертного эксперимента для получения достоверного результата, а степень значимости выявленных в ходе эксперимента закономерностей будет определяться с помощью корреляционного анализа;

- точность и чувствительность инструментов измерения в течение всего эксперимента.

К второстепенным факторам (в определенной степени их можно охарактеризовать как человеческий фактор) следует отнести:

- влияние предубеждений экспериментатора, а также мнения более компетентных коллег на ход и результаты экспертного эксперимента;

- влияние отношения исследователя (эксперта-экспериментатора) к нахождению при проведении экспертного эксперимента лиц, имеющих законное право присутствовать при производстве экспертизы (следователь, дознаватель, с их разрешения подозреваемый (обвиняемый), потерпевший, их законные представители, их защитники), на ход и результаты эксперимента, выражающееся в возможном изменении его внутреннего психологического состояния и мотивации;

- неосознанное внесение искажений в ход эксперимента (например, нарушение последовательности проводимых действий) и интерпретацию полученных результатов в целях подтверждения выдвинутой им гипотезы и др.

Понятно, что подобное деление факторов на основные и вспомогательные достаточно условно, поскольку и те, и другие, несомненно, играют значительную роль как при планировании и проведении экспертного эксперимента, так и при оценке его результатов.

Следующим важным моментом видится обоснование условий материального обеспечения экспертного эксперимента – определение целесообразности применения того или иного набора технических, программных (если согласится с таким видом эксперимента, как информационный) средств, методических и научных материалов с учетом необходимости обеспечения требований, предъявляемых к экспертному эксперименту: относимости, допустимости (в том числе технической (метрологической), достоверности, объективности, полноты, повторяемости, экономической эффективности, убедительности, достаточности, всесторонности, мотивированности и, конечно же, научной обоснованности.

На втором – исследовательском (методическом) этапе – в соответствии с решаемой экспертной задачей и существующей или разработанной экспериментальной методикой проводится серия опытов при различных искусственно (либо в естественных) создаваемых условиях экспериментального образования, сопровождающаяся наблюдением и измерением полученных результатов со стороны исследователя (эксперта). Эксперт после выдвижения версий о вероятном процессе образования

исследуемых следов проверяет каждую из них, последовательно изменяя условия механизма следообразования для получения следов, аналогичных представленным на исследование, с целью последующего изучения и их оценки в рамках сравнительного исследования.

В таком эксперименте опытные действия проводятся так, чтобы, с одной стороны, при изменении одного из элементов динамики (условия механизма) следообразования остальные оставались неизменными с целью выяснения уровня влияния этого элемента (фактора) на конечные результаты, либо выделения интересующей эксперта зависимости, которая и будет являться объектом изучения. С другой стороны, для получения достоверного результата экспертного эксперимента необходимо предусмотреть проведение эксперимента с учетом всех динамических условий, «так как общая картина механизма следообразования и особенности экспериментальных следов в их совокупности зависят в конечном счете от всей динамики экспериментальных действий» [2, с. 269].

Таким образом, складывается ситуация, при которой выбор посредством предварительной оценки условий материального обеспечения и динамики экспертного эксперимента, оказывает прямое влияние на саму методику экспериментирования посредством затрагивания отдельных ее стадий.

В целях повышения достоверности результатов экспертного эксперимента на данном этапе необходимо не только учитывать все вышеперечисленные основные и второстепенные факторы, играющие важную роль в эффективности эксперимента, но и обеспечить правильный их выбор (либо максимально нейтрализовать). В случае возникновения трудностей в проведении вышеописанной дифференциации, определения роли основных и второстепенных факторов, необходимо выполнить небольшой по объему предварительный поисковый опыт.

Учитывая, что методика (программа) экспертного эксперимента как и классический эксперимент включает: цель и задачи эксперимента; выбор варьирующих факторов; обоснование объема эксперимента, числа опытов; порядок реализации опытов, определение последовательности изменения факторов; выбор шага изменения факторов, задание интервалов между будущими экспериментальными точками; обоснование средств измерений; описание проведения эксперимента; обоснование способов обработки и анализа результатов эксперимента – можно с определенной уверенностью утверждать, что изменение любого из условий материального обеспечения или динамики экспертного эксперимента повлечет за собой изменение других условий, в которых будет проводиться (проводится) экспериментирование, пределов осуществляемых измерений, систематичности регистрации измерений и наблюдения за ходом развития изучаемого явления и, соответственно оценку фактов, точность описания фактов.

В данном случае изменения могут иметь как одиночный характер, так и комплексный. Как показывает практический опыт, чаще изменения носят комплексный, динамический характер. И в таком случае они через изменение характера условий и перекрестные воздействия, несомненно, влияют на

повторяемость ситуации, которая также важна при подтверждении или опровержении ранее полученных данных с целью последующей оценки эффективности результатов экспертного эксперимента в части достижения решения поставленных перед экспертом задач.

Третий – аналитический (оценочный) этап производства эксперимента – заключается в количественном и качественном анализе полученных в ходе эксперимента результатов и выявленных зависимостей между исследуемыми следами и следами, образованными следообразующим предметом; определении достоверности выявленных причинно-следственных зависимостей, полученных в ходе эксперимента. Анализ и оценка полученных результатов позволяет сделать вывод о том, достигнута ли намечаемая цель исследования, подтвердилась ли экспертная гипотеза. Заканчивается данный этап формулированием выводов по результатам проведенного экспертного эксперимента.

В ходе экспертного эксперимента могут быть получены и иные результаты, имеющие значение для расследуемого дела. При этом не стоит забывать, что результаты экспертного эксперимента получают доказательственное значение лишь при их отражении в выводах эксперта.

Список литературы

1. Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза. Курс общей теории. М.: Норма, 2009. 480 с.
2. Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза. Курс общей теории: монография. М.: Юр.Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2015. 480 с.
3. Аверьянова Т.В. Методы судебно-экспертных исследований и тенденции их развития: дисс. ... д-ра юрид. наук. – Москва: Академия управления МВД РФ, 1994 445 с.
4. Белкин Р.С. Курс криминалистики. М.: Закон и право. 2001. 837 с.
5. Белкин Р.С. Эксперимент в следственной, судебной и экспертной практике. М.: Юридическая литература, 1964. 230 с.
6. Копнин П.В. Эксперимент и его роль в познании / Вопросы философии. М., 1955. № 4. С. 29-31.
7. Крутов В.И., Грушко И.М., Попов В.В. и др. Основы научных исследований: Учеб. для техн. вузов. – М.: Высшая школа, 1989. – 400 с.
8. Стёпин В.С., Алексеев И.С., Ахутин А.В., Голдберг Ф.И., Эксперимент. Гуманитарная энциклопедия [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий, 2002–2018 (последняя редакция: 25.08.2018). URL: <https://gtmarket.ru/concepts/6998> (дата обращения: 19.11.2018).
9. Эксархопуло А.А. Основы криминалистической теории. С.-Петербургский Университет, 1992. 117 с.
10. Салимов Х.Р. Научные основы и методика эксперимента при производстве трасологических экспертиз: автореф. дисс. ... кан. юр.наук. М., 1965. 19 с.

Рыжиков Денис Александрович, заместитель начальника отдела разработки и внедрения криминалистической техники центра сопровождения НИОКР в области информационных технологий НИИСТ, stfku@mail.ru, Россия, Москва, Федеральное казенное учреждение «Научно-производственное объединение «Специальная техника и связь» МВД России

THE INFLUENCE OF THE CONDITIONS OF THE EXPERIMENT ON THE METHODOLOGY OF EXPERIMENTATION

D.A. Ryzhikov

The article deals with the conditions of the expert experiment and stages of the experiment, the influence of the conditions on the individual stages of the experiment and final results of the experiment. The main and secondary conditions (factors) affecting the efficiency of the expert experiment are considered.

Key words: experiment, method of expert experiment, conditions of experimentation, the types and influence of the expert of the experiment, the stages of the experiment, the dynamics of change of the experiment, single and complex changes in the terms

Ryzhikov Denis Alexandrovich, deputy chief of the Department of development and implementation criminalistics equipment of the RDISE, stfku@mail.ru, Russia, Moscow, Scientific Institution and production association of the Special equipment and telecoms of the Interior Ministry of the Russian Federation.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ И ОПЕРАТИВНЫХ СОТРУДНИКОВ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ РАЗБОЙНЫХ НАПАДЕНИЙ НА ОРГАНИЗАЦИИ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИЕ МИКРОФИНАНСОВЫЕ ОПЕРАЦИИ С НАСЕЛЕНИЕМ

Е.В. Сафронова, М.В. Старичков

Рассматриваются актуальные вопросы взаимодействия следователя с оперативными подразделениями при расследовании уголовных дел, возбужденных по факту совершения разбоев на организации, осуществляющие микрофинансовые операции с населением. Рассмотрены наиболее актуальные формы взаимодействия: в составе следственно-оперативной группы, при реализации материалов оперативно-розыскной деятельности, оперативное сопровождение уголовных дел.

Ключевые слова: взаимодействие, следователь, материалы оперативно-розыскной деятельности, микрофинансовые операции, микрозаймы, следственные действия, следственно-оперативная группа.

На протяжении последнего десятилетия в России сохраняется сложная социально-экономическая обстановка, которая является основной причиной сохранения острой криминогенной ситуации. Данное обстоятельство проявляется в росте криминального профессионализма лиц, совершающих преступления, применяются все более сложные и усовершенствованные способы совершения организованного разбойного нападения на объекты финансово-кредитной сферы, к числу которых относятся организации, осуществляющие микрофинансовые операции с населением.

По статистическим данным ГИАЦ МВД России 52,4 % от общего числа зарегистрированных преступлений составляют хищения чужого имущества. При этом каждая третья кража и каждое десятое разбойное нападение были сопряжены с незаконным проникновением в жилище, помещение или иное хранилище. Большинство разбойных нападений совершается группой лиц по предварительному сговору или организованной группой. Немалая доля таких преступлений направлена против организаций, осуществляющих микрофинансовые операции с населением [1]. Все это позволяет нам говорить, что вопрос совершенствования процесса расследования разбойных нападений на организации, осуществляющие микрофинансовые операции с населением, остается актуальным.

Определение микрофинансовой организации закреплено в Федеральном законе от 2.07.2010 № 151 «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» [2]. Микрофинансовой организацией признается юридическое лицо, которое осуществляет микрофинансовую деятельность и занесено в соответствии с законодательством в реестр микрофинансовых организаций. Отметим, что деятельность указанных организаций по предоставлению кредитов ограничена в сумме займа, равному

одному миллиону рублей, а также что указанная деятельность не требует лицензирования.

Поскольку в распоряжении указанных организаций имеются денежные средства в общей сумме до нескольких миллионов рублей, они представляют особый преступный интерес для лиц, занимающихся совершением разбойных нападений, что еще раз подтверждает актуальность изучения особенностей расследования указанного вида преступлений.

Важной составляющей процесса расследования преступлений рассматриваемой категории на первоначальном этапе выступает взаимодействие следователя с оперативными подразделениями [3, с. 3]. Практическая деятельность показывает, что при правильном и согласованном проведении совместных следственно-оперативных мероприятий достигается максимальная результативность раскрытия и расследования групповых разбоев, совершенных в отношении микрофинансовых организаций, так как именно на этом этапе расследования достигается максимальное получение криминалистически значимой информации о совершенном преступлении, в том числе фиксация и изъятие материальных следов, установление свидетелей и очевидцев, а также в некоторых случаях установление лиц, совершивших преступление рассматриваемой категории [4, с. 10]. Недостаточный уровень организации взаимодействия следователя с оперативными подразделениями на первоначальном этапе расследования не позволяют обеспечить необходимый объем проверочных мероприятий, что влечет невозможность использования результатов указанного взаимодействия в качестве доказательной базы при расследовании разбойных нападений на организации, осуществляющие микрофинансовые операции с населением.

Хотелось бы рассмотреть несколько наиболее распространенных видов взаимодействия следователя с оперативными подразделениями при расследовании разбойных нападений на организации, осуществляющие микрофинансовые операции с населением. К таким видам можно отнести:

1. Совместную деятельность в составе следственно-оперативной группы (СОГ) – проведение доследственной проверки сообщения о преступлении;
2. Взаимодействие следователя и сотрудника оперативного подразделения при реализации материалов оперативно-розыскной деятельности;
3. Оперативное сопровождение уголовных дел на первоначальном и последующих этапах расследования.

Существует также огромное количество направлений взаимодействия следователя с оперативными подразделениями при расследовании уголовных дел, возбужденных по фактам совершения группового разбоя на объекты финансово-кредитной сферы. К ним можно отнести совместное планирование следственных и иных процессуальных действий, внесение изменений в планы совместных оперативно-следственных мероприятий с учетом изменения исходной информации и т. д. [5, с. 112].

Самой распространенной и, на наш взгляд, результативной формой взаимодействия следователя с оперативными подразделениями на

первоначальном этапе расследования рассматриваемой категории преступлений является проведение совместных следственных и оперативно-розыскных мероприятий в составе СОГ. Изучение данных статистики говорит о том, что по 58 % уголовных дел рассматриваемого вида преступлений расследование осуществлялось дежурной СОГ в ходе проведения доследственной проверки.

Поскольку на первоначальном этапе расследования после поступления информации о совершенном разбое в отношении организации, осуществляющей микрофинансовые операции с населением, первичный сбор всей необходимой информации осуществляется именно составом дежурной следственно-оперативной группой, от уровня организации и проведения следственных и оперативных мероприятий зависит качественный сбор информации для установления повода и основания возбуждения уголовного дела или отказа в его возбуждении [6, с. 399].

Существует практика формирования постоянных СОГ, специализация которых направлена на расследование определенных видов преступлений, например, для расследования тяжких и особо тяжких преступлений, много эпизодных преступлений, совершенных организованными преступными группами, и т. д. Деятельность указанных следственно-оперативных групп регламентирована федеральными законами, а так же ведомственными нормативными актами.

На сегодняшний день остается огромное число мнений ученых об организации деятельности и составе следственно-оперативных групп. Хотелось бы отметить мнение В.М. Усынина, что «следственно-оперативные группы представляют собой не процессуальную, а организационную форму взаимодействия» [7, с. 113]. В связи с этим их деятельность не должна регламентироваться процессуальным законодательством. Автор утверждает, что результативней в процессуальной плоскости СОГ, состоящая из нескольких следователей. Сотрудники оперативных подразделений не должны входить в состав СОГ, поскольку оперативное сопровождение не является процессуальной деятельностью и регламентируется ведомственными нормативно-правовыми актами. Оперативные сотрудники не должны выполнять следственные действия. Анализируя высказанное утверждение, можно сделать вывод, что деятельность СОГ должна представлять собой взаимодействие следственной группы и сотрудников оперативно-розыскной группы. Данную точку зрения поддерживает А.С. Бастрыгин, который говорит о том, что оперативные сотрудники не вправе проводить следственные действия, но они могут по поручению следователя участвовать в следственных и иных процессуальных действиях [8, с. 3]. Следственная группа выполняет действия, которые поручены ей руководителем СОГ, и в соответствии с уголовно-правовым законодательством, а оперативно-розыскная группа, которая входит в состав СОГ, осуществляет оперативное сопровождение процесса расследования преступлений рассматриваемого вида, а также выполняет отдельные следственные действия по поручению руководителя СОГ.

На наш взгляд, для результативного взаимодействия субъектов расследования в составе СОГ необходимо на законодательном уровне

закрепить постоянно действующие следственно-оперативные группы территориальных отделов МВД России. Необходимость создания указанных групп обусловлена рядом противоречий в управлении СОГ, а также обеспечением комплексного подхода к решению задач при расследовании разбоев на организации, осуществляющие микрофинансовые операции с населением. Такая практика применяется в ряде территориальных следственных управлений, и по данным статистики процент раскрываемости сложных преступлений общеуголовной направленности значительно выше, чем в территориальных отделах ОВД, где следственно-оперативная группа формируется на период дежурных суток [9, с. 278]. А поскольку специализация следователей и сотрудников оперативных подразделений имеет свою специфику (по линии работы), возникает необходимость формирования специализированных СОГ.

Самым распространенным и часто применяемым на практике процессуальным действием в ходе проведения предварительной проверки на первоначальном этапе в составе СОГ является получение объяснений в ходе опроса лиц, которые обладают или могут обладать значимой информацией [10, с. 24]. По результатам опроса следователей и работников оперативных подразделений указанное процессуальное действие проводится в 93% случаев в ходе проведения первоначальных следственных действий при расследовании разбойных нападений на организации, осуществляющие микрофинансовые операции с населением.

Следующей, особой формой взаимодействия следователя с сотрудниками оперативных подразделений выступает реализация материалов оперативно-розыскной деятельности по фактам совершения разбойных нападений на организации, осуществляющие микрофинансовые операции с населением. Указанная форма взаимодействия является наиболее проблематичной в практической деятельности и требует особого внимания и изучения.

Особенности специфики реализации материалов оперативно-розыскной деятельности рассматривались такими учеными, как С.Н. Гонтарь, Г.А. Кокурина, Е.И. Мазова, А.В. Макаров и др. [11, с. 66]. В настоящее время в научной и специальной литературе ведутся оживленные дискуссии по вопросам легализации использования результатов оперативно-розыскной деятельности при расследовании разбойных нападений на организации, осуществляющие микрофинансовые операции с населением.

Поскольку оперативно-розыскная деятельность уполномоченных подразделений ОВД представляет собой особый вид поисковой деятельности, соответственно результаты указанной деятельности носят в большинстве случаев конфиденциальный характер. Реализация материалов осуществляется в рамках возбужденного уголовного дела. К сожалению, статьей 89 УПК РФ не урегулирован механизм использования материалов ОРД, отмечено только то, что в процессе доказывания запрещается использовать результаты ОРД, не отвечающие требованиям, предусмотренным УПК РФ. Анализируя отдельные положения «Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд»,

утвержденной 27 сентября 2013 г. совместным приказом МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68, можно сделать логический вывод, что для оптимального использования результатов оперативно-розыскной деятельности их необходимо преобразовать в доказательства [10, с.398]. Другими словами, чтобы на основе ОРД доказательства были собраны и оценены с точки зрения допустимости в соответствии с нормами УПК РФ.

Термин «результаты оперативно-розыскной деятельности» имеет множество дефиниций в научной литературе [12, с.36]. Некоторые авторы склонны полагать, что любые сведения, которые были предоставлены следователю в рамках расследования преступления, сами по себе являются доказательствами. Высказанная позиция не совсем соответствует действительности, поскольку определенные результаты оперативно-розыскной деятельности не в полной мере соответствуют требованиям, предъявляемым УПК РФ.

Еще одной актуальной формой взаимодействия следователя с сотрудниками оперативных подразделений при расследовании разбоев, совершенных организованными преступными группами на организации, осуществляющие микрофинансовые операции с населением, выступает оперативное сопровождение уголовных дел. Когда первоначальный этап расследования подошел концу, все необходимые доказательства собраны в том объеме, в котором позволила ситуация на указанном этапе расследования, проведены все первоначальные следственно-оперативные мероприятия, следственные и процессуальные действия, следователь вынес мотивированное постановление о возбуждении уголовного дела, наступает следующий этап взаимодействия – оперативное сопровождение уголовных дел. Так, Д.И. Берднягов, поддерживая вышеупомянутую позицию, говорит о том, что при сопоставлении результатов, полученных оперативно-розыскным путем, с иными доказательствами по уголовному делу возможна реализация материалов оперативно-розыскной деятельности [13, с. 137]. Существует и обратная точка зрения. Е.А. Доля говорит о том, что результаты оперативно-розыскной деятельности не могут быть использованы в качестве доказательств по уголовным делам в силу специфики их обнаружения и фиксации, поскольку процесс формирования доказательственной базы – процесс субъективный, и в каждом конкретном случае зависит от профессиональной пригодности следователя [14, с. 42]. На этом основании можно говорить о том, что результаты оперативно-розыскной деятельности правомерно использовать в качестве основы, на которой в дальнейшем базируются доказательства.

Под оперативным сопровождением уголовных дел понимается комплекс мероприятий по установлению обстоятельств и фактов оперативного и процессуального характера, способствующих установлению истины по расследуемому преступлению, что служит основой оптимизации процесса расследования. Важно отметить, что оперативное сопровождение уголовных дел возможно на всем протяжении расследования, а также в ходе рассмотрения

уголовного дела в суде. Указанная форма взаимодействия следователя с подразделениями, осуществляющими оперативную работу, реализуется посредством выполнения отдельных поручений [15, с. 33]. Данная форма взаимодействия имеет свои отличительные особенности. При этом возникает ряд проблем, решение которых позволит укрепить взаимодействие следователя с оперативным аппаратом ОВД, что послужит основанием качественного расследования и раскрытия разбоев, совершенных организованными преступными группами в отношении микрофинансовых организаций.

В заключении хотелось бы отметить, что при эффективном взаимодействии следователя с оперативными подразделениями, которое начинается с осмотра места происшествия и продолжается на протяжении всего процесса расследования, повышается результативность раскрытия уголовных дел, в частности, возбужденных по факту совершения разбойных нападений на организации, осуществляющие микрофинансовые операции с населением.

Список литературы

1. Состояние преступности в России за 2017 г. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://xn--b1aew.xnp1ai/reports/item/11830347> (дата обращения 15.10.2018).

2. О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях: федеральный закон от 02.07.2010 № 151 (ред. от 23.04.2018) // Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> - 23.04.2018).

3. Варданыан А.В. Дискуссионные вопросы формирования исходных следственных ситуаций, типичных для первоначального этапа злоупотреблений полномочиями лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческих и иных организациях // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2013. Вып. 2. Ч. II. С. 3–9.

4. Грибунов О.П. К вопросу о противодействии экстремизму на объектах транспорта // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2013. №3 (66). С. 9-16.

5. Варданыан А.В. Особенности выявления, раскрытия и начального этапа расследования попытки мошенничества с компенсацией налога на добавленную стоимость. Иркутск: ВСИ МВД России, 2016. 112 с.

6. Телепнев П.Ф. Теоретические вопросы получения и использования оперативно-розыскной информации // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 3. С. 398-402.

7. Усынин В.М. Следственно-оперативные и следственные группы и их взаимодействие // Вестник Удмурского университета, 2005. № 6 (2). С 111-117.

8. Бастрыкин А.С. Организационно-управленческая деятельность руководителя следственно-оперативной группы и руководителя оперативно-розыскной (поисковой) группы при планировании деятельности следственно-оперативной группы // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2016. № 119 (05). С. 1-40.

9. Травкин Е.А. О совершенствовании взаимодействия в форме следственно-оперативных групп // Научный журнал КубГАУ. 2017. № 127 (03). С. 275-281.

10. Варданян А.В., Грибунов О.П. Современная доктрина методико-криминалистического обеспечения расследования отдельных видов преступлений // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 2 (81). С. 23-35

11. Поздняков А.Н. К вопросу об оперативно-разыском сопровождении уголовных дел, возбужденных по фактам бандитизма // Труды Академии управления МВД России. 2012. №2 (22). С. 66-69.

12. Меретуков Г.М. Использование материалов оперативно-розыскной деятельности в расследовании // Научный журнал КубГАУ. 2013. № 92(08). С. 34-46.

13. Берднягов Д.И. Оперативно-разыское сопровождение расследования уголовных дел и использование при этом результатов ОРД//Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 4 (40). С. 135-141

14. Доля А.Е. Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности// Российская юстиция. 1994. №6. С. 42-54.

15. Головин, А. Ю. Базовые криминалистические классификации преступлений // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2013. Вып. 2. Ч. II. С. 31–40.

Сафронова Екатерина Владимировна, адъюнкт, 89500737287@yandex.ru, Россия, Иркутск, Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации

Старичков Максим Владимирович, канд. юрид. наук, доц., начальник кафедры, maximstar@narod.ru, Россия, Иркутск, Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации

THE INTERACTION OF INVESTIGATIVE UNITS AND OPERATIONAL STAFF IN THE INVESTIGATION OF ROBBERIES AGAINST ORGANIZATIONS ENGAGED IN MICROFINANCE OPERATIONS WITH THE POPULATION

E.V. Safronova, M.V. Starichkov

The article deals with topical issues of interaction of the investigator with the operational units in the investigation of criminal cases instituted on the fact of committing robberies to organizations conducting microfinance operations with the public. The most relevant forms of interaction are considered: interaction within the investigative-operational group, interaction in the implementation of operational-search activity materials, and operational support of criminal cases.

Key words: interaction, investigator, materials of operational-search activity, microfinance operations, microloans, investigative actions, investigative-operational group.

Safronova Ekaterina Vladimirovna, Adjunct, 89500737287@yandex.ru, Russia, Irkutsk, East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Starichkov Maxim Vladimirovich, Cand. legal Sci., Associate Professor, Head of Department, maximstar@narod.ru, Russia, Irkutsk, East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

УДК 343.13

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ ОКОНЧАНИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА И НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЛА ПРОКУРОРУ

М.Ю. Скоропупова

Рассматриваются отдельные аспекты предварительного расследования уголовного дела, составления и утверждения обвинительного заключения, разрешение отдельных вопросов на завершающем этапе досудебного производства по уголовному делу. Приводится характеристика завершающего этапа расследования уголовного дела, окончания предварительного следствия с составлением обвинительного заключения, ознакомления с материалами уголовного дела участников уголовного процесса, направления уголовного дела прокурору, решения прокурора по поступившему уголовному делу.

Ключевые слова: уголовное дело, расследование, обвинительное заключение, следователь, прокурор, доказательства, законодательство.

Завершающим этапом расследования уголовного дела считается составление лицом, производящим расследование совершенного преступления, итогового решения по результатам расследования.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее - УПК РФ) предусматривает различные процессуальные решения, которыми возможно окончание предварительного расследования по уголовному делу:

- составление обвинительного заключения и направление уголовного дела прокурору;
- составление обвинительного акта и направление уголовного дела прокурору;
- составление обвинительного постановления и направление уголовного дела прокурору;
- вынесение постановления о направлении уголовного дела в суд для применения принудительных мер медицинского характера;
- вынесение постановления о прекращении уголовного преследования и направлении уголовного дела в суд для применения к несовершеннолетнему обвиняемому принудительных мер воспитательного воздействия;

- вынесение постановления о прекращении уголовного дела.

Итоговым решением на стадии окончания предварительного расследования является составление обвинительного заключения, которое занимает особое место среди решений, принимаемых на заключительном этапе досудебного производства по уголовному делу.

В зависимости от того, в какой форме производилось предварительное расследование, зависит и вид итогового документа. Если предварительное расследование осуществлялось в форме предварительного следствия, составляется обвинительное заключение, в форме дознания - обвинительный акт, в случае проведения дознания в сокращенной форме - обвинительное постановление.

За 9 месяцев 2018 года в Тульской области в суд направлено 912 уголовных дела о тяжких преступлениях, 214 уголовных дел об особо тяжких преступлениях [1].

Необходимо более подробно остановиться на окончании предварительного следствия с составлением обвинительного заключения.

В юридической литературе окончание предварительного следствия с составлением обвинительного заключения традиционно представляют в виде самостоятельного заключительного этапа стадии предварительного расследования [2, с. 23]. Он имеет установленные законом временные рамки, обособленный круг участников, характерные правовые средства; разрешает специфические задачи. Собираение доказательств виновности перестает быть основным содержанием деятельности следователя, которая становится в большей степени направленной на создание условий для реализации участниками своих прав и беспрепятственного рассмотрения уголовного дела в суде.

Важным является определение момента окончания предварительного следствия с составлением обвинительного заключения. В научной литературе встречается точка зрения, согласно которой деятельность прокурора по поступившему к нему уголовному делу с обвинительным заключением выступает не составной частью окончания предварительного расследования, а самостоятельным этапом [3, с. 123] и даже стадией уголовного процесса [4, с. 35]. В соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством ч. 2 ст. 162 УПК РФ, в которой указано, что в срок предварительного следствия включается время со дня возбуждения уголовного дела и до дня его направления прокурору с обвинительным заключением или постановлением о передаче уголовного дела в суд для рассмотрения вопроса о применении принудительных мер медицинского характера либо до дня вынесения постановления о прекращении производства по уголовному делу, этим предварительное следствие завершается, однако нормы, регулирующие действия и решения прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением, указаны в гл. 31 УПК РФ, которая входит в раздел «Предварительное расследование».

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что составлением обвинительного заключения по делу и направлением его прокурору, то есть

окончанием деятельности следователя по уголовному делу, досудебное производство не завершается. Следовательно, принятие решения прокурором по уголовному делу, поступившему к нему с обвинительным заключением, входит в предварительное расследование и является его составной частью.

Деятельность следователя, составляющего обвинительное заключение и направляющего уголовное дело прокурору, во взаимосвязи с деятельностью прокурора, который утверждает обвинительное заключение, вручает его копию обвиняемому и направляет уголовное дело в суд для рассмотрения по существу, создают необходимые предпосылки для рассмотрения дела в суде.

Этап окончания предварительного следствия с составлением обвинительного заключения состоит из последовательно сменяющих друг друга действий следователя, руководителя следственного органа и прокурора, содержит разнообразные правоотношения, которые регламентированы нормами уголовно-процессуального закона. Так, статья 215 УПК РФ регламентирует порядок принятия следователем решения об окончании производства следственных действий, уведомления участников уголовного процесса об окончании производства следственных действий и разъяснения им права на ознакомление с материалами уголовного дела; регулирование предъявления для ознакомления потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику и (или) их представителям материалов уголовного дела, содержится в статье 216 УПК РФ; необходимость систематизации и оформления следователем материалов уголовного дела, предъявление материалов уголовного дела для ознакомления обвиняемому и его защитнику, разъяснение обвиняемому его права ходатайствовать о рассмотрении уголовного дела судом присяжных, коллегией из трех федеральных судей, о применении особого порядка судебного разбирательства, о проведении предварительного слушания предусмотрена статьей 217 УПК РФ; разрешение следователем, заявленных участниками ходатайств – статья 219 УПК РФ; составление обвинительного заключения, направление уголовного дела прокурору - статья 220 УПК РФ; деятельность прокурора по рассмотрению уголовного дела, поступившего с обвинительным заключением, и направление его в суд установлена статьями 221, 222 УПК РФ.

В связи с изложенным можно сделать вывод, что окончание предварительного расследования не единичное действие, а целый комплекс действий должностных лиц и возникающих на этом этапе правоотношений. Характер деятельности на завершающем этапе расследования определяет ее важную роль для участников уголовного судопроизводства.

При окончании предварительного расследования и составлении обвинительного заключения у следователя имеется возможность еще раз подробно изучить уголовное дело, проверить всесторонность, полноту и объективность расследования, дать оценку доказательствам с точки зрения их достаточности и допустимости для вывода о виновности лица и использования их в судебном следствии. По действующему уголовно-процессуальному законодательству неполнота, односторонность расследования, допущенные нарушения в ходе проведенного расследования по уголовному делу, устранить

в ходе судебного разбирательства проблематично, а в отдельных случаях невозможно. Поэтому на данном этапе важно выявить и устранить все допущенные в ходе расследования недостатки.

Необходимо отметить, что на этапе окончания расследования уголовного дела, осуществляется контроль со стороны участников уголовного процесса, руководителя следственного органа и прокурора за произведенным следователем расследованием. Участники уголовного процесса реализуют предоставленные им права при ознакомлении с материалами уголовного дела, а должностные лица – при изучении дела, поступившего от органа следствия с обвинительным заключением. Возможность такого контроля направлена на проверку полноты проведенного расследования и неукоснительного соблюдения при этом норм уголовно-процессуального законодательства.

Прокуроры, осуществляющие надзор, акцентируют внимание на качестве и своевременности проведения неотложных следственных действий по установлению и закреплению следов преступления, получения и надлежащей фиксации доказательств, использования возможностей оперативно-розыскных мероприятий, дают письменные указания о производстве отдельных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий [5, с. 118].

В соответствии с п. 15 ч. 2 ст. 37 УПК РФ прокурор обладает полномочиями по возвращению уголовного дела следователю со своими письменными указаниями о производстве дополнительного расследования, об изменении объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или для пересоставления обвинительного заключения и устранения выявленных недостатков.

Следователю иногда бывает сложно беспристрастно оценить результаты своей работы, выявить допущенные им нарушения. Поэтому часто внешняя оценка хода расследования позволяет увидеть имеющиеся недостатки [6, с. 35].

Изучение материалов расследования позволяет реализовать предусмотренное ч. 2 ст. 24 Конституции РФ право граждан на ознакомление с документами и материалами уголовного дела, затрагивающими их права и свободы, создает условия для реализации ими своих процессуальных прав. Право на ознакомление с материалами уголовного дела обеспечивает возможность своевременно изучать имеющиеся доказательства, заявлять ходатайства, обжаловать действия и решения следователя, качественно подготовиться к защите своих интересов в ходе судебного разбирательства.

Указанный этап досудебного производства по уголовному делу характеризуется подведением итогов расследования. Окончательно определяется квалификация содеянного, круг лиц, в отношении которых уголовное дело будет направлено в суд, перечень доказательств подлежащих исследованию в судебном заседании с целью установления виновности обвиняемого лица, перечень смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств, характер и размер процессуальных издержек, разрешаются иные значимые вопросы. Кроме того, происходит окончательное оформление материалов досудебного производства: систематизация материалов уголовного дела следователем, при наличии необходимости распределение материалов

дела по томам, их подшивка, нумерация листов дела и составление описи документов. Указанное имеет принципиальное значение, так как в соответствии с требованиями ст. 217 УПК РФ обвиняемому и его защитнику для ознакомления предъявляются только подшитые и пронумерованные материалы уголовного дела, за исключением случаев, установленных законом.

Определение состава суда, который будет рассматривать уголовное дело по существу, и порядка рассмотрения также происходит на данном этапе предварительного следствия. Так, по окончании ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела в соответствии с ч. 5 ст. 217 УПК РФ следователь обязан выяснить, желает ли он, чтобы его дело было рассмотрено судом с участием присяжных заседателей или коллегией из трех судей федерального суда общей юрисдикции. Обвиняемый также имеет право ходатайствовать о рассмотрении его дела в особом порядке судебного разбирательства и о проведении предварительного слушания.

Таким образом, основанием окончания предварительного расследования по делу является совокупность обстоятельств, позволяющих следователю признать, что все следственные действия по уголовному делу произведены, а собранные доказательства достаточны для того, чтобы окончательно убедиться в характере совершенного преступления, в виновности привлеченного к уголовной ответственности лица, а также сделать вывод о наличии либо отсутствии других обстоятельств, входящих в предмет доказывания.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что этап окончания предварительного расследования с составлением обвинительного заключения имеет важное значение и при этом создает условия для последующей возможности рассмотрения уголовного дела в суде по существу.

Список литературы

1. Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации: http://crimestat.ru/regions_table_total

2. Насонова И.А., Буров Ю. В. Процессуальный порядок окончания предварительного следствия с составлением обвинительного заключения: монография. М., 2012. 232 с.

3. Лазарева В. А. Теория и практика судебной защиты в уголовном процессе. Самара, 2000. 419 с.

4. Манова Н.С., Францифоров Ю. В. Процессуальная природа деятельности прокурора при окончании досудебного производства // Российский следователь. 2003. № 8. С. 35-37

5. Поляков П.М., Федулов А.В. Прокурорский надзор, 4-е издание. Москва. Юрайт, 2010. 172 с.

6. Артамонов А.Н. Окончание предварительного расследования: учеб. пособие / А. Н. Артамонов, П. В. Седельников. Омск: Омская академия МВД России, 2016. 140 с.

Скоропупова Мария Юрьевна, соискатель, Россия, Москва, Университет прокуратуры Российской Федерации

TO THE ISSUE OF COMPLETION'S PROBLEMS OF THE CRIMINAL INVESTIGATION AND
REFERRAL OF THE CASE TO THE PROSECUTOR

M. Y. Skoropupova

The article considers some aspects of the preliminary investigation of the criminal case, problematic issues of preparation and approval of the indictment, the process of taking decisions of certain issues at the final stage of pre-trial proceedings in the criminal case.

The characteristic of the final stage of the investigation of the criminal case, the end of the preliminary investigation by the preparation of the indictment, familiarization with the materials of the criminal case by the participants of the criminal process, direction of the criminal case to the prosecutor, the prosecutor's decision on the received criminal case.

Key words: criminal case, investigation, indictment, investigator, prosecutor, proof, legislation.

Skoropupova Maria Yuryevna, Applicant, Russia, Moscow, University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

УДК 347:378.014.542:378.342

**ПРАВОВЫЕ КРИТЕРИИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ
РАСХОДОВАНИЯ СРЕДСТВ ДЛЯ ОРГАНИЗАЦИИ КУЛЬТУРНО-
МАССОВОЙ, ФИЗКУЛЬТУРНОЙ И СПОРТИВНОЙ,
ОЗДОРОВИТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СО СТУДЕНТАМИ**

Э.С. Темнов, М.А. Берестнев, В.А. Абрамова

Рассмотрен порядок выделения средств для организации культурно-массовой, физкультурной и спортивной, оздоровительной работы с обучающимися. Проанализированы проблемы нецелевого использования бюджетных средств, отсутствия нормативной базы, обеспечивающей целевой характер расходования средств. Сделаны предложения по обеспечению единого подхода к формированию средств для организации культурно-массовой, физкультурной и спортивной, оздоровительной работы с обучающимися и направлений их расходования.

Ключевые слова: высшее образование, право на образование, стипендии, государственная социальная стипендия, средства федерального бюджета, целевое использование бюджетных средств, внеучебная работа.

Указом Президента РФ от 7.05.2008 «О национальных целях и стратегических задачах развития РФ на период до 2024 года» [1] установлено, что одной из базовых целей развития государства является повышение уровня жизни граждан и создание комфортных условий для их проживания, а также создание условий и возможностей для самореализации и раскрытия таланта каждого человека.

Одним из важнейших условий осуществления вышеуказанной цели, является проведение комплекса мероприятий, реализуемых в сфере образовательной деятельности, не ограничиваясь при этом непосредственно образовательным процессом, но и включая процесс развития и воспитания всесторонне развитой личности, а также улучшение физического состояния обучающихся. Для осуществления данных мероприятий необходима программа реализации и проведения культурно-массовой, физкультурной и спортивной, оздоровительной работы с обучающимися.

В настоящее время уделяется повышенное внимание вопросам развития физкультуры и спорта в стране, в том числе и на самом высоком государственном уровне. Стратегией развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2020 года [2] (далее - Стратегия), утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 07.08.2009 № 1101-р, обозначены основные цели данного направления.

В качестве одной из основных целей, направленной на развитие физической культуры и спорта в России, выступает повышение процента обучающихся и студентов, регулярно занимающихся физической культурой и спортом. Разработчиками Стратегии планировалось на первоначальной стадии (2009-2015 годы) повысить процент обучающихся и студентов, регулярно занимающихся физической культурой и спортом, с 34,5% до 60%, а на последующих этапах (2016-2020 годы) – до 80%. Для достижения указанной цели ведётся активная работа, направленная на совершенствование существующей в образовательных учреждениях системы физического воспитания.

Стратегией в целях совершенствования системы физического воспитания и развития спорта в образовательных учреждениях предложено:

- модернизировать систему физкультурных и спортивных мероприятий для всех категорий обучающихся и студентов;
- внедрять рекомендации по повышению эффективности проведения обязательных уроков (занятий) физической культуры в системе образовательных учреждений;
- разрабатывать и внедрять образовательные программы физического воспитания детей с ограниченными возможностями здоровья и инвалидов для образовательных учреждений всех типов;
- организовывать ежегодный всероссийский смотр-конкурс на лучшую организацию спортивно-массовой работы среди обучающихся и студентов;
- модернизировать перечень аккредитационных показателей деятельности вуза с учетом эффективности системы физического воспитания студентов и организации спортивно-массовой работы.

Частью воспитательной внеучебной работы с обучающимися и студентами является культурно-массовая работа, которая ведется в любительских объединениях, кружках, студиях, ансамблях, секциях, лекториях и т.д., и включает в себя проведение различных мероприятий, концертов,

представлений в рамках реализации проектов вуза, а также на межвузовском, городском и межрегиональном уровнях.

Затраты на организацию культурно-массовой, физкультурной, спортивной и оздоровительной работы со студентами в рамках оказания государственной услуги (в том числе в составе услуг подготовки специалистов с высшим образованием) входят в состав нормативных затрат на прочие общехозяйственные нужды. Таким образом, средства на культурно-массовую, физкультурную, спортивную и оздоровительную работу со студентами являются частью субсидии на выполнение государственного задания, и руководитель учреждения несет ответственность за целевое использование данных средств.

При расходовании выделенных из бюджета средств руководители учреждения в первую очередь обязаны обеспечить целевой характер их использования.

Нецелевым использованием бюджетных средств признаются направление средств бюджета бюджетной системы РФ и оплата денежных обязательств в целях, не соответствующих полностью или частично целям, определенным законом (решением) о бюджете, сводной бюджетной росписью, бюджетной росписью, бюджетной сметой, договором (соглашением) либо иным документом, являющимся правовым основанием для предоставления указанных средств (п. 1 ст. 306.4 БК РФ) [3].

В соответствии с частью 15 статьи 36 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [4] (далее Закон об образовании) профессиональным образовательным организациям и образовательным организациям высшего образования, осуществляющим оказание государственных услуг в сфере образования за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета, выделяются средства для организации культурно-массовой, физкультурной и спортивной, оздоровительной работы с обучающимися в размере месячного размера части стипендиального фонда, предназначенной на выплаты государственных академических стипендий студентам и государственных социальных стипендий студентам, по образовательным программам среднего профессионального образования и двукратного месячного размера части стипендиального фонда, предназначенной на выплаты государственных академических стипендий студентам и государственных социальных стипендий студентам, по образовательным программам высшего образования.

Также Законом об образовании установлено, что профессиональным образовательным организациям и образовательным организациям высшего образования, осуществляющим оказание государственных услуг в сфере образования за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета, выделяются средства на оказание материальной поддержки нуждающимся обучающимся в размере двадцати пяти процентов предусматриваемого им размера части стипендиального фонда, предназначенной на выплаты государственных академических стипендий студентам и государственных социальных стипендий студентам. Материальная поддержка обучающимся

выплачивается в размерах и в порядке, которые определяются локальными нормативными актами, принимаемыми с учетом мнения советов обучающихся и представительных органов обучающихся.

Как показала практика, нормативной базы, обеспечивающей целевой характер расходования указанных средств, не сформировано.

Образовательные организации самостоятельно определяют направления расходования средств на выполнение государственного задания в соответствии с планом финансово-хозяйственной деятельности, не придерживаясь размеров составляющих базовых нормативов затрат на оказание государственных услуг по реализации образовательных программ. Образовательная организация может не расходовать средства на культурно-массовую, физкультурную и спортивную, оздоровительную работу с обучающимися, поскольку непосредственно на выполнение государственного задания данная работа не оказывает влияния. Кроме этого, отсутствует понятийный аппарат для отнесения расходов к культурно-массовой, физкультурной и спортивной, оздоровительной работе с обучающимися.

Существует практика возбуждения уголовного дела по признакам преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 285.1 Уголовного кодекса РФ [5], по факту совершения руководством университета нецелевого расходования бюджетных средств в особо крупном размере. Основанием для возбуждения уголовного дела послужило распределение, предоставленных образовательной организации для организации культурно-массовой, физкультурной и спортивной, оздоровительной работы со студентами, денежных средств, которое заключалось в том, что большая часть денежных средств была направлена на приобретение учебной литературы, программного обеспечения, подписку на периодические издания, изготовление бланков государственного образца.

Следственными органами был сделан вывод о том, что должностными лицами университета денежные средства, предоставленные образовательной организации для организации культурно-массовой, физкультурной и спортивной, оздоровительной работы со студентами, были направлены на иные цели, не предусмотренные в качестве основания предоставления денежных средств в соответствии с ч. 15 ст. 36 Закона об образовании.

В письме Министерства образования и науки от 25 февраля 2016 года № 09-313 сказано о том, что средства федерального бюджета на организацию культурно-массовой, физкультурной и спортивной, оздоровительной работы со студентами, включенные в состав субсидии на финансовое обеспечение выполнения государственного задания, могут расходоваться для организации и проведения соответствующих мероприятий, а также на приобретение необходимых для реализации указанных мероприятий материальных запасов, включая расходные материалы и мягкий инвентарь, но не могут быть направлены на расходы, связанные с оплатой труда и проведением ремонтных работ [6].

Таким образом, отсутствие документа, содержащего закреплённый перечень того, что относится к целевому расходованию бюджетных средств,

выделенных для организации культурно-массовой, физкультурной и спортивной, оздоровительной работы с обучающимися, приводит к неправильному пониманию правовых норм и нецелевому расходованию денежных средств.

Для того чтобы обеспечить единый подход к формированию средств для организации культурно-массовой, физкультурной и спортивной, оздоровительной работы с обучающимися и направлений их расходования необходимо внести изменения в часть 15 статьи 36 Закона об образовании, возложив на Правительство Российской Федерации и федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере высшего образования соответствующие полномочия. Нормативное закрепление перечня целевого расходования бюджетных средств, выделенных для организации культурно-массовой, физкультурной и спортивной, оздоровительной работы с обучающимися, позволит образовательным организациям эффективно и грамотно распределять выделенные им денежные средства, не нарушая законодательство Российской Федерации.

Публикация выполнена в рамках реализации научно-исследовательской работы 26.12952.2018/12.1 в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России

Список литературы

1. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 // Российская газета, № 97с, 09.05.2018.
2. Об утверждении Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2020 года: распоряжение Правительства РФ от 07.08.2009 № 1101-р // Собрание законодательства РФ, 17.08.2009, № 33, ст. 4110.
3. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ // Российская газета, № 153-154, 12.08.1998.
4. Об образовании в Российской Федерации: федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ // Российская газета от 31.12.2012. № 303.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, № 25, ст. 2954.
6. Об эффективности расходования средств для организации культурно-массовой, физкультурной и спортивной, оздоровительной работы со студентами: письмо Минобрнауки России от 25.02.2016 № 09-313 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

Темнов Эдуард Сергеевич, канд. техн. наук, проректор по учебно-воспитательной работе, etempov@gmail.com, Россия, Тула, Тульский государственный университет;

Берестнев Михаил Александрович, канд. юрид. наук, доц., директор Института права и управления, berestnev@bk.ru, Россия, Тула, Тульский государственный университет,

Абрамова Валерия Александровна, магистрант, valeriy.abramova@yandex.ru, Россия, Тула, Тульский государственный университет

ON THE EFFICIENCY OF THE EXPENDITURE OF MEANS FOR THE ORGANIZATION OF CULTURAL-MASS, PHYSICAL AND SPORTS, HEALTH-IMPROVING WORK WITH STUDENTS

E.S. Temnov, M.A. Berestnev, V.A. Abramova

The order of allocation of funds for the organization of mass cultural, physical culture and sports, recreational work with students has been considered. Analyzed the problems of misuse of budgetary funds, the lack of a regulatory framework that ensures the targeted nature of the expenditure of funds. Made proposals to ensure a unified approach to the formation of funds for the organization of cultural-mass, physical culture and sports, recreational work with students and the directions of their spending.

Key words: higher education, right to education, scholarships, state social scholarship, federal budget funds, targeted use of budget funds, extracurricular work.

Temnov Eduard Sergeevich, cand. tech. sciences, vice-rector for educational work, etemnov@gmail.com, Russia, Tula, Tula State University;

Berestnev Mikhail Alexandrovich, Cand. legal Sci., Associate Professor, Director of the Institute of Law and Management, berestnev@bk.ru, Russia, Tula, Tula State University,

Abramova Valeria Alexandrovna, student, valeriy.abramova@yandex.ru, Russia, Tula, Tula State University

УДК 342

СОДЕРЖАНИЕ ПРАВСТВЕННОСТИ КАК ОБЪЕКТА КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ

А.А. Фомичев

Посвящена разработке оценочного понятия «нравственность», установлению его содержания как объекта конституционно-правовой защиты. В статье проводится анализ законодательства и отдельных его положений, связанных с защитой общественной нравственности. Рассматриваются позиции ученых, исследовавших содержание нравственности как объекта правовой защиты в отраслях права. Формулируется содержание нравственности в конституционном праве. Делается вывод о необходимости дальнейших теоретических и практических разработок в сфере защиты нравственности.

Ключевые слова: нравственность, общественная нравственность, защита нравственности, ограничение прав и свобод человека и гражданина, объект конституционно-правовой защиты, содержание нравственности, правовое ограничение по мотивам нравственности, конституционное понятие, оценочное понятие.

Ч. 3 ст. 55 Конституции РФ закрепляет положение, согласно которого права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены в целях

защиты нравственности. Данное положение наделяет нравственность статусом объекта конституционно-правовой защиты. Однако, несмотря на высокую значимость такого статуса, он остается нереализованным в полной мере. Это обусловлено неопределенностью нравственности как правового и, в частности, конституционного понятия. Такая неопределенность имеет под собой ряд оснований.

Во-первых, нравственность является оценочным понятием. Отсутствие четкого определения позволяет расширить сферу его действия на самые разнообразные явления и события. Иными словами, в целях защиты нравственности права и свободы личности могут быть ограничены в различных условиях и обстоятельствах. Она выступает универсальным инструментом, с помощью которого право может осуществить свои запрещающие, ограничительные функции даже в случае отсутствия прямого правового регулирования общественных отношений [1, с. 117]. Безусловно данный факт имеет положительные и отрицательные стороны. Отсутствие установленных критериев ограничения прав и свобод личности по мотивам нравственности может вызвать их неправомерное, недопустимое, произвольное сужение. А правовое закрепление четкого определения нравственности, напротив, создает риск уменьшения круга защищаемых явлений, что создает опасность причинения вреда важным общественным отношениям.

Во-вторых, нравственность в качестве объекта конституционно-правовой защиты продолжает оставаться предметом научных споров. Сторонники либертарной позиции отказываются признавать ее самостоятельным объектом данной защиты, основывая свои взгляды на полном разделении права и нравственности как двух обособленных явлений. По их мнению, нравственность может выступать только основанием ограничения прав и свобод человека и гражданина. При этом обязательным условием ее применения должно стать конкретное нарушение прав и свобод других лиц. П. П. Баранов и А. И. Овчинников считают такую точку зрения неприемлемой, так как она полностью противоречит интересам национальной безопасности Российской Федерации. Именно данные взгляды лежат в основе раздробления и разобщения российского общества, подрыва моральных устоев, духовных, культурных и патриотических традиций [2, с. 47].

Сторонники противоположной позиции считают, что нравственность является самостоятельной конституционной ценностью и объектом правовой защиты. По их мнению, посягательство на нее нарушает саму сущность права, обесценивает его роль и предоставляемую правом свободу. Поэтому, как отмечает Г. В. Мальцев, на правовые нормы следует опираться в их неотрывной связи с нравственной практикой общества [3, с. 40-45].

В определении Конституционного Суда Российской Федерации от 8.06.2004 № 226-О указано, что понятие «нравственность» может наполняться содержанием в зависимости от правоприменительной практики и от его толкования участниками судопроизводства. Но как видно из вышеизложенного, данное понятие приобретает совершенно различный смысл, зависящий от взглядов и убеждений лица. По этому поводу Ю.В. Романец также считает, что

у каждого правоприменителя «своя правда», поэтому в данном вопросе не стоит полностью полагаться на правоприменительную практику [4, с. 188-199].

В связи с этим представляется целесообразным определить содержание нравственности как объекта конституционно-правовой защиты, установить сферу охраняемых Конституцией РФ общественных отношений, понимаемых под нравственностью. Это позволит исключить произвольное толкование нравственности и создаст условия для более эффективной правоприменительной деятельности, связанной с указанным понятием.

В этой связи необходимо отметить, что объект конституционно-правовой защиты концентрирует в себе правовые основания для защиты нравственности в других отраслях права. И, наоборот, все, что охраняется нормами отраслевого законодательства, составляет объект конституционно-правовой защиты. Следовательно, чтобы определить содержание нравственности в сфере конституционных отношений, необходимо установить и объединить ее содержание в других отраслях российского права.

Нравственность является объектом правовой защиты семейного, гражданского, административного, уголовного, и других отраслей права. Так ст. 169 Гражданского кодекса признает ничтожными сделки, заведомо противные основам правопорядка и нравственности [5]. По мнению С. С. Желонкина, под указанными сделками следует понимать именно «антисоциальные сделки», которые формально могут и не противоречить закону, но нарушают интересы общества и государства [6, с. 111]. Кроме того, содержанием нравственности, находящейся под правовой защитой, С. С. Желонкин предлагает считать «установленные принципы осуществления субъективного права, основанные на сложившемся в обществе представлении о дозволенном и запрещенном» [6, с. 142].

Говоря о правовой защите нравственности в семейной отрасли права, следует отметить п. 4 ст. 1 Семейного Кодекса РФ, который предусматривает возможность ограничения прав граждан в семье в целях защиты нравственности [7]. Такие ограничения также могут быть связаны с обстоятельствами, прямо непредусмотренными законом, но влекущими ущерб и негативные последствия для общества и государства.

Ч. 1 ст. 1 Семейного Кодекса Российской Федерации устанавливает правовую защиту семьи материнства, отцовства и детства, исходя из необходимости укрепления семьи, построения семейных отношений на чувствах взаимной любви и уважения, взаимопомощи и ответственности перед семьей всех ее членов, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи. Вместе с тем государство осуществляет контроль за состоянием семьи и «чистотой» сложившихся в ней отношений. Право родителей одновременно выступает и обязанностью, в соответствии с которой они несут ответственность за воспитание, осуществляют заботу о здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии своих детей (ст. 63). Поэтому родительские права не могут осуществляться в противоречии с интересами детей, не должны причинять вред их физическому, психическому здоровью и нравственному развитию (ст. 65). В противном случае родители

могут быть ограничены в своих правах или вовсе лишены их. Основанием такого решения могут являться конкретно предусмотренные законом обстоятельства, содержащиеся в ст. 69, 73 СК РФ, совокупность данных обстоятельств или иные обстоятельства, не входящие в указанный перечень, но причиняющие ущерб интересам общества и государства [7]. Причем такой ущерб может проявиться не сразу, а вызвать значительные негативные последствия в будущем.

В данном случае нравственность выступает как понятием, объединяющим не предусмотренные законом случаи возможного ограничения семейных прав граждан, так и общим критерием их ограничения. Последнее означает, что нравственность позволяет оценить совокупность всех условий и обстоятельств сложившейся ситуации с позиций общечеловеческих ценностей, ориентиров и культурно-исторических предпосылок. При этом должны учитываться наличие и степень причиняемого обществу и государству вреда.

В целом, говоря о содержании нравственности как объекте семейно-правовой защиты, стоит отметить, что оно наполняется физическим, психическим, нравственным здоровьем детей и условиями для их развития, уважением, взаимопомощью, любовью и взаимной ответственностью всех членов семьи. Все это объединяется понятием «естественные семейные отношения», так как данные процессы и явления заложены в саму биологическую природу человека. Длительный период человеческого существования показал, что отступление от данных процессов и явлений влечет далеко идущие негативные последствия для всего общества и государства, поэтому их защита является одной из основных задач государства.

Ст. 1.2 КоАП РФ в качестве одной из задач законодательства об административных правонарушениях устанавливает защиту общественной нравственности, а глава шестая данного кодекса содержит перечень административных правонарушений, посягающих, в том числе, на общественную нравственность [8]. О. А. Дизер определяет содержание общественной нравственности как объекта административно-правовой защиты через обозначение ее внешней границы, то есть путем определения признаков самого посягательства на нее. По его мнению, таким посягательством является антисоциальное поведение, обладающее следующими признаками: наносит ущерб личности и окружающим; характеризуется как стойко повторяющееся (многократно или длительно); определяется наличием медицинских заболеваний, «сопровождающих» данное поведение; сопровождается явлениями социальной дезадаптации; предусматривает юридическую ответственность за его проявление [9, с. 129].

Однако вопрос о самом содержании общественной нравственности как объекте административно-правовой защиты остается открытым. Обращаясь к юридическим нормам, предусматривающим ответственность за посягательство на нее, следует отметить, что они направлены на защиту физического и психического здоровья населения, обеспечение нормального (естественного) существования и развития общества, здорового развития несовершеннолетних лиц, защиту общепринятых культурных норм и ценностей, массовых

психологических установок, а также базовых общественных ценностей. Все это в совокупности сопряжено с обеспечением общественного порядка и не может быть приписано ни одному иному объекту правовой защиты, но составляет содержание правового понятия «нравственность».

Глава 25 УК РФ также направлена на охрану и защиту общественной нравственности. А. Е. Шалагин считает, что содержание общественной нравственности составляют нравственные традиции и устои общества. Раскрывая свое утверждение более подробно, он утверждает, что в объект уголовно-правовой охраны нравственности входит совокупность принципов и норм поведения людей в обществе, выражающих представления о добре и зле, справедливости, общественном долге, гражданственности и т.п. [10, с. 8; 13].

Е. В. Миллеров отождествляет содержание нравственности как объекта уголовно-правовой и административно-правовой защиты. Он утверждает, что отличительной чертой уголовно-правовой защиты является высокая степень тяжести нарушения и признак общественной опасности деяния. Само содержание общественной нравственности как объекта уголовно-правовой защиты Е. В. Миллеров определяет через структуру общественных отношений, а именно через компонент социальной связи: нормальное состояние социального общежития (обстоятельства, обеспечивающие взаимодействие индивидов, социальных групп, общества и их спокойствие); удовлетворение различных жизненных потребностей в способах и формах, одобряемых государством и обществом; надлежащее поведение граждан в общественных местах; уважение к чести и достоинству граждан, к труду и его результатам, к нравственным и культурным ценностям [11, с. 34, 44-45].

Обобщая рассмотренные позиции на содержание нравственности как объекта правовой защиты, стоит выделить ряд особенностей:

- в содержание правового понятия «нравственность» входят общественные отношения, защита которых может быть прямо не предусмотрена законом;

- защищаемые общественные отношения непосредственно связаны с господствующими в обществе ценностями, нормами и правилами поведения, то есть выступают их носителями;

- содержанием общественной нравственности являются не конкретные общественные отношения, а их совокупность (здоровье населения, процесс нормального функционирования и развития общества и государства, нормальное состояние социального общежития, естественные семейные отношения, здоровое и гармоничное развитие несовершеннолетних, надлежащее поведение в общественных местах, отношения, складывающиеся на основе базовых общественных ценностей и обеспечивающие общественный порядок);

- причинение вреда указанным общественным отношениям вызывает негативные последствия для всего общества и государства;

- такие негативные последствия проявляются как в краткосрочный период, так могут носить отсроченный и длительный характер.

Для более подробного установления содержания общественной нравственности как объекта правовой защиты также следует обратиться к ряду федеральных законов. Так, ч. 1 ст. 1 Федерального закона № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции...» устанавливает следующее положение: «Государственное регулирование производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и ограничение потребления (распития) алкогольной продукции осуществляются в целях защиты нравственности...» [12]. Ч. 1 ст. 45 Федерального закона № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» в целях защиты здоровья, нравственности и других основополагающих явлений устанавливает ограничения на деятельность, связанную с источником повышенной опасности для больных наркоманией [13]. П. 3 ч. 1 ст. 23.1 Федерального закона № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» предписывает отказ в государственной регистрации некоммерческой организации, если ее наименование оскорбляет нравственность [14]. Подобное положение, запрещающее регистрировать общественное объединение, содержится в п. 6 ст. 23 Федерального закона № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» [15]. Ч. 1 ст. 1 Федерального закона № 244-ФЗ «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр...» устанавливает ограничения деятельности по организации и проведению азартных игр на территории Российской Федерации в целях защиты нравственности [16].

Из вышеприведенных положений нормативных правовых актов следует, что вред общественной нравственности может быть причинен как определенными действиями, видами деятельности, поведением людей, так и различными названиями, наименованиями, изображениями и образами, обращенными в публичную сферу. При этом основной чертой причиняемого вреда является его направленность на внутренние психологические установки, устоявшиеся правила поведения, нормы и ценности, признаваемые большинством членов общества. Вместе с тем вред причиняется не межличностным отношениям, а господствующему большинству общества, его внутренней целостности и психологической стабильности.

Обобщая выше сказанное, стоит отметить, что содержание общественной нравственности как объекта правовой защиты имеет особую специфику. Оно включает в себя совокупность общественных отношений, выступающих носителями фундаментальных общественных ценностей, психологических установок, условий нормального функционирования и развития общества и государства. Поэтому посягательство на общественные отношения, входящие в указанную совокупность, причиняет вред всему обществу и государству.

Несмотря на то, что Е. В. Миллеров признает общественную опасность исключительно признаком преступления, она присуща всем видам посягательства на общественную нравственность. Создаваемая посягательством опасность всегда серьезна, касается всего общества и самих условий его существования [11, с. 36]. Однако такая опасность не всегда явная,

и чтобы ее полностью осознать, необходимо строить логические цепочки, вызываемых деянием последствий.

Таким образом, учитывая базовое положение Конституции РФ по отношению ко всем отраслям российского права и всеохватывающее влияние ее положений на правовое пространство Российской Федерации, нравственность как объект конституционно-правовой защиты имеет следующее содержание: фундаментальные условия и обстоятельства, обеспечивающие благоприятное существование и развитие общества; семейные и иные межличностные отношения, основанные на естественных процессах и явлениях человеческой природы; общественные отношения, выступающие носителями основополагающих общественных ценностей, поддерживаемых большинством населения. Все перечисленные элементы содержания выступают единой совокупностью защищаемых Конституцией РФ общественных отношений. В то же время содержание объектов правовой защиты отраслей права входит в указанную совокупность, детализируя ее компоненты.

Установление содержания нравственности как объекта конституционно-правовой защиты открывает путь для дальнейшего исследования конституционного понятия «нравственность», разработки рекомендаций для его использования в правоприменительной практике и изменений в законодательстве с целью наиболее эффективной правовой защиты общественных отношений.

Список литературы

1. Муранов А. И. Проблема «обхода закона» в материальном и коллизионном праве: дисс... канд. юрид. наук. М., 1999. 272 с.
2. Баранов П.П., Овчинников А.И. Внешние и внутренние угрозы конституционному строю современной России // Российская юстиция. 2017. № 1. С. 44-47.
3. Мальцев Г. В. Нравственные основания права. М.: Изд-во СГУ, 2008. 550 с.
4. Романец Ю. В. Сделки, противные основам правопорядка и нравственности (этический и правовой аспекты) // Вестник гражданского права. 2009. № 2. С. 188-199.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2018) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> - 30.07.2017).
6. Желонкин С. С. Недействительность анτισоциальных сделок, нарушающих основы правопорядка и нравственности: дисс. ... канд. юрид. наук. СПб., 2011 237 с.
7. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // Российская газета. № 17. 27.01.1996.

8. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 12.11.2018) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> - 12.11.2018).

9. Бучакова М. А., Дизер О. А. Содержание общественной нравственности как объекта административно-правовой защиты // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права, 2017. С. 125-131.

10. Шалагин А. Е. Преступления против здоровья населения и общественной нравственности: учеб. пособие / под ред. Ф. Р. Сундурова, Н. Х. Сафиуллина. М.: ЦОКР МВД России, 2007. 288 с.

11. Миллеров Е. В. Уголовно-правовая охрана нравственности. дисс...канд. юр. наук. Ростов-на-Дону, 2006. 204 с.

12. О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции: федеральный закон от 22.11.1995 №171-ФЗ (ред. от 01.01.2018 г.) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 48. Ст. 4553.

13. О наркотических средствах и психотропных веществах: федеральный закон от 08.01.1998 № 3-ФЗ (ред. от 09.01.2018 г.) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 2. Ст. 219.

14. О некоммерческих организациях: федеральный закон от 12.01.1996 г. № 7-ФЗ (ред. от 01.05.2018 г.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 145.

15. Об общественных объединениях: федеральный закон от 19.05.1995 г. № 82-ФЗ (ред. от 31.12.2017 г.) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 21. Ст. 1930.

16. О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 29.12.2006 г. № 244-ФЗ (ред. от 27.05.2018 г.) // Собрание законодательства РФ. 2007. № 1 (Ч. 1). Ст. 7.

Фомичев Андрей Андреевич, адъюнкт, andry2453@yandex.ru, Россия, Москва, Академия управления МВД России.

THE CONTENT OF MORALITY AS AN OBJECT OF CONSTITUTIONAL AND LEGAL PROTECTION

A.A. Fomichev

Annotation. The scientific article is devoted to the development of the evaluative concept of «morality», the establishment of its content as an object of constitutional and legal protection. The article analyzes the legislation and its individual provisions related to the protection of public morality. The positions of scientists who studied the content of morality as an object of legal protection in the branches of law are considered. The content of morality in constitutional law is

formulated. The conclusion is made about the need for further theoretical and practical developments in the field of protection of morality.

Key words: morality, public morality, protection of morality, restriction of rights and freedoms of man and citizen, the object of constitutional and legal protection, the content of morality, legal restriction based on morality, constitutional concept, evaluation concept.

Fomichev Andrei Andreevich. postgraduate student, andry2453@yandex.ru, Russia, Moscow, Academy of Management of the Interior Ministry of Russia.

УДК 343.98

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ С ОРГАНАМИ ДОЗНАНИЯ И ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ ПРИ УСТАНОВЛЕНИИ ФАКТА И ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ

С.А. Цурбанов

Рассматриваются особенности взаимодействия следователя с органами дознания и общественностью применительно к проверке версий и к решению сопутствующих задач по установлению факта и обстоятельств совершения общественно опасного посягательства и необходимой обороны от него. Отмечается, что поручение органу дознания о проведении отдельных следственных действий необходимо давать преимущественно в отношении следственных действий имеющих поисковую направленность; информация, поступающая от общественности, является ориентирующей, ее также необходимо проверять следственным и оперативно-розыскным путем.

Ключевые слова: следователь, орган дознания, поручение о производстве отдельных следственных действий, обстоятельства общественно опасного посягательства, общественность, информация о событии преступления, противодействие предварительному расследованию, необходимая оборона.

Согласно п.4 ч.2 ст.38 УПК РФ следователь уполномочен давать органу дознания в случаях и порядке, установленных УПК РФ, обязательные для исполнения письменные поручения. Реализовать данное процессуальное полномочие следователь может, как для установления и проверки различных обстоятельств по делу, так и факта и обстоятельств общественно опасного посягательства и оборонительных действий от него, данных характеризующих личности нападавшего и оборонявшегося, иной информации, имеющей значение для правильной оценки происшедшего события и уголовно-правовой

квалификации содеянного.

Давая органу дознания поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий или отдельных следственных действий по установлению и проверке факта общественно опасного посягательства и оборонительных действий от него, следователю необходимо обеспечить его должную информативность. Помимо версии о возможно имевшей место необходимой обороне или эксцессе обороны в таком письменном поручении целесообразно указать и те информационные и розыскные задачи, которые в рамках оперативно-розыскной деятельности должен в связи с этим решить орган дознания. В их числе задачи по:

- установлению очевидцев происшедшего и других лиц, обладающих значимой информацией о происшедшем и его участниках;
- получению информации о действиях нападавшего, оборонявшегося, других лиц, предшествовавших расследуемому событию (например, возникновение ссоры, факты оскорблений, угроз, насильственных действий и пр.), а также их последующему поведению;
- обнаружению дополнительных источников материальной криминалистически значимой информации (в том числе видеозаписей происшедшего) и их местонахождения;
- установлению принадлежности использованных при совершении общественно опасного посягательства и обороны от него оружия и других орудий и средств, а также проверка относимости предметов к расследуемому событию;
- получению сведений о личности нападавшего, оборонявшегося и других участников события, в том числе наличие у них боевых, специальных, спортивных навыков и умений, фактов обладания оружием и пр.;
- получение сведений о личности свидетелей, потерпевшего по делу, в том числе наличие криминального прошлого, склонности к даче ложных показаний, иному противодействию расследованию и пр.;
- установлению личности и розыска лиц из числа нападавших или оборонявшихся в ходе расследуемого события;
- реализации решения о государственной защите потерпевшего, свидетеля или других лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве.

Е.С. Дубоносовым справедливо отмечено, что одной из задач оперативно-розыскного обеспечения расследования выступает выявление предпринимаемых подозреваемыми, обвиняемыми и их окружением мер по противодействию органам расследования и суду, имея цель избежать уголовной ответственности [1, с. 103]. Поэтому сотрудники органов дознания, как при исполнении письменного поручения следователя, так и исходя из общих задач оперативно-розыскного обеспечения предварительного расследования, должны быть нацелены на выявление фактов оказания (попыток оказания) противодействия предстоящему и осуществляющемуся расследованию, его последствий, а также подготовки таких действий, и преодоление такого противодействия. Это предполагает:

- информирование следователя обо всех полученных оперативно-

розыскных и других имеющих отношение к расследуемому событию данных;

- создание дополнительных условий сохранности имеющих отношение к делу предметов и документов, а также выявленных материальных следов преступления, их фиксации и изъятия в ходе следственных действий;

- оперативный контроль за подозреваемым (обвиняемым) и связанными с ним лицами, их контактами со свидетелями и другими участниками предварительного расследования;

- по поручению следователя привод лиц, уклоняющихся от явки к следователю, розыск и задержание лиц, скрывающихся от следствия, и другие мероприятия.

Говоря об особенностях поручения сотрудникам органов дознания производства отдельных следственных действий, следует отметить имеющуюся на данный счет дискуссионную точку зрения, согласно которой сотрудники оперативно-розыскных подразделений могут привлекаться к производству или участию в следственном действии лишь с согласия лица, с которым проводится такое следственное действие (в частности, допрос или следственный эксперимент) [2, с. 12]. В данной ситуации полагаем, правильнее говорить о том, что следователю при даче поручения сотруднику органа дознания о производстве отдельного следственного действия либо привлечении к участию в проведении следственного действия, необходимо учитывать характер его взаимоотношений с подозреваемым (обвиняемым), свидетелем, потерпевшим, а также иными участниками предварительного расследования и другими сотрудниками правоохранительных органов. Имеется в виду своевременное выявление и профилактика возможной конфликтной ситуации в ходе проведения таких следственных действий, что может негативно отразиться на их результатах. В данном случае при установлении фактов и обстоятельств совершения общественно опасного посягательства и обороны от него необходимо избегать подобных конфликтов в ходе отдельных следственных действий, имеющих цель получение и проверку вербальной криминалистически значимой информации.

Учитывая сложность рассматриваемой категории уголовных дел, полагаем, что следователь должен сам производить основные следственные действия (первоначальные и последующие допросы подозреваемого, свидетелей-очевидцев, потерпевшего, очные ставки, проверки показаний на месте, предъявление для опознания и другие), направленные на установление и проверку обстоятельств общественно опасного посягательства и обороны от него, а поручение органу дознания о проведении отдельных следственных действий давать преимущественно в отношении следственных действий имеющих поисковую направленность (обыски, выемки и т.д.).

Качественное совместное планирование расследования следователем и сотрудниками органа дознания возможно только при обеспечении участия в планировании каждого участника взаимодействия. При таком планировании «...должны быть использованы творческие способности всех, чтобы ни одна версия, ни одна мысль не была отвергнута автоматически без детального обсуждения» [3, с. 131]. Сама работа по планированию расследования должна

носить системный характер, а обсуждения такого рода могут происходить не один раз в зависимости от изменения обстановки по уголовному делу [4, с. 91]. Аналогично и при планировании каких-либо совместных тактических операций, направленных на установление факта и обстоятельств совершения общественно опасного посягательства и обороны от него, а также на выявление и разоблачение фальсификаций и инсценировок оборонительных действий.

Кроме того, при установлении и проверке факта и обстоятельств общественно опасного посягательства и обороны от него определенную вспомогательную информацию следователь получает от общественности.

Анализ практики работы по рассматриваемой категории дел и специальной криминалистической литературы [5; 6; 7; 8; 9], позволяет сделать вывод, что взаимодействие следователя с общественностью по делам рассматриваемой категории при установлении и проверке факта и обстоятельств общественно-опасного посягательства и обороны от него, в том числе в условиях противодействия предварительному расследованию направлено, прежде всего, на решение следующих задач:

- получение сведений о возможных источниках доказательственной и иной криминалистически значимой информации о расследуемом событии (например, лицах, имеющих видеозапись происшедшего события (снятого на камеру, видеорегиистратор автомобиля, телефон); информация о событии, либо видеозапись события, размещенные в сети Интернет на различных сайтах и страницах);

- установление личности участников, очевидцев происшедшего и других свидетелей общественно опасного посягательства и обороны от него;

- получение сведений о знакомстве, характере взаимоотношений и имевших место контактах в период до и после расследуемого события между лицом, совершившим общественно опасное посягательство, оборонявшимся от него, свидетелями и другими лицами;

- сбор дополнительной информации о личности участников расследуемого события (как характеризуется по месту жительства и в быту, наличие криминального прошлого, боевых, специальных или спортивных навыков единоборств, стрельбы, владения огнестрельным или холодным оружием, его постоянном ношении и т.д.);

- доведение до населения информации об обстоятельствах происшедшего в целях снижения искусственно создаваемого общественного ажиотажа вокруг происшедшего и попыток дискредитации органов расследования, подозреваемого (обвиняемого), потерпевшего, свидетелей или других участников уголовного процесса;

- привлечение представителей общественности к мониторингу средств массовой информации, информационных и социальных компьютерных сетей в целях сбора данных о расследуемом событии, его участниках (при их наличии – об источниках размещения данных сведений на общедоступных информационных ресурсах);

- розыск интересующих органы расследования предметов и документов, а также подозреваемых (обвиняемых);

- воздействие через население и средства массовой информации на поведение лиц, не желающих сотрудничать с органами расследования, скрывающихся или оказывающих противодействие предварительному расследованию.

Информация, поступающая от общественности, является ориентирующей. Её необходимо проверять следственным и оперативно-розыскным путем. Она может быть взята за основу при планировании и производстве различных следственных действий и тактических операций. Например, получив от представителей общественности сведения о размещении в сети Интернет видеозаписи расследуемого события, возможна ее фиксация и приобщение к материалам уголовного дела в качестве доказательства, а в дальнейшем это может послужить основанием для проведения других следственных действий (например, дополнительного осмотра места происшествия, опознания по видеозаписи, проведения экспертиз и т.д.), и разработки тактики допроса подозреваемого (обвиняемого) и других лиц противодействующих расследованию.

Для улучшения взаимодействия следователя с общественностью в целях установления состояния необходимой обороны или эксцесса обороны, необходимо организовать оперативную обратную связь со следователем (например, номер контактного телефона, адрес электронной почты). При этом необходимо, чтобы такие каналы связи обеспечивали поступление к следователю интересующей информации в полном объеме и исключали возможность ее искажения, передачи третьим лицам или утраты в целях противодействия расследованию.

Учитывая, что в настоящее время противодействие предварительному расследованию установления состояния необходимой обороны (эксцесса обороны) осуществляется разнообразными приемами и способами, взаимодействие следователя с органами дознания и общественностью в целях установления факта и обстоятельств совершения общественно опасного посягательства и обороны от него имеет очень важное значение и должно осуществляться на системной и постоянной основе.

Список литературы

1. Дубонос Е.С. К вопросу о развитии учения об оперативно-розыском обеспечении расследования преступлений // Вестник Нижегородского университета им.Н.И.Лобачевского.2015. №2. С.102-105.

2. Багаутдинов Ф.Н. Регламентация в УПК РФ участия в следственных действиях сотрудников органов дознания, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность // Российский следователь. 2003. №3. С. 12.

3. Плеснева Л.П. Совместное планирование как форма взаимодействия следователя с органами дознания // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. Иркутск: Изд.БГУ, 2014.С.131.

4. Бахтеев Д.В., Драпкин Л.Я. Взаимодействие следователей с органами дознания и другими участниками расследования преступлений // Электронное

приложение к Российскому юридическому журналу. 2017. №3. С. 91.

5. Головин А.Ю., Дубонос Е.С. Использование средств массовой информации в раскрытии и расследовании преступлений. Тула: Изд. ТулГУ, 2001.

6. Гаврилов А.М. Привлечение населения к участию в борьбе с преступностью: дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004.

7. Ишин А.М. Использование средств массовой информации при управлении и розыске лиц, совершивших преступления в ходе предварительного следствия: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1996.

8. Локтионова Ю.Ю. Понятие и значение привлечения населения к расследованию и профилактике преступлений // Общество и право. 2009. №3. С.235-237.

9. Резникова А.Г. Базовые понятия криминалистического учения о взаимодействии следователя с общественностью в расследовании преступлений // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2017. Вып. 1. Ч. II. С. 167 -171.

Цурбанов Сергей Александрович, аспирант, прокурор Тепло-Огарёвского района, s.tsurbanov@yandex.ru, Россия, Тула, Тульский государственный университет.

FEATURES OF THE INTERACTION OF THE INVESTIGATOR WITH THE BODIES OF INQUIRY AND THE PUBLIC IN ESTABLISHING THE FACT AND CIRCUMSTANCES OF DEFENSIVE ACTIONS

S.A. Tsurbanov

The features of the interaction of the investigator with the bodies of inquiry and the public in relation to the verification of versions and to the solution of related tasks to establish the fact and circumstances of the commission of socially dangerous encroachment and the necessary defense against him are considered. It is noted that the instruction to the body of inquiry on the conduct of individual investigative actions should be given mainly in relation to investigative actions with a search orientation; Information from the public is orienting; it also needs to be checked through investigative and operational search.

Key words: investigator, body of inquiry, order for the production of individual investigative actions, circumstances of socially dangerous encroachment, public, information about a crime event, opposition to a preliminary investigation, necessary defense.

Tsurbanov Sergey Alexandrovich, postgraduate Student, Prosecutor of the Teplo-Ogarevsky District, s.tsurbanov@yandex.ru, Russia, Tula, Tula State University.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА

Е.В. Чинёнов, В.И. Щукин

Рассмотрены проблемы расследования экономических преступлений в сфере железнодорожного транспорта и обоснована необходимость формирования методики их расследования. Отмечается, что исходные положения методики расследования экономических преступлений в сфере железнодорожного транспорта должны отражать наиболее существенные организационные, технико-криминалистические и тактические аспекты. Указываются причины координации и согласованности взаимных действий следователя и специалиста при расследовании экономических преступлений на железнодорожном транспорте.

Ключевые слова: криминалистическое обеспечение, методика расследования экономических преступлений, железнодорожный транспорт.

Экономические преступления занимают весомое место в ряду преступных посягательств, совершаемых на объектах железнодорожного транспорта и его инфраструктуры. Преступления в этой сфере обладают определенной спецификой. Она проявляется в способах их подготовки, совершения, сокрытия. Преступные действия предопределяются конкретными целевыми установками и формируются под влиянием отраслевой специфики железнодорожного транспорта. Реализация преступного замысла происходит путем выполнения типичных действий и операций с применением особых орудийно-инструментальных средств, индивидуализирующих способ совершения экономических преступлений в сфере железнодорожного транспорта. Обладают своеобразием личностные характеристики субъекта указанных преступлений.

Организация раскрытия и расследования экономических преступлений в исследуемой сфере обладает рядом особенностей. Они проявляются в криминалистическом обеспечении: методическом, тактико-криминалистическом, технико-криминалистическом, а также в вопросах организации взаимодействия следователя с линейными и территориальными оперативными подразделениями; в использовании специальных знаний.

Проблематика методического обеспечения раскрытия, расследования преступлений в криминалистике является объектом научных изысканий на протяжении нескольких десятилетий. Вклад в формирование концептуальных положений криминалистической методики расследования преступлений внесли такие ученые, как: Р.С. Белкин, А.Н. Васильев, И.А. Возгрин, Н.Л. Гарант, С.А. Голунский, А.Н. Колесниченко, И.Ф. Крылов, И.М. Лузгин, С.П. Митричев, Н.А. Селиванов, В.Г. Танасевич, Н.П. Яблоков, И.Н. Якимов, Б.М. Шавер и другие отечественные ученые-криминалисты [1, с. 66].

По мнению С.П. Митричева, деятельность по расследованию преступлений должна строиться с учетом индивидуальности и своеобразия каждого преступного деяния и быть направлена на нахождение общего в способах совершения преступлений; в действиях преступников и оставляемых ими следах; в преступных связях и обстоятельствах, подлежащих доказыванию, основанных на нормах уголовного и уголовно-процессуального законодательства [2, с. 5]. И.А. Возгрин определяет криминалистическую методiku различных видов преступлений как систему рекомендаций по эффективному проведению следствия или дознания, разработанных на основе изучения объективных закономерностей организации раскрытия и расследования преступлений [3, с. 262].

Термин «криминалистическая методика расследования преступлений» в научный оборот был введен В.И. Громовым в 1929 году. По его справедливому мнению, умение методически правильного построения и ведения следственной работы предопределяет успех расследования [4, с. 7]. В становление и развитие криминалистической методики как самостоятельного раздела криминалистики особую лепту внес И.Н. Якимов, создавший типовую схему расследования. Ее основу составили действия «... по установлению вещественного состава преступления», «... по собиранию и оценке улик», «... по выявлению личности предполагаемого виновника преступления» и пр. [5, с. 336] С.А. Голунский и Б.М. Шавер в своей совместной работе определили криминалистическую методiku частью науки криминалистики, обобщающую опыт расследования преступлений путем применения наиболее целесообразных приемов и методов [6, с. 3].

Основным условием конструирования любого прикладного знания является анализ положений раскрывающихся в науке через категорию принципов. В полной мере это относится к базовым принципам построения криминалистических методик, обоснованных И.А. Возгриным, и представленных им в виде классификационной системы: научность; целостность; системность; ситуационность [7, с. 24]. Дальнейшие научные изыскания, предпринятые Р.С.Белкиным, А.В. Варданяном, А.С. Шаталовым Н.П. Яблоковым и другими учеными, несколько расширили исходную структуру принципов. Среди них особо значимыми для построения методики расследования экономических преступлений в сфере железнодорожного транспорта нами выделяются следующие: адаптация применительно к конкретным условиям расследования [8, с. 277], этапность расследования [9, с. 362], детерминированность закономерностями преступной деятельности [10, с. 22; 11, с. 17; 12, с. 3; 13, с. 8]. Адаптация и расширение дифференциации обосновывается специфичностью деятельности субъектов расследования на объектах транспорта; наличием характерных условий, присущих первоначальному этапу расследования экономических преступлений в сфере железнодорожного транспорта, и особенностями взаимодействия и организации расследования; особым характером преступной деятельности и ее механизма, формирующими определенную характерную картину следов [14, с. 12; 15, с. 8; 16, с. 146].

Расследование экономических преступлений, совершенных в сфере железнодорожного транспорта, носит сложный и многоэтапный характер, включающий в себя набор определенных обязательных процессуальных действий и решений, оперативно-розыскных мероприятий. В содержании каждого из этапов достаточно отчетливо прослеживается с одной стороны экономическая, а с другой – транспортная специфика. Расследование экономических преступлений на железнодорожном транспорте, как правило, осуществляется продолжительное время, затрагивает большое количество объектов, находящихся на значительном удалении друг от друга, характеризуется наступлением определенных качественных изменений, связанных с установлением обстоятельств, предмета доказывания в процессе производства следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, объединенных единой целью решения задач и ситуаций расследования [17, с. 21]. Наличие необходимой информации и доказательств, особенности их добывания и оценки, специфичность применяемых тактических решений, операций и комбинаций по делам данной категории обосновывают ситуационный характер расследования изучаемых видов преступлений.

Отличительной чертой расследования экономических преступлений в сфере железнодорожного транспорта, по мнению Т.С. Волчецкой, является закономерность отражения криминальных ситуаций, криминальных событий в оставляемых ими следах [18, с. 26], обладающих характерными признаками зеркального отображения сферы производственно-экономической деятельности железнодорожного транспорта. Устанавливаются подобные следы, анализируются, исследуются, используются посредством применения специальных методов, входящих в систему экономической криминалистики [19, с. 117].

Методико-криминалистическое обеспечение расследования различных видов преступлений в сфере железнодорожного транспорта, в том числе и экономических, в настоящее время находится в стадии активных научных разработок [20; 21; 22; 23; 24; 25; 26]. Для проводимого нами исследования примечательной является позиция Ю.Г. Корухова о закономерностях организации и осуществления раскрытия, расследования и предотвращения различных видов преступлений. Предполагается выработка на их основе научно обоснованных рекомендаций по эффективному ведению следствия и дознания [3, с. 262]. В результате ее осмысления и обобщения опыта расследования экономических преступлений совершенных на железнодорожном транспорте выделим наиболее устойчивые и часто повторяющиеся особенности, относящиеся к процессу расследования. В их числе: деятельность по получению и проверке первичной информации о событиях, имеющих признаки преступлений в исследуемой сфере; определение круга типичных обстоятельств, подлежащих доказыванию; проведение отдельных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий; использование специальных знаний; моделирование и алгоритмизация действий.

Успех расследования экономических преступлений в сфере железнодорожного транспорта зависит от использования разнообразных специальных знаний, относящихся к сфере деятельности железнодорожного транспорта, экономики, технологических процессов и др.

Проблемы комплексности подхода к научным исследованиям в области методического обеспечения расследования преступлений в сфере экономики в настоящее время активно исследуются А.Ф. Волынским, А.Ю. Головиным, С.Ю. Журавлевым, В.Д. Зеленским, М.В. Кардашевской, И.П. Можяевой, В.А. Прорвичем, С.В. Растороповым, И.В. Тишутиной, А.В. Шмониным и другими учеными. По мнению А.Ф. Волынского, методику и организацию расследования экономических преступлений следует считать категорией межнаучной и междисциплинарной: «...методика без организации беспомощна, организация без методики бесцельна» [30, с. 10]. М.В. Кардашевская ставит вопрос о возможности выделения организации расследования преступлений в самостоятельный раздел криминалистики [27, с. 206]. Н.В. Павличенко и П.И. Иванов, в исследовании методики расследования преступлений в сфере экономической деятельности определяют основания необходимые для разработки криминалистических методик [28, с. 111].

На наш взгляд *исходные положения* методики расследования экономических преступлений в сфере железнодорожного транспорта в первую очередь *должны отражать* наиболее существенные *организационные, технико-криминалистические и тактические аспекты*.

Организация расследования, по мнению И.П. Можяевой, это непрерывный процесс научно организованной и научно обоснованной деятельности, осуществляемой с использованием организационных, материально-технических и других средств и приемов, обеспечивающих эффективность и оптимальность выявления, расследования и предупреждения преступлений [29, с. 199]. Одной из особенностей организации расследования экономических преступлений в сфере железнодорожного транспорта является характер совместных действий следователя с органом дознания в целях реализации задач расследования. Другой – характер совместных действий следователя и специалиста, либо использование в процессуальной и непроцессуальной форме специальных знаний, в том числе и в области производственно-экономической деятельности железнодорожного транспорта. В этой связи примечательно высказывание А.Ф. Волынского « ... причем не ситуативного использования помощи специалиста, а его постоянного участия в расследовании в качестве специалиста-консультанта; реализации возможностей оперативно-розыскной деятельности не «по случаю» и не «для галочки», а в порядке совместных действий» [30, с. 12]. Взаимодействие оперативного работника и следователя со специалистами проявляется в совместной работе по сбору информации и доказательств в ходе оперативно-розыскных и следственных действий. Специалист способен оказать консультационную и практическую помощь в выявлении, фиксации и изъятии доказательств, а также в определении направления дальнейшего их использования в раскрытии и расследовании экономических преступлений путем решения вопросов

диагностического и ситуационного характера. Важным аспектом взаимодействия следователя со специалистом является ориентирование следователя на перспективу экспертного исследования следов и вещественных доказательств, и оказание содействия в формулировании вопросов выносимых на его разрешение.

Необходимость координации и согласованности взаимных действий при расследовании экономических преступлений на железнодорожном транспорте объясняется рядом причин:

во-первых, отраслевыми особенностями деятельности органов внутренних дел на транспорте, что предполагает выездной характер деятельности оперативных подразделений в отдалении от сосредоточения основных сил и средств органов внутренних дел на транспорте;

во-вторых, спецификой осуществления функций в условиях постоянно действующих на объектах транспорта технологических процессов (круглосуточность работы, непрерывность пассажиропотоков, высокая концентрация материальных ценностей и товаров и пр.), способных резко изменять оперативную обстановку, направленность и интенсивность действий ОВД на транспорте;

в-третьих, отсутствием, в большинстве случаев, возможности своевременно получить необходимую помощь специалистов.

Все вышеперечисленные факторы обусловлены:

– значительной протяженностью участков оперативного обслуживания органов внутренних дел на транспорте;

– сосредоточением на сравнительно небольших территориях большого количества материальных ценностей и лиц, задействованных в транспортном процессе;

– динамикой перемещения грузов и служебной информации; непрерывностью, цикличностью производственно-экономической деятельности;

– экономической, производственной, и административной взаимосвязанностью транспортных процессов с деятельностью юридических и физических лиц находящихся в зоне оперативного обслуживания территориальных органов внутренних дел;

– режимом работы в отрасли.

Учитывая изложенные особенности железнодорожного транспорта, следует отметить, что они влияют на формирование методики расследования экономических преступлений, совершаемых на железнодорожном транспорте. Именно комплексный подход использования организационных, технико-криминалистических и тактических действий дает возможность оптимизировать практическую деятельность по расследованию этой категории преступлений.

Список литературы

1. Шаталов А.С. Вопросы модернизации частных криминалистических методик расследования преступлений // Вестник Томского государственного университета. Право. 2016. №1 (19). С.64-77.
2. Митричев С.П. Методика расследования отдельных видов преступлений: (Лекции) / М-во высш. и сред. спец. образования СССР. Всесоюз. юрид. заоч. ин-т. М., 1973. 38 с.
3. Криминалистика: История, общая и частные теории. В 3-х томах: учебник. Т. 1 / Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Возгрин И.А., Волынский А.Ф., и др. / под ред.: Белкин Р.С., Коломацкий В.Г. М.: Изд-во Акад. МВД России, 1995. 279 с.
4. Громов В.У. Методика расследования преступлений: Руководство для органов милиции и уголовного розыска / Вл. Громов. 2-е изд., доп. М.: Изд-во Нар. ком. внутр. дел РСФСР, 1930 (тип. изд-ва НКВД). 136 с.
5. Якимов И.Н. Криминалистика. М.: НКВД РСФСР, 1925. 496 с.
6. Голунский С.А., Шавер Б.М. Криминалистика. Методика расследования отдельных видов преступлений. М.: Юриздат.: 1939. 372 с.
7. Возгрин И.А. Принципы методики расследования отдельных видов преступлений: Учеб. пособие. Ленинград : ВПУ МВД СССР, 1977. - 80 с.
8. Белкин Р.С. Общая теория советской криминалистики. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1986. 398 с.
9. Герасимов В.Н., Колдин В.Я., Крылов В.В., Куликов В.И., и др.; Криминалистика: учебник / отв. ред.: Яблоков Н.П. М.: БЕК, 1996. 708 с.
10. Варданян А.В., Грибунов О.П. Современная доктрина методико-криминалистического обеспечения расследования отдельных видов преступлений // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. №2 (81). С. 23-35.
11. Варданян А.В., Айвазова О.В. Принципы формирования частных криминалистических методик: современное состояние и пути совершенствования // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. Вып. 1. Ч. II. С.17-23.
12. Головин А.Ю. Проблемы и пути совершенствования методик расследования отдельных видов преступлений // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2014. Вып. 3. Ч. II. С. 3-10.
13. Головин А.Ю., Головина Е.В. Деятельность по раскрытию и расследованию преступлений как объект системных наблюдений: монография. Москва, 2010. Издательство РосНОУ. 160 с.
14. Грибунов О.П. Теоретические основы и прикладные аспекты раскрытия, расследования и предупреждения преступлений против собственности, совершаемых на транспорте: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук Ростов-на-Дону, 2016. 54 с.

15. Щукин В.И. Расследование незаконной перевозки запрещенных веществ и предметов на железнодорожном транспорте: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1992. 230 с.
16. Чиненов Е.В. Щукин В.И. Следы экономических преступлений, совершаемых на объектах железнодорожного транспорта // Юристъ-Правоведъ. №3. 2018. С.146-150.
17. Гавло В.К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. Томск: Томский университет, 1985. 333 с.
18. Волчецкая Т.С. Генезис, современные тенденции и перспективы развития криминалистической ситуалогии на современном этапе // Актуальные проблемы использования ситуационного подхода в юридической науке и правоприменительной деятельности: материалы международной научно-практической конференции. БФУ им. И. Канта. Калининград: Изд-во БФУ им. И.Канта, 2012. С.26-27.
19. Голубятников С.П. Экономическая криминалистика: фантом или реальность // Вестник Нижегородской Академии МВД России, 2017. №4 (40). С.117-121.
20. Грибунов О.П. Теоретические основы и прикладные аспекты раскрытия, расследования и предупреждения преступлений против собственности, совершаемых на транспорте: дисс. ... д-ра юрид. наук. Ростов н/Д, 2016. 543 с.
21. Набоких И.А. Криминалистическая модель экономических преступлений, совершаемых на железнодорожном транспорте в условиях реформирования: дисс. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2004. 138 с.
22. Малыхина Е.А. Методика расследования хищений комплектующих деталей объектов железнодорожного транспорта: дисс. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2018. 196 с.
23. Пермяков А.Л. Методика расследования мошенничества, связанного с осуществлением инвестиционных проектов на предприятиях железнодорожного транспорта: дисс. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2016. 197 с.
24. Новиков Е.Ф. Оперативно-розыскное предупреждение хищений с объектов транспорта (по материалам Забайкальского УВД на транспорте. автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Псков, 2012. 28 с.
25. Ярошенко С.А. Выявление, раскрытие и предупреждение преступлений экономической направленности в сфере пассажирских перевозок на железнодорожном транспорте (по материалам Дальневосточного федерального округа): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2011. 21 с.
26. Чиненов Е.В. Щукин В.И. Экономические преступления, совершаемые на железнодорожном транспорте, как объект криминалистического научного анализа // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. №1 (84). С.90-103.

27. Кардашевская М.В. Организация расследования преступлений в структуре криминалистики // Вестник Московского университета МВД России. 2015. №8. С.204-206.

28. Павличенко Н.В., Иванов П.И. Современное состояние методик расследования преступлений в сфере экономической деятельности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. №3 (39). С.110-115.

29. Можаяева И.П. К вопросу о методологических основах криминалистического учения об организации расследования преступлений // Общество и право. 2014. №3 (49). С.197-201.

30. Волынский А.Ф., Тишутина И.В. Об организации и методике расследования преступлений в сфере экономики // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. №7. С. 10-15.

Чиненов Евгений Владимирович, канд. экон. наук, доц., начальник кафедры, Chinenovevg@yandex.ru, Россия, Белгород, БелЮИ МВД России имени И.Д. Путилина,

Щукин Владимир Иванович, канд. юрид. наук, доц., профессор кафедры, SchukinVI1956@yandex.ru, Россия, Белгород, БелЮИ МВД России имени И.Д. Путилина

FEATURES OF THE FORMATION OF METHODS FOR THE INVESTIGATION OF ECONOMIC CRIMES IN THE FIELD OF RAILWAY TRANSPORT

E.V. Chinenov, V.I. Shchukin

The article deals with the problems of investigation of economic crimes in the field of railway transport and the necessity of formation of methods of their investigation.

Key words: criminalistic support, methods of investigation of economic crimes, railway transport.

Chinenov Evgeny Vladimirovich, Cand. econ Science, Assoc. Prof., Head of the Department, Chinenovevg@yandex.ru, Russia, Belgorod, BelUI of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin,

Schukin Vladimir Ivanovich, Cand. legal Science, Assoc. Prof., Professor, SchukinVI1956@yandex.ru, Russia, Belgorod, BelUI of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin

СОДЕРЖАНИЕ

Волчецкая Т.С., Абрамовский А.А. Криминалистический профайлинг в России и за рубежом.....	3
Волынский А.Ф., Тишутина И.В. Судебная экспертиза в системе научно-технического обеспечения поисково-познавательной деятельности при расследовании преступлений.....	9
Грибунов О.П., Гольчевский В.Ф., Ващенко Б.М. К вопросу о необходимости проведения экспертизы технического состояния дорог и дорожно-транспортных преступлений.....	18
Можаева И.П. Учение о противодействии расследованию преступлений и его соотношение с криминалистическим учением об организации расследования преступлений.....	23
Самарцева Е.И. Из истории криминологии в России и Словении. Александр Васильевич Маклецов.....	30
Тишутина И.В., Кудрявцев Д.С. Безопасность участников уголовного судопроизводства – залог эффективности преодоления противодействия раскрытию и расследованию преступлений (на примере опыта Российской Федерации и Республики Беларусь).....	45
Толстухина Т.В., Светличный А.А., Панарина Д.В. Основные научные направления терминоведения общей теории судебной экспертизы.....	52
Бодунова К.Г. К вопросу о личности преступника, совершившего мошенничество при получении субсидий в сфере малого и среднего предпринимательства (криминалистический аспект).....	61
Бурвиков Н.В. Интеграция экспертных знаний по объекту исследования и ее значение при классификации судебных экспертиз.....	68
Быстрова Ю.В., Орлова Ю.Р. Некоторые проблемы квалификации преступлений, совершаемых в сфере жилищно-коммунального хозяйства.....	75

Генералова Я.Ю. Развитие представлений о задачах криминалистического предупреждения (профилактики) преступлений в трудах отечественных и зарубежных ученых-криминалистов.....	85
Давыдов В.О. Организационно-тактические особенности производства осмотра места происшествия по делам о преступлениях террористического характера сотрудниками Федерального бюро расследований (США).....	92
Дендебер С.Н., Пинчук В.В. Правовое регулирование и практический опыт службы пробации в Республике Казахстан.....	99
Евсиков К.С. Юридическая дивергенция института общественного контроля и ее влияние на реализацию права граждан на участие в управлении делами государства.....	105
Егорова Т.И. Международный и национальный (немецкий) подходы к уголовно-правовой защите обеспечения рождаемости.....	112
Желева О.В. Усмотрение как предпосылка злоупотребления должностными лицами правом в уголовном судопроизводстве.....	117
Звезда И.И. К вопросу о назначении судебной экспертизы при расследовании мошенничества в сфере компьютерной информации.....	125
Иванов Е.Е. Уведомление о подозрении в совершении преступления и вопросы расширения сферы его применения.....	133
Казачек Е.Ю. Вопросы допустимости доказательств, полученных в случаях, не терпящих отлагательства (по материалам судебно-следственной практики).....	141
Морозова М.В., Малахвей Е.Д. Применение информационных технологий в избирательном процессе как инструмент повышения электоральной активности.....	147

Пономарев П.А. Иррегулярные воинские формирования на службе в подразделениях внутренней стражи Российской Империи в Восточной Сибири (на примере института казачества).....	154
Пустомолотов И.И. Договорной элемент в средствах защиты гражданско-правовых обязательств.....	163
Пустомолотов И.И., Руденко Т.Ю., Тарасова Н.Г. Общие закономерности в действиях способов обеспечения исполнения гражданско-правовых обязательств.....	171
Рыжиков Д.А. Влияние условий проведения эксперимента на методику экспериментирования.....	179
Сафронова Е.В., Старичков М.В. Взаимодействие следственных подразделений и оперативных сотрудников при расследовании разбойных нападений на организации, осуществляющие микрофинансовые операции с населением.....	186
Скоропупова М.Ю. К вопросу о проблемах окончания расследования уголовного дела и направления дела прокурору.....	193
Темнов Э.С., Берестнев М.А., Абрамова В.А. Правовые критерии определения эффективности расходования средств для организации культурно-массовой, физкультурной и спортивной, оздоровительной работы со студентами.....	198
Фомичев А.А. Содержание нравственности как объекта конституционно-правовой защиты.....	203
Цурбанов С.А. Особенности взаимодействия следователя с органами дознания и общественностью при установлении факта и обстоятельств оборонительных действий.....	211
Чинёнов Е.В., Щукин В.И. Особенности формирования методики расследования экономических преступлений в сфере железнодорожного транспорта.....	217

CONTENTS

Volchetskaya T.S., Abramovskiy A.A. Forensic profiling in Russia and abroad.....	3
Volynsky A.F., Tishutina I.V. Judicial expertise in the system of scientific and technical support of searching and cognitive activity in the investigation of crimes.....	9
Gribunov O. P., Golczewski V.F., Vachenko B.M. On the need for an examination of the technical condition of roads and road traffic crimes.....	18
Mozhayeva I.P. The doctrine of countering the investigation of crimes and its ratio with forensic teaching about the organization of the investigation of crimes.....	23
Samartseva E.I. From the history of criminology in Russia and Slovenia. Alexander Vasilyevich Makletsov.....	30
Tishutina I.V., Kudryavtsev D.S. The safety of participants in criminal proceedings is the key to the effectiveness of overcoming countering the detection and investigation of crimes (using the experience of the Russian Federation and the Republic of Belarus as an example).....	45
Tolstukhina T.V., Svetlichny A.A., Panarina D.V. The main scientific areas of terminology general theory of forensics.....	52
Bodunova K.G. On the issue of the identity of the offender who committed fraud in obtaining subsidies in the field of small and medium-sized businesses (forensic aspect).....	61
Burvikov N.V. Integration of expert knowledge on the object of study and its value in the classification of forensic examinations.....	68
Bystrova Y.V., Orlova Y. R. Some problems of qualifying crimes committed in the field of housing and communal services.....	75
Generalova Y.Y. The development of perceptions of the tasks of forensic prevention (prevention) of crimes in the works of domestic and foreign forensic scientists.....	85

Davydov V.O. Organizational and tactical features of the inspection of the scene in cases of crimes of a terrorist nature by employees of the Federal Bureau of Investigation (USA).....	92
Dendeber S.N., Pinchuk V.V. Legal regulation and practical experience of the probation service in the Republic of Kazakhstan.....	99
Evsikov K.S. Legal divergence of the institute of public control and its influence on the realization of the right of citizens to participate in the management of state affairs.....	105
Egorova T.I. European international and german national approaches the criminal law provision of fertility.....	112
Zheleva O.V. Discretion as a prerequisite for abuse of law by officials in criminal proceedings.....	117
Zvezda I.I. On the issue of the appointment of a forensic examination in the investigation of fraud in the field of computer information.....	125
Ivanov E.E. Notice of suspicion of a crime and questions of expanding its scope.....	133
Kazachek E.Y. Issues of admissibility of evidence obtained in cases that do not wait (according to the materials of the judicial-investigative practice).....	141
Morozova M.V., Malakhvey E.D. The use of information technology in the electoral process as a tool to increase electoral activity.....	147
Ponomarev P.A. Irregular military units in the service in the units of the internal guard of the Russian Empire in Eastern Siberia (on the example of the Cossacks Institute).....	154
Pustomolotov I.I. Contractual element in civil liability protection.....	163

Pustomolotov I.I., Rudenko T.Y., Tarasova N.G. General patterns in the actions of ways to ensure the fulfillment of civil obligations.....	171
Ryzhikov D.A. The influence of the conditions of the experiment on the methodology of experimentation.....	179
Safronova E.V., Starichkov M.V. The interaction of investigative units and operational staff in the investigation of robberies against organizations engaged in microfinance operations with the population.....	186
Skoropupova M. Y. To the issue of completions problems of the criminal investigation and referral of the case to the prosecutor.....	193
Temnov E.S., Berestnev M.A., Abramova V.A. On the efficiency of the expenditure of means for the organization of cultural-mass, physical and sports, health-improving work with students.....	198
Fomichev A.A. The content of morality as an object of constitutional and legal protection.....	203
Tsurbanov S.A. Features of the interaction of the investigator with the bodies of inquiry and the public in establishing the fact and circumstances of defensive actions.....	211
Chinenov E.V., Shchukin V.I. Features of the formation of methods for the investigation of economic crimes in the field of railway transport.....	217

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ИЗВЕСТИЯ
ТУЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Выпуск 4

Часть II

Редактор Н.В. Бугаевская
Учредитель:
ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет»
300012, г. Тула, просп. Ленина, 92

Изд.лиц. ЛР №020300 от 12.02.97. Подписано в печать 20.11.18.
Дата выхода в свет 21.12.18.
Формат бумаги 70x100 1/16. Бумага офсетная.
Усл.печ.л. 33,2.
Тираж 500 экз. Заказ 185.
Цена свободная

Адрес редакции и издателя:
300012, г. Тула, просп. Ленина, 95

Отпечатано в Издательстве ТулГУ.
300012, г. Тула, просп. Ленина, 95